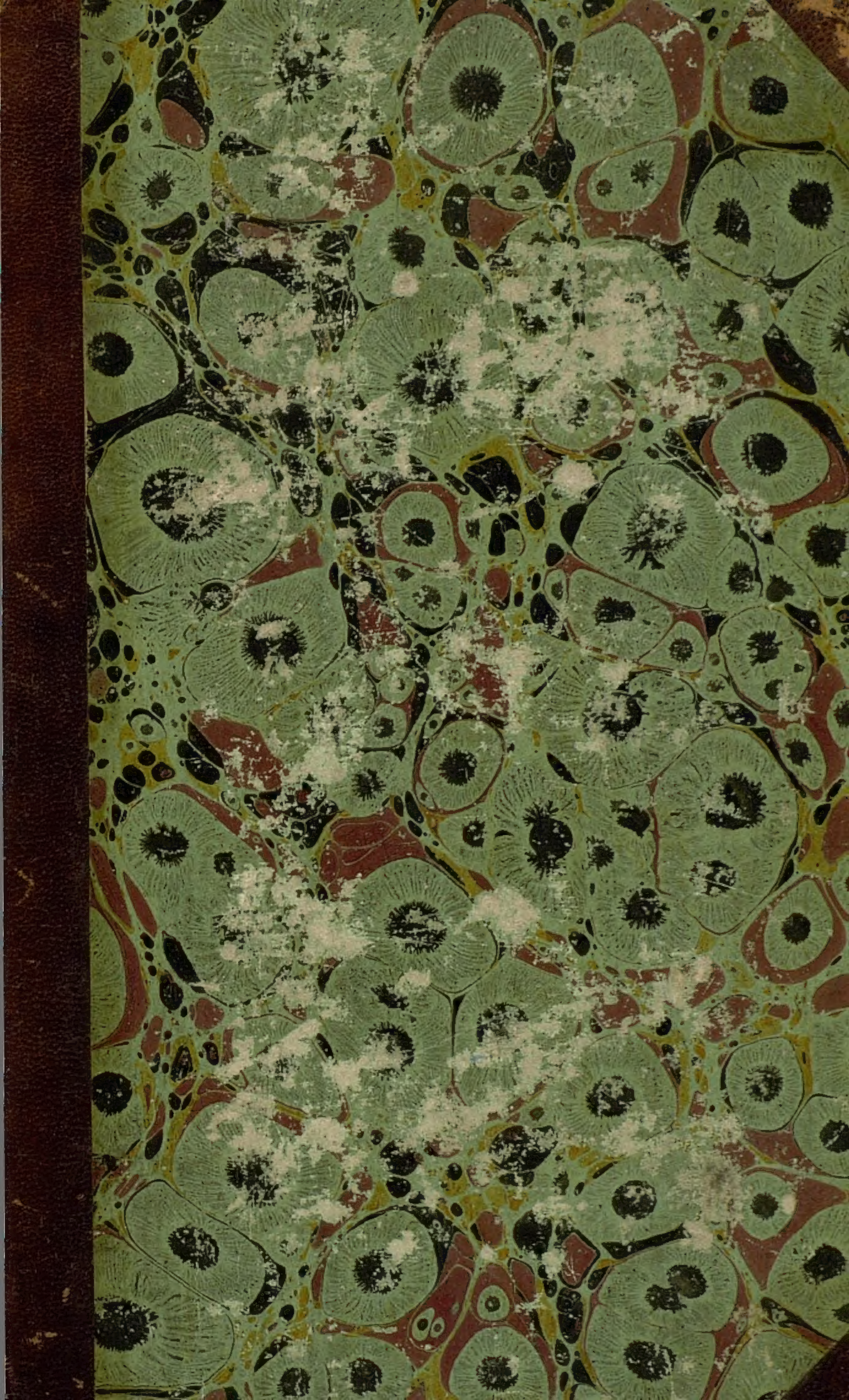

З. 18.

Ш. 47.

П. 6.

№ 7.

4

СОЧИНЕНІЯ
КАРАМЗИНА.

=

IV

X

THE UNIVERSITY OF

ATLANTA

LIBRARY

OF THE

ATLANTA

19

СОЧИНЕНІЯ
КАРАМЗИНА.

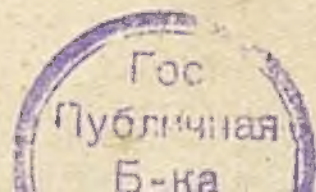
ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Издание четвертое.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Александра Смирдина.

1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ шѣмъ, чшобы по оппечатаіи предспавлены были
въ Ценсурный Комишешъ при экземпляра.

С.-Петербургъ, 7 Іюня 1834 года.

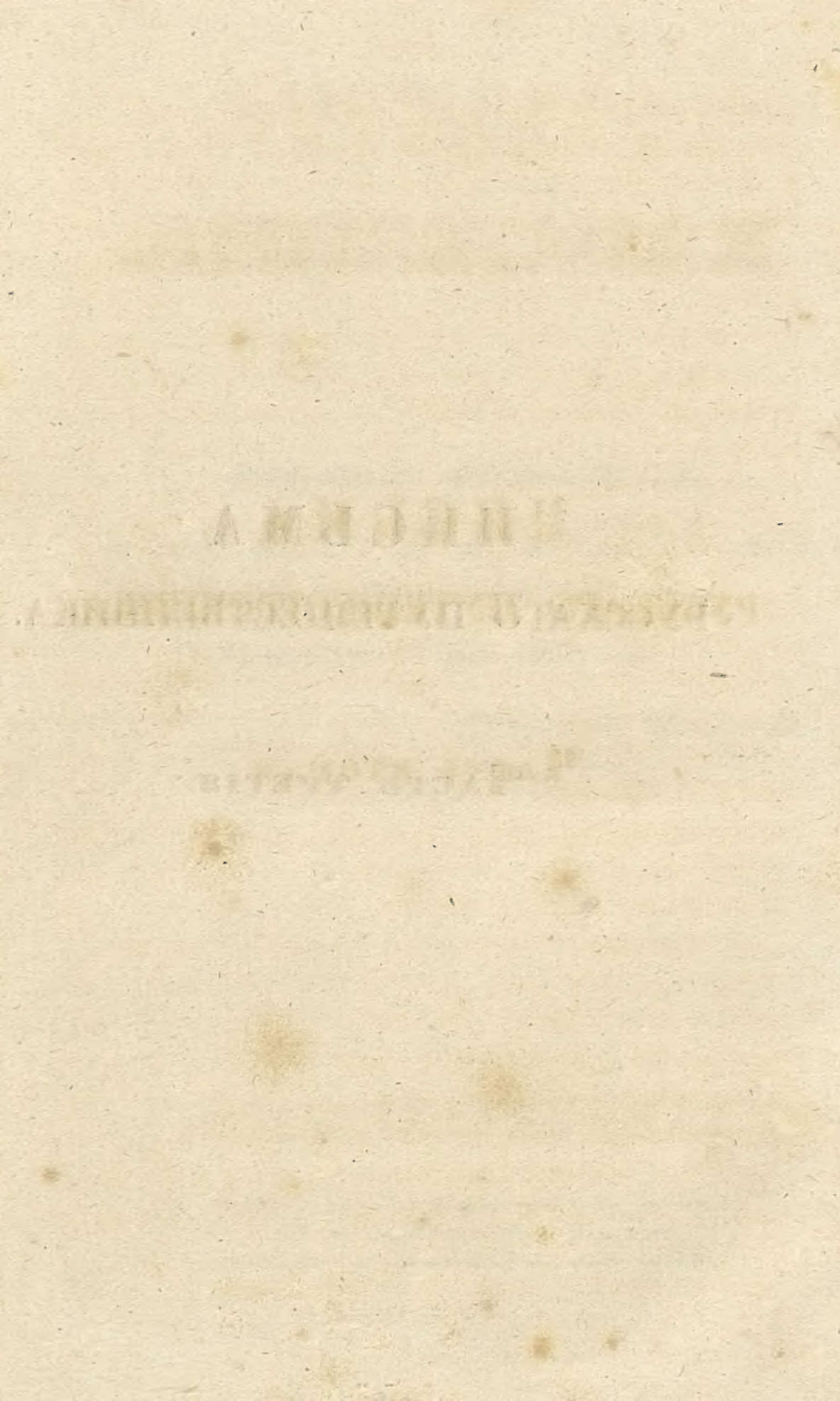
Ценсоръ *А. Никитенко.*

Изданіе книгопродавца Смирдина.

ПИСЬМА
РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

=

Часть третія.

ПИСЬМА
РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

=

Часть вторая.

СОЧИНЕНІЯ КАРАМЗИНА.

ЖЕНЕВА.

Пріятель мой Б* уѣхалъ въ Лозанну. Сію мину-
ту получилъ я отъ него письмо. Вотъ оно:

«Ахъ мой другъ! жалѣй о несчастномъ! Про-
спуда, кашель, боль въ груди, едва ли позво-
ляющъ мнѣ за перо взяться; но я непремѣн-
но долженъ извѣстить тебя о моемъ мелан-
холическомъ приключеніи.

«Ты помнишь молодую Ивердонскую краса-
вицу, съ которою мы ужинали въ Базель, въ
«трактиръ *Arista*»; помнишь, можетъ быть,
«и то, что я сидѣлъ рядомъ съ нею; что она
«говорила со мною ласково, и смотрѣла на ме-
ня съ любовью — ахъ! какая прекрасная го-
ра могла заставить мое сердце отъ нея про-
извести такихъ восторговъ? Какія счастливѣйшія грома-

* Письма Русскаго Пущина. Ч. II. стр. 40.

«ды могли погасить огонь, воспаленный сими
«взорами въ неспячку жизни моей? Такъ, мой
«другъ! я учился Анастомъ, Медици, и знаю,
«что сердце есть не спячка жизни,
«хотя почтенный Докторъ Мегадидаксъ,
«смыслъ съ уваженіемъ достойнымъ Микролого-
«сомъ, искалъ души и жизненнаго начала въ
«чудесномъ, онъ глазъ нашихъ укрывающемся
«спячущемъ нервъ..... Но я боюсь удалиться
«отъ моего предмета, и потому, оправдая на
«сей разъ почтеннаго Мегадидакса и уваже-
«ніемъ достойнаго Микрологоса, скажу тебѣ он-
«кровенно, что Швердонская красавица возбу-
«дила во мнѣ такіа чувства, которыхъ — те-
«перь описать не умю. Не знаю, что бы изъ
«меня вышло, и что бы я сдѣлалъ, если бы
«бы она — о жестокой ударъ! — не ушла изъ
«спячки въ самую эту ночь, въ которую
«душа моя занималась съ величайшимъ жа-
«ромъ, и въ которую удивительный сонъ не
«смыкалъ глазъ моихъ. Ты выведи меня изъ
«Базеля; путешествованіе, пріятныя мѣста, встрѣ-
«ча съ Француженкою, маленькой Пьеръ, блѣ-
«ка, злая блѣда *, новыя знакомства, водона-
«ды, горы, дѣвица Г** — все сіе не могло со-
«вершенно затерять образа прекрасной Швер-
«донки въ сердце моемъ. Долго старался я пре-
«одолевать себя; но тщетно! Близкая рѣка
«рано или поздно разрываетъ все оковы:
«страхъ и любовь! Направь въ Лозанъ лошадь,

* Томъ III, стр. 54.

«поѣхалъ я верхомъ въ Ивердонъ: скакать, ле-
«пѣть, и въ 10 часовъ утра быть уже на мѣ-
«стѣ — остановился въ пракиннѣ, напудрил-
«ся, снялъ съ себя коринкъ, иноры, и по-
«шелъ, куда стремилось мое сердце. Тамъ съ
«пасмурнымъ видомъ встрѣтилъ меня шестни-
«десятилѣтній шарикъ, опецъ моей красави-
«цы. *Милостивый государь!* сказалъ я: *почтеніе,*
«*которымъ душа моя переполнена къ вашей лю-*
«*безной дочери; великое, сильное желаніе сидѣть*
«*ее. — —* Въ самую сію минуту она вошла.
«*Юлія! знаешь ли ты этого господина?* спросилъ
«у нее шарикъ. Юлія посмотрѣла на меня,
«и учинивымъ образомъ отвѣчала, что она не
«имѣетъ сей чести. Вообрази мое удивленіе!
«Я весь задрожалъ — *задрожала* слуга,
«какъ говорилъ Клоушнокъ. Мнѣ казалось,
«что все Швейцарскія и Савойскія горы обру-
«шились на мою голову. Наслу могъ я со-
«браться съ духомъ, и не говоря ни слова, по-
«далъ безмяншой Юліи записную книжку
«мою, гдѣ увидѣла она имя свое, съ собствен-
«ною рукою написанное *. Краска выступила
«на лицѣ жеснокой; она шла передо мною
«извиняясь, и сказала оному: *я имѣла честь*
«*вмѣстѣ съ нимъ ужинавъ въ Базель.* Онъ про-
«силь меня съешь. Кровь моя все еще не мог-
«ла успокоиться, и я не имѣлъ духа смовѣсть
«на Юлію, которая также была въ замѣша-
«тельномъ. Шарикъ, услынавъ онъ меня,

* Томъ III, стр. 34.

«что я Докторъ Медицины, очень обрадовал-
«ся, и началъ говорить со мною о своихъ бо-
«лезняхъ. Увы! (думать я) за пѣтъ ли Судьба
«привела меня въ Ивердонъ, чтобы разсуждать
«о геморроидальныхъ припадкахъ дряхлаго сна-
«рика? Между тѣмъ дочь его сидѣла, похала
«набакъ, и взглядывала на меня, но совѣтъ
«уже не такъ, какъ въ Базель. Взоры ея бы-
«ли такъ холодны, такъ холодны, какъ Сѣ-
«верный Полюсъ. Наконецъ самолюбіе мое, же-
«стоко уязвленное, заснавило меня — вснапъ
«со снала и оивкланяпсья. Долго ли вы про-
«будете въ Ивердонѣ? спросила Юлія пріятнымъ
«своимъ голосомъ (и съ такою усмѣнкою, ко-
«торая весьма ясно говорила: *напьюсь, что ты*
«*уже не придешь къ намъ въ другой разъ*). Пѣ-
«сколько часовъ, оивѣчалъ я. — *Въ такомъ слу-
«чаѣ желаю вамъ щастливаго пути.* — И щас-
«ливейшій практички — примолвить снарикъ,
«снявъ свой колпакъ. Мы разснались; и когда
«я вышелъ на улицу, насмный слуга, прово-
«жаемый мой, сказать мнѣ, что двница Юлія
«скоро выдѣтъ за мужъ за господина N. N. *А!*
«*теперь знаю причину холоднаго пріема!* думать
«я, и удвоилъ шаги свои, чтобы скорѣе уда-
«лился отъ дому будущей супруги господина
«N. N. — Городъ Ивердонъ сналъ мнѣ проппи-
«вень. Я съ великимъ пеперивнѣемъ дожидал-
«ся обѣда, и съвъ за сналъ, велѣтъ слугѣ осѣ-
«дланъ мою лошадь. Въспѣ со мною обѣдало
«чепверо Англичанъ, копорые вздумали пипъ
«мое здоровье всѣми винами, какія были у

«практицика. Я самъ велѣлъ подать бушм-
«ки двѣ Бургонскаго, чинебы они благодарить
«ихъ — и такимъ образомъ прошло непримѣ-
«тно около трехъ часовъ. Сердце мое забыло
«все земное горе, и просило невѣрную Юлію.
«Англичане, по своему обыкновенію, выдумывали
«разныя сентиментальныя или чувствен-
«тельныя здоровья. Мнѣ также въ свою оче-
«редь надлежало предложить при или чены-
«ре. При последнемъ я напалъ полную рюм-
«ку, поднялъ ее высоко и сказалъ громко: кто
«любитъ красоту и нѣжность, тотъ пей со мною
«за здоровье Юліи, и желай красавицу счастли-
«ваго супружества! Рюмки заснучали, вино за-
«пѣнилось, и все Англичане въ одинъ голосъ
«воскликнули: мы пьемъ за здоровье Юліи, и
«желаемъ красавицу счастливаго супружества!—
«Между тѣмъ я разъ десять спрашивалъ, го-
«спода ли моя лошадь? и десять разъ онѣвѣча-
«ли мнѣ, что она давно спонитъ у крыльца.
«Наконецъ слуга принесть сказанъ, что мнѣ
«не лѣзя ѣхать. — Не лѣзя? для чего же? — Ста-
«новится поздно, и находятъ облака. — «Вздоръ!
«я поѣду! лошадь!» — Черезъ полчаса опять при-
«шелъ слуга. Вамъ не лѣзя ѣхать. — «Не лѣзя?
«для чего же?» — Стало поздно; облака сгусти-
«лись, и пошелъ снѣгъ. — «Вздоръ! я поѣду! ло-
«шадь!» — Черезъ нѣсколько минутъ слуга о-
«пять подошелъ ко мнѣ. Вамъ не лѣзя ѣхать! —
«Не лѣзя? для чего же?» — Ночь на дворъ; снѣгъ
«свалился хлопками, и скоро сильный вѣтеръ на-
«дуетъ вездѣ сугробы. — «Вздоръ! поѣду, сію ми-

«нупу поѣду! лошады!» — Сказалъ, вспалъ со
«снула, пожатъ у Англичанъ руки, подноясалъ
«кориникъ, раскланился съ хозяиномъ, вско-
«чить на коня своего, и пустился во всю прынь
«по Лозанской дорогѣ. Въперъ со снѣгомъ дуть
«мнѣ въ лице; но я проширалъ глаза, и без-
«преснанно шпорилъ свою лошады. Скоро съ-
«далась спранныя выюга, и бѣлая шьма со-
«всѣмъ лишила меня зрѣнія. Я чувствовалъ,
«что ѣду не по дорогѣ; но дѣланъ было нече-
«го. Впередъ, впередъ, на волю Божію — и па-
«кимъ образомъ спраннымъ до половины
«ночи. Наконецъ добрый конь, вѣрный шова-
«ринъ мой, совсѣмъ изъ силъ выбился, и спалъ.
«Я сомелъ съ него, и повелъ его за узду; но
«скоро и мои силы испощились. Уже неща-
«сливый пріятель швой гошовъ былъ унасиъ
«на пушистую сѣвжнуую пошеслю, покрывшя
«сѣвжнымъ одѣяломъ, и поручишъ учасиъ свою
«Богу; хладная смериъ со всѣми своими ужа-
«сами вилаъ надо мною! Увы! я прощася уже
«съ моимъ онечесиеомъ, съ друзьями, съ ли-
«стическими лекціями *, и со всѣми моими лесн-
«ными надеждами! Но судьба изрекла мнѣ по-
«шлюваніе и вдругъ увидѣтъ я передъ собою
«кресиъиаской домикъ. Ты легко можешъ пред-
«сшавишъ себѣ радости мою, и для шого не
«буду ее онесыванъ. Довольно, что меня шамъ

* Пріятель мой говаривалъ всегда съ восхищеніемъ о будущихъ своихъ химическихъ лекціяхъ, кошорыми онъ хошѣлъ уди-
винъ всю ученую Данію.

«приняли, отогрѣли, накормили, успокоили.
«На другой день поутру я принудилъ хозяина
«взять у меня несень франковъ, и въ десяти
«часовъ утра возвратился въ Лозанну, — съ же-
«сною проснудою. Вотъ конецъ моего ро-
«мана! *Adieu!* В. — P. S. Какъ скоро уймется мой
«кашель, возвратусь на старое свое жилище,
«въ Женевскую Республику, подъ надежный
«покровъ *великодушныхъ* * Синдиковъ. У васъ,
«сказываютъ, много шуму!» Такъ, или почти
такъ пишеть мой В.

Женевская кафедральная церковь напоминаетъ мнѣ давно-прошеднія времена. Тутъ былъ некогда храмъ Аполлоновъ; но огонь пылавъ въ стѣнахъ его и разрушилъ опчашенъ величественное зданіе древняго искусства — воцарилась новая Религія, и развалины языческаго храма послужили основаніемъ Христіанской церкви.

Вхожу во внутренность — огромно и пусто! Ни у глазами какого нибудь предмета, который могъ бы занять душу мою. Мнѣ представляется громада чернаго мрамора, держимая львами — это гробъ Герцога Рогана, котораго Генрихъ IV любилъ какъ друга, котораго Лю-

* Ихъ называли всегда *magnifiques*.

довикъ XIII страшился какъ грознаго непріятеля, который жить и умеръ съ мечемъ въ рукахъ и въ лаврахъ побѣдителя.

Avec tous les talens le Ciel l'avoit fait naître.

*Il agit en héros, en sage il écrivit *;*

*Il fut même grand homme en combattant son maître,
Et plus grand lorsqu'il servit.*

Вольтеръ.

Роганъ былъ главою Протестантовъ во Франціи и предводителемъ ихъ арміи; но по заключеніи мира онъ лишился ихъ довѣренности. Многіе изъ нихъ называли его измѣнникомъ, предателемъ, и готовы были обогрѣть руки свои кровію Героя, чуждаго въ своемъ сердцѣ. Безоруженъ и спокоемъ явился онъ среди мянущагося народа — обнажилъ грудь свою, и твердымъ голосомъ сказать озлобленнымъ своимъ единовѣрцамъ: *разите! для васъ жертвовалъ я моею жизнью; теперь хочу умереть отъ руки вашей* — сказать, и народъ, усныдась своею несправедливостию, нагъ передъ нимъ на колѣна. Такъ моржеливуетъ добродѣтель, и другъ человѣчества проливаетъ радостныя слезы! — Подобныя черны великодушія суть блестящія перлы въ мрачной Пещоріи вѣковъ.

Вмѣстѣ съ оппомъ своимъ поконился и несчастный Танкредъ. Судьба сего Принца достойна примѣчанія и слезъ чувствительнаго

* Онъ сочинилъ *Les Intérêts des Princes, Le parfait Capitaine*, и другія книги.

человѣка. Роганъ хопѣлъ до времени паче рожденіе своего сына, боясь, чинобы Кардиналъ Ришелье не опиялъ его и не воспишалъ въ Капюлической религіи. Кориенюлюбивая Танкредова сеспира, желая одна владынь имѣніемъ опца своего, воспользовалась симъ обеноятельствомъ, и нѣкоторымъ преданнымъ ей людямъ велѣла похищити младенца, увезши изъ Франціи и опидати на воспитаніе какому нибудь человѣку низкаго сосноянія. Все сіе сдѣлалось, какъ она хопѣла, — и Танкредъ опидатъ былъ въ Голландіи одному небогачому мѣщанину; а Герцога и сунругу его, дочь великаго Сюлли, увѣрили, что сынъ ихъ умеръ. Юный Принцъ росъ въ деревнѣ, бѣгалъ по лугамъ, работалъ въ саду, и называлъ воспитателя своимъ опцомъ, его жену манерью, а дѣтей брашьями и сеспирами. Онъ былъ прекрасный, умный мальчикъ, и заслужилъ любовь всѣхъ шѣхъ, которые его знали. — Между шѣмъ Герцогъ умеръ. Сунруга его давно уже переспала проливать слезы о любезномъ сынѣ, какъ вдругъ, къ печальной радости своей, получила досновѣрное извѣстіе *, чино онъ живъ. Въ ту же минушу она послала за нимъ въ Голландію. Танкредъ услыхалъ о своемъ родѣ, и казался равнодушнымъ; услыхалъ о смерти опца своего, и пролилъ слезы; услыхалъ о манери, обѣ ся неперитивніи видѣнь милаго сына, и схвативъ присланнаго за руку, сказалъ ему:

* Онъ одного изъ шѣхъ, которые опивезли его въ Голландію.

пойдемъ къ ней! увидѣть гореснѣ воспитателя
своего, гореснѣ его жены и дѣтей, и бросил-
ся обнимать ихъ. *Никогда, никогда васъ не за-
буду!* сказалъ онъ съ тяжкою: *никогда не
перестану называть тебя отцомъ моимъ, тебя
матерью, васъ братьями и сестрами!* Теперь
простите: если мнѣ хорошо будетъ въ Парижѣ,
то я опинишу къ вамъ, чтобы и вы туда прѣѣха-
ли. — Танкредъ поѣхалъ, и всякую минушку
спрашивалъ: скоро ли увижу мать мою? Онъ
увидѣлъ ее, и тяжкая родственница едва не
лишилась жизни онъ радостнаго восторга....
Герцогиня немедленно объявила Танкреда сы-
номъ и наследникомъ Герцога Рогана; однакожь
дочь ея не хотѣла признанъ его своимъ бра-
томъ. Началось дѣло, и до рѣшенія запрещено
было молодому Рогану называться Герцогомъ. —
Франція была тогда театромъ междоусобной
войны. Герцогъ Орлеанской и Принцъ Конде
хотѣли овладѣть Парижемъ, и уничтожить
Парламентъ; но многіе дворяне, держа споро-
ну сего послѣдняго, защищали городъ. Осьмнад-
цатилѣтній Танкредъ прислалъ къ нимъ, и
въ разныхъ случаяхъ оказалъ удивительную
смѣлость и мужество. — Самая сія геройская
пылкость погубила его. Въ одномъ сраженіи
онъ былъ оставленъ своими и со всѣхъ сто-
ронъ окруженъ непріятелями, конорые, щадя
юнаго Героя, пребывали, чтобы онъ сдался; но
храбрый Танкредъ махалъ мечемъ вокругъ го-
ловы своей и кричалъ: *point de quartier! il faut
vaincre ou mourir!* (поѣдуть или умереть)! Свиш-

цовая пуля пролетѣла сквозь его сердце, и Герой умеръ Героемъ. — Сія безвременная смерть сохранила жизнь несчастной Герцогини. Она велѣла написать надъ гробомъ его. Здѣсь ле-
житъ Танкредъ, сынъ Герцога Рогана, истинный
наследникъ добродѣтели и великаго имени отца
своего. Онъ умеръ на двѣнадцатомъ году отъ
рожденія, сражаясь за своихъ согражданъ. Небо
показало — и сокрыло его, къ горести всѣхъ род-
ственниковъ и всѣхъ истинныхъ сыновъ отече-
ства. Маргарита Бенионъ, Герцогиня де Роганъ,
печальная вдова, неутѣнная мать, соорудила сей
памятникъ, да будетъ оный вѣчнымъ свидѣтель-
ствомъ ея скорби и любви къ милому сыну. Но
злая Танкредова сестра, по смерти манеры
своей, (которая также погребена въ Женевѣ,
подъ супруга и сына) — злобая сестра, ни-
кая ненависть даже и къ мерзвому брану
своему, заставила Короля писать къ началь-
никамъ Женевской Республики, чтобы сія эни-
мафия была уничтожена. Они исполнили его
приказаніе и смерли преганельную надпись;
но я внеслъ ее въ Histoire de Tancrede. — Из-
вѣстный Скюдери сочинилъ тогда слѣдующіе
стихи (поднесенные имъ самой сестрѣ Тан-
кредовой):

Olimpe, le pourrai-je dire,
Sans exciter votre courroux?
Le grand coeur que la France admire,
Semble déposer contre vous.
L'invincible Rohan, plus craint que le tonnerre,

*Vit finir ses jours à la gerre **,
Et Tancrede a le même sort.
Cette conformité qui le couvre de gloire,
Force presque chacun à croire,
Que la belle Olimpe avoit tort,
Et que ce jeune Mars, si digne de mémoire,
Eut la naissance illustre, aussi bien que la mort. —

Въ сей же церкви погребенъ дѣдъ Госпожи Меншенонъ, Теодоръ Агриппа Обинье, кошорый некопорое время пользовался благосклонностію Генриха IV; но послѣ долженъ былъ удалиться онъ двора, и даже выѣхать изъ Франціи.

Прекрасное время продолжается. Я спаруюсь имъ пользоваться, и часно, взявъ въ карманъ лундора шри и записную книжку, спрансивую по Савоин, Швейцарин, или Pays de Gex, и дни черезъ чепыре возвращаюсь въ Женеву.

Не давно былъ я на островъ С. Непра, гдѣ величайшій изъ писателей осьмага-надесяти вѣка укрывался онъ злобы и предразсужденій человѣческихъ, кошорья, какъ Фурин, гнали его изъ мѣсна въ мѣсно. День былъ очень хорошъ. Въ нѣсколько часовъ исходилъ я весь островъ, и вездѣ искалъ слѣдовъ Женевскаго гражданина и Философа: подъ выпывами древнихъ буковъ и каштановыхъ деревъ, въ прекрасныхъ аллеяхъ мрачнаго лѣса, на лугахъ поблекшихъ и на кремнистыхъ свѣсахъ берега.

* Сей стихъ можно пославить въ примѣръ слабымъ и неинтереснымъ стихамъ.

«Здѣсь» думалъ я, «здѣсь, забывъ жестокихъ и неблагодарныхъ людей.... неблагодарныхъ и жестокихъ! Боже мой! какъ гореснино это чувствовать и писать!.... здѣсь, забывъ все бури мірскія, наслаждался онъ уединеніемъ и тихимъ вечеромъ жизни; здѣсь опдыхала душа его послѣ великихъ трудовъ своихъ; здѣсь въ тихой, сладосинной дремотѣ покоился его чувствва! Гдѣ онъ? Все оспалось, какъ при немъ было; но его нѣтъ—нѣтъ! Тутъ слышалось мнѣ, что и дѣвъ и дуга вздохнули, или повторили глубокой вздохъ моего сердца. Я смотрѣлъ вокругъ себя — и весь островъ показался мнѣ въ праурѣ. Печальный флеръ зимы лежалъ на Природѣ.—Ноги мои устали. Я сѣлъ на краю острова. Билъское озеро свѣтлѣло и покоилось во всемъ просиранствѣ своемъ; на берегахъ его дымился деревни; вдали видны были городки Билъ и Индау. Воображеніе мое предсказало плывущую по зеркальнымъ водамъ лодку; зефиръ вѣялъ вокругъ ее, и правилъ ея вмѣсто кормчаго. Въ лодкѣ лежалъ спарецъ почтеннаго вида, въ Азіанской одеждѣ; взоры его, уснренненные на небеса, показывали великую душу, глубокомысліе, пріятную задумчивость. Это онъ, онъ, — тотъ, кого выгнали изъ Франціи, Женевы, Нёманселя — какъ будто бы за то, что Небо одарило его ошмѣннымъ разумомъ; что онъ былъ добръ, изжестъ и челоуколюбивъ!

Какими живыми красками описываетъ Рус-

со * пріятную жизнь свою на островъ Св. Петра, — жизнь, совершенно бездѣйственную! Кію никогда не исполнятъ душевныхъ силъ своихъ въ ночныхъ размышленіяхъ, ионъ конечно не можетъ понять блаженства сего роду — блаженства сей *Субботы*, коюрою наслаждаются одни великіе Духи при концѣ земнаго странствованія, и коюрая пригоняетъ ихъ къ новой дѣятельности, начинающейся за прагомъ смерти.

Но кранко было успокоеніе твое! Новый ударъ грома перервалъ его, и сердце великаго мужа облилось кровію. «Дайте мнѣ умереть, — говорилъ онъ въ горесени души своей, — дайте мнѣ умереть покойно! Пустьъ желѣзные замки и тяжелые заноры гремятъ на дверяхъ моей хижины! Заключите, заключите меня на семъ островѣ, еслили вы думаете, что дыханіе мое для васъ ядовито! Но перестаньте гнать несчастнаго! Лишите меня дневнаго свѣта, и только въ ночное время позвольте мнѣ бѣдному вздохнуть на свѣжемъ воздухѣ!» Итъ, слабый снарецъ долженъ проснуться съ любимымъ своимъ островомъ — и послѣ того говорить, что Руссо былъ мизантропъ! Скажите, кю бы не сдѣлался такимъ на его мѣстѣ? Развѣ ионъ, кю никогда не любилъ человѣчества!

Я сидѣлъ въ задумчивости, и вдругъ увидѣлъ молодого человѣка, коюрый, нахлучивъ

* Въ *Promenades solitaires*.

себѣ на глаза круглую шляпу, тихими шагами ко мнѣ приближался; въ правой рукѣ была у него книга. Онъ остановился, взглянулъ на меня, и сказавъ: *Vous pensez à lui* (вы оѣмъ думаете), пошелъ прочь такими же тихими шагами. Я не успѣлъ ему отвѣчать и хорошенько посмотрѣлъ на него; но выговоръ его и зеленый фракъ съ золотыми пуговицами убѣрили меня, что онъ Англичанинъ.

На островѣ только одинъ домъ, въ которомъ живетъ Управитель съ семействомъ своимъ; тутъ жилъ и Руссо.—Сей островъ, принадлежащій Берну, называется нынѣ по большей части Руссовымъ.

Я былъ еще въ Ивердонѣ, Нѣманселѣ и въ другихъ городкахъ Швейцаріи. Въ Ивердонской публичной библиотекѣ показываютъ скелеты, найденные въ землѣ лѣтъ за двадцать передъ симъ, близъ одной мельницы. Лицами лежали они къ востоку; въ ногахъ у нихъ стояли глиняныя урны и маленькія бѣлода съ коснями разныхъ птицъ. Тутъ же нашли еще нѣсколько серебряныхъ и мѣдныхъ медалей Константинова времени. — Во всей Швейцаріи видно изобиліе и богатство; но какъ скоро переснушишь въ Савойскую землю, увидишь бѣдность, людей въ раздранныхъ рубищахъ, множество птицъ, — вообще неоправность и печальность. Народъ лѣнивъ, земля необработана, деревни пусты. Многие изъ жителей осматриваютъ свои жилища, ѣздятъ по свѣту съ учеными сурками и забавляютъ ребятъ. Въ Карунѣ, пер-

вомъ Савойскомъ городкѣ, стоить полкъ; но какіе солдаты! какіе Офицеры! Нещасная земля! Нещасливъ и путешественникъ, который долженъ въ Савойскихъ праксирахъ искать обѣда, или убѣжища на время ночи! Надобно закрыть глаза и зажать носъ, еслили хочешь уполнить голодъ; поспелли такъ чисты, что я никогда на нихъ не ложился.

Наконецъ миръ и мирная царствуютъ въ Женевѣ. Перемѣна, происшедшая за нѣсколько мѣсяцевъ передъ симъ въ правленіи Республики, утверждена союзными державами: Франціею, Кантономъ, Берномъ, Савоіею; и изъ гражданъ, которые прежде были выгнаны изъ Женевы, могутъ теперь возвратиться. Недавно выбрали новыхъ Синдиковъ. Всѣ Женевцы, собравшіеся въ Церкви Св. Петра, подтверждали сей выборъ, кладя руку на Библію. Первый Синдикъ говорилъ рѣчь, и давалъ гражданству опоченъ въ дѣлахъ своихъ. Потомъ новые Синдики, держа въ рукахъ жезлы правленія, присягали и обѣщались наблюдать пользу Республики. Все было тихо и торжественно. Иностранцевъ впускали по билетамъ на галерею.

Недавно случился здѣсь слѣдующій комическо-печальный анекдотъ. Я писалъ къ вамъ о Женевскомъ гульбищѣ sur la Treille, гдѣ (а особливо въ праздники) собирается множество людей, мужчинъ и женщинъ, Женевцовъ и чужестранныхъ. Въ послѣднее воскресенье одинъ молодой Англичанинъ,—но не шотъ, котораго видѣлъ

я на островъ С. Петра,—къ удивленію всѣхъ явился тамъ на кургузомъ конѣ своемъ, пустился въ галопъ по аллеѣ и едва не передавилъ гуляющихъ. Здѣшній Полицейской судья схватилъ лошадь его за узду и сказалъ ему, что по *Трени* ходятъ, а не ѣздятъ. *А я хочу ѣхать*, ошвычалъ Англичанинъ.—«Вамъ не позволяютъ.»—«Кто, кто мнѣ не позволитъ?»—«Я, именемъ закона.» Англичанинъ высунулъ языкъ, далъ шпоры своей лошади и поскакалъ. *Бунтъ! мятежъ!* закричали Женевцы—и черезъ нѣсколько минутъ явился на *Трени* опрядъ здѣшней Гвардіи. Вы думаете, можетъ быть, что Англичанинъ скрылся? Никакъ—онъ ѣздилъ по аллеямъ, свисталъ, махалъ своимъ хлыстникомъ, дразнилъ пѣхъ, конюрыхъ физиогномія ему не нравилась, и хоптелъ передавить солдатъ, когда они окружили его; но дерзкаго Бриганца, не смотря на его храброе сопротивленіе, сняли съ лошади и свели въ караульню. Черезъ полчаса приближала къ нему молодая женщина, и со слезами бросилась обнимать его. Онъ началъ говорить съ нею по-Англійски, и оборотившись къ караульному Офицеру, сказалъ ему: *вся ваша Республика не стоитъ слезы ея. Увѣряю васъ, что Синдикы за такое Женевское продержаніе его лишній день подъ снаряжено. Вчера онъ получилъ свободу и уѣхалъ изъ Женевы.*

Графъ Молтке и Поэтъ Багзентъ шенерь въ Женевѣ. Они ѣздили на нѣсколько дней въ Парижъ и возвращающіяся опять въ Бернъ.

Багзентъ еще не женился, и спѣшилъ къ своей невѣстѣ. Графъ съ восхищеніемъ говорилъ о своемъ путешествіи, о Парижѣ, Лионѣ, и проч.; но Поэнтъ говорилъ мало, поному, что онъ весь свой жаръ испускаетъ въ письмахъ къ Софіи. Нынѣ вечеромъ ходили мы прогуливаясь, и я показывалъ имъ лучшія мѣста и виды вокругъ Женевы. Молникѣ, смотря на Бѣлую гору, подымать руки, — громкими восклицаніями изъявлять восторгъ свой, — увѣрять, что онъ хотѣлъ бы жить и умереть на снѣжной вершинѣ ея, и дивился тому, что никто изъ земныхъ владыкъ, для бессмертія славы своей, не вздумалъ намостить большой дороги отъ низу до верху сей горы, такъ, чтобы туда можно было ѣздить въ каретахъ. Вы видите, что Графъ дѣлитъ исключительныя мысли!

Данчанинъ Молникѣ, Багзентъ, Беккеръ и я были нынѣ поутру въ Фернеъ, — осматривали все, поговорили о Вальшерѣ, и проѣхали обѣдальню въ Жанну, къ Сократическо Панурѣ, который принять насъ съ обыкновенною своею привѣтливостію. «Теперь вы окружены свѣромъ» — сказать я, когда мы сѣли вокругъ его. Мы многомъ обязаны снѣму краю, онѣчаютъ онъ: тамъ жили поэты зря нѣтъ; я говорю объ Англіи, которая есть также свѣрная земля; а Ланней сѣлъ снѣ съездѣ. — Каждого изъ насъ по очереди сажалъ Бонненъ подлѣ себя, и со всякимъ находилъ особливую манеру для разговора: съ Графомъ, котораго дѣдушка былъ Министромъ, говорилъ онъ о политическомъ

состояніи Данин, съ Барзеномъ о невѣстѣ
его, съ Беккеромъ о Химіи и Минералогіи,
со мною о Русской Линииераниурѣ и характе-
ръ Женевицовъ. Пономъ разговоръ сдѣлался
общимъ: Галлеръ былъ предметомъ его. Съ
какимъ жаромъ великой Бонисетъ превозносила
досноишесна великаго Галлера! Тридцать лѣтъ
любили они другъ друга. Слезы нѣсколько разъ
показывались въ глазахъ нашего почтеннаго
снарца. Онъ ссыскалъ писъма покойнаго друга
своего, и отдалъ Барзену читать ихъ; послѣд-
нее, писанное Галлеромъ за нѣсколько дней пе-
редъ его смернію, всѣхъ насъ заславило пла-
каніемъ. Нѣкоторые спроки оснались въ моей на-
мани; вотъ онъ: «Скоро, любезный и почтен-
ный другъ мой! скоро не будетъ меня въ
«семъ мірѣ. Обращаю глаза на прошедшую жизнь
«мою, и полагаюсь на благоснѣ Провидѣнія, спо-
«койно ожидаю смерни. Въ сію минуу болѣе,
«нежели когда нибудь, благодарю Бога за то,
«что я воспитанъ былъ въ Хрисііанской Ре-
«лигії, и что спасительныя истины ея всегда
«жили въ моемъ сердцѣ. Благодарю Его и за
«вашу драгоцннуу дружбу, кошорая служила
«мнѣ утѣшеніемъ въ жизни, и нипала въ ду-
«шѣ моей любовь къ мудросни и добродѣше-
«ли..... Проснише, дражайшій другъ мой! Жи-
«вите еще многія лѣта, и просвѣщайте челове-
«чеснво; живите и распространяйте царство
«добродѣтели!..... Проснише! Въ сію минуу
«душа моя къ вамъ снременися: — я хотѣлъ бы
«обнявъ васъ въ послѣдній разъ; хотѣлъ бы въ
«послѣдній разъ слышать изъ устъ вашихъ сладо-

«стное наименованіе друга; хотѣть бы словесно
«изъявить вамъ всю признательность, всю чув-
«ствительность моего сердца.... И оснавлию
«дѣтей: будьте имъ вторымъ отцомъ, настав-
«никомъ, покровителемъ, другомъ!.... Просни-
«те! Гдѣ и какъ мы увидимся, не знаю; но
«знаю то, что Богъ премудръ, благъ и все-
«сплестъ: мы безсмертны! дружба наша без-
«смертна!.... Скоро зашумитъ и кодыменся
«передо мною непроницаемая завѣса — слава
«Всевышнему!..... Проснитъ въ послѣдній
«разъ—рука моя слабѣетъ—въ послѣдній разъ
«называюсь здѣсь вашимъ вѣрнымъ, нѣжнымъ,
«признательнымъ, благодарнымъ, умиряю-
«щимъ, но вѣчнымъ другомъ!» — Съ такими
чувствами, любезные друзья мои, кончить
жизнь свою сей великій мужъ — и да будетъ
конецъ нашъ подобенъ его концу! — Бонненъ
взялъ за руку Батзена, и сказалъ ему голосомъ
распроганнаго сердца: *Вы жемите на внука*
его: обнимите меня!

Тутъ слуга пришелъ сказать, что Госпо-
жа Бонненъ дожидается насъ къ обѣду. По-
чтенный хозяинъ рекомендовалъ ей моихъ по-
варницъ, и указывая на Батзена, сказалъ: *онъ*
любимъ тою, которая намъ столь любезна!

За обѣдомъ Батзенъ долженъ былъ расска-
зать хозяйкѣ, какимъ образомъ онъ познако-
мился съ дѣвицею Галлеръ. И хотѣть бы,
чтобы вы послушали его. Но-Французски изъ-
ясняется онъ съ трудомъ; но живость его
словъ и движеній прогаситъ дуну.— Въ жару

своемъ Поэтъ нашъ заговорилъ—было съ Боннестомъ, но любезный снарецъ, взявъ его за руку, сказалъ ему весьма покойно: мой другъ! я *Пиоогореецъ*, и обѣдаю въ молчаніи. Батзенъ замѣшался и замолчалъ; но Госпожа Боннестъ просила его досказанъ.

Послѣ обѣда ходили мы прогуливаясь. «Въ «этой бесѣдѣ,» говоритъ Боннестъ, «сочинялъ я предисловіе къ *Налинггенезіи*; здѣсь, на берегу озера, первыя главы ея; нуно, подѣ высокимъ каштановымъ деревомъ, заключеніе *Созерцанія Природы*. На чистомъ воздухѣ мысли мои бываюно свѣжѣе.» — Часы или минуны сочиненія — нѣ минуны, въ конорыя душа его, божественнымъ огнемъ согрѣвая, предается быспрому снремленію мыслей и чувствъ своихъ — называюно оно изснзвивѣишми, сладкими, небесными минунами.

Разговоръ занялъ о снкихонворснвѣ. Батзенъ увѣрять, что оно никогда уже не будетъ писано сннхами *, поному что сей родъ сочиненій есно совсемъ неснсенснвенный, и мѣшасно чувствамъ изливашся во всей ихъ полнонѣ и свободѣ. «И ончасни согласенъ съ вами,» сказалъ Боннестъ, «и признаюся, что хорошая проза мнѣ лучше правншся; но можено бѣшно для того, что я не Поэтъ. — *Тонъ, кто въ заключеніи *Налинггенезіи* написалъ: notre Pere!... notre Pere!... nous ... есть величайшій изъ Поэтовъ*,» сказалъ Батзенъ, и сею некрепнсю похвалою пронуть чувствнвнтельнаго снарца.

* Однакожъ не давно выдать оно многіа піесы въ сннхахъ.

Боннестъ называется Галлерову Поэму о *происхождении* для самою лучшею изъ философическихъ стихотвореній; хвалятъ также и Essay on Man. Онъ любилъ и уважалъ Клоушшока, хотя никогда съ нимъ не видался.

Мы пробыли въ Жанну до пяти часовъ.

Февраля 2, 1790.

Аббатъ П., раздаватель милосерднн при Французскомъ Посольствѣ, игралъ важную роль въ Женевскихъ общеснвахъ. Онъ былъ довольно ученъ, знакомъ со всеми Французскими славными и полуславными стихотворцами и прозаиснами, оспроуменъ, веселъ, забавенъ. Онъ шесни часовъ до осьми — время, въ которое обыкновенно въ вечернихъ Женевскихъ собраніяхъ всѣ безъ исключенія садятся за каршочные снолы — бывають онъ душею дамской бесѣды, загадываютъ загадки, шарады; рассказывать смѣшныя и ирогашельныя Парижскіе анекдоты и тому подобное. Любезный, милый Аббатъ! говорили дамы, садясь за каршы.

Въ міръ все подвержено перемѣнѣ—и вдругъ веселый, забавный Аббатъ снать задумчивъ, печаленъ, молчаливъ. Въ собраніяхъ являлся онъ шакъ же часно, какъ и прежде, по ролу

играти совсѣмъ иную. Напрасно дамы хотѣли ввести его въ разговоръ: оныяны его были корошки, улыбки принужденны. Чино сдѣлалось съ нашимъ Аббаномъ? говорили все знакомые съ удивленіемъ. Изъ коихъ изъ пріятельницъ старались проникнуть въ тайну; однакожь все оныяны были безуспѣшны. На примѣръ: «Съ нѣкотораго времени вы печальны, Г. Аббанъ.» — «И, сударыня? Можете быти.» — «Друзья ваши берутъ участіе въ вашей горести, хотя и не знаютъ причины ея.» — «Мнѣ нѣтъ сказать нечего.» — «Позвольте въ этомъ сомнѣваться.» — «Какъ вамъ угодно.» — Однимъ словомъ, Аббанъ молчалъ, и дамы наконецъ его оставили. Другой Аббанъ, пріѣхавшій изъ Парижа, занялъ ихъ своею любовностію.

Въ сіе время я узналъ Н*. Ему было за сорокъ лѣтъ; однакожь по свѣжести лица, коихъ и онъ самой печали не увяла, всякой бы почелъ его прищипаннымъ-панихольнымъ человекомъ. Видъ былъ сумраченъ и важнъ; глаза темны, — но въ нихъ блискала еще искра душевнаго огня. Нѣсколько разъ встрѣчался я съ нимъ въ уединенныхъ своихъ прогулкахъ; нѣсколько разъ находилъ его сидящаго подъ каштановыми деревьями на пригоркѣ, откуда съ правой стороны видны сѣверныя Савойскія горы, прямо Женевское озеро, а съ лѣвой снѣжная гора Юра, коихъ простирается до самаго Базеля. Ему конечно мѣсто сіе было такъ же любезно, какъ и мнѣ. Задумчивъ, углубленъ

въ самага себя, смотрѣлъ онъ на увядающій дернъ — уже приближалась зима — или на тихое озеро. Иногда садился я подлѣ него и думалъ о друзьяхъ своихъ. Оба мы думали и молчали.

Секретарь Посольства, проснувшись однажды въ три часа за полночь, увидѣлъ огонь въ комнатѣ у Аббана, которая онъ его комнаты отдѣлялась одною перегородкою съ стеклянною дверью. Ему захотѣлось узнать, что дѣлается Аббанъ.... Онъ подошелъ къ двери, и увидѣлъ его стоящаго на коленяхъ передъ Распятиемъ. Руки его были простерты къ предмету, имъ обожжаемому; сердечное умиленіе изображалось на его лицѣ, блестящія слезы капали изъ глазъ. Молодой Секретарь никогда не былъ набоженъ; но въ сію минуту почувствовалъ благоговѣніе, и стоялъ неподвижно. Черезъ нѣсколько минутъ Аббанъ всмалъ, свѣтъ и началъ писать. Секретарь легъ опять на постелью, но не могъ заснуть. Свѣча горѣла у Аббана до самага утра. Въ девять часовъ вышелъ онъ изъ своей комнаты. Глаза его были красны, лице блѣдно; впрочемъ непримѣнно было въ немъ никакого безпокойства. Секретарь спросилъ у него, покойно ли онъ спалъ? Очень покойно, отвѣчалъ Аббанъ, и предложилъ ему идти прогуливаться. Они вышли на *Трель*, ходили взадъ и впередъ около часа, и разговаривали о погодѣ и иному подобномъ. День былъ праздничный, и Аббану въ десять часовъ надлежало служить обѣдно.

Службу отправлять онъ съ оптимъннымъ усер-
емъ: послѣ чего, не сказавъ ни слова, скрылся.
Наспалъ часть обѣда, Аббанъ не возвращался;
наспалъ часть ужина, Аббанъ не возвращался;
прошла ночь, и его все еще не было дома.
Поутру Секретарь увѣдомилъ о томъ Рези-
дента. Послали спрашивать къ знакомымъ;
но никто не видалъ его. Послали наконецъ
спросить о немъ въ караульняхъ. Часовой у
Швейцарскихъ воротъ сказать, что Аббанъ
наканунъ въ первомъ часу по полудни вышелъ
изъ города. Спрашивали въ окрестностяхъ;
но болѣе не могли о немъ ничего свѣдать. Всѣ
пожитки его и кошелькъ съ лундорами оста-
лись въ его комнатѣ. Аббанъ пропалъ! гово-
рили въ городѣ, и наконецъ позабыли Аббана.
У него не было друзей! Онъ не имѣлъ того,
что я имѣю!

Тамъ, гдѣ дикая Арва сливается съ зеленою
Роною, прогуливались два чужеземца, и раз-
говаривали о жизни человѣческой. Быстро,
быстро меченъ она! сказать одинъ изъ нихъ,
взглянуть на стремительную Рону, и уви-
дѣть — несущееся тѣло; большой камень осна-
новилъ его.

Тѣло выплыло, и узнали несчастный жре-
бій Аббана. Два мѣсяца лежалъ онъ въ водѣ.
Глазъ было совсѣмъ не видно; еше, раз-
мокшее лице устремляло взоры тусклѣе-
наго. Въ одномъ карманѣ нашли у него муфту,
въ другомъ черную его манжѣ.

Трупъ погребли въ первомъ Французскомъ
Томъ IV.

селеній, верстахъ въ прехъ опть Женевы, безъ всякаго обряда. Нѣтъ камня на могилѣ его — нѣтъ надписи. Спрашливое суевѣріе обьявлять опть сего мѣста. Тутъ лежатъ погибшіе, говоряще поселяне.

Причина, для чего Аббатъ возненавидѣлъ жизнь, по сіе время неизвѣстна.

—

ЖЕНЕВА, 28 ФЕВРАЛЯ, 1790.

Не знаю, что думаю о вашемъ молчаніи, любезнѣйшіе друзья мои! Съ неперытніемъ ожидаю почты — она приходитъ — бѣгу, спрашиваю — и тихими шагами возвращаюсь домой, повѣся голову, смотря въ землю, и не видя ничего. Все представляю себѣ — и возможности усмиряютъ меня. Ахъ! еслили васъ не будетъ на свѣтъ, то связь моя съ опшечествомъ прервется — я пойду искать какой нибудь пустыни во глубинѣ Альпійскихъ горъ, и тамъ среди печальныхъ и ужасныхъ предмешовъ Мануры, въ вѣчномъ уныніи проведу жизнь мою.

Но можете быть вы живы и благополучны; можете быть письма ваши какъ нибудь пропадаютъ — вотъ моя надежда, мое утѣшеніе! Сумракъ и ясность, ненастье и ведро, смѣняющія переръ въ думѣ моей, подобно какъ въ

непостоянномъ Апрѣлѣ. — Въ самомъ печальномъ расположеніи принялся я за перо; теперь мнѣ лучше.

Черезъ три дни, друзья мои, выѣду изъ Женевы. Главное мое упражненіе состоятъ теперь въ томъ, чтобы размашивать ландшапъ и сочинять планъ путешествія. Мнѣ хочется пробраться въ южную Францію, и видѣть прекрасныя страны Лангедока и Прованса; но какъ я не думаю пробывать тамъ долго, но вы должны писать ко мнѣ въ Парижъ, подъ адресомъ: à Messieurs Breguet et Compagnie. Quai des Morfondus. pour remettre à Mr. N. N. Еслили же по отъѣздѣ моемъ получены будутъ въ Женевѣ отъ васъ письма, то Г. Бренцъ, любезный знакомецъ мой, перешлеть ихъ ко мнѣ.

Живучи здѣсь, я часно досадовалъ на Женевцовъ, и нѣсколько разъ хонѣлъ описать характеръ ихъ самыми несвышлыми красками; но теперь, на прощаньи, не могу сказать объ нихъ ничего худого. Сердце мое помирилось съ ними, и я желаю имъ всякаго добра. Пусть двѣignent маленькая обласень ихъ подъ зѣнію Юры и Салева! Да наслаждаются они плодами своего трудолюбія, искусства и промышленности! Да разсуждаютъ спокойно въ *Салонахъ* своихъ о происшествіяхъ міра, и пусть дамы ихъ загадываютъ загадки глухимъ Баронамъ! Пусть все Европейцы съ сѣвера и юга прѣзжаютъ къ нимъ на вечерники, играють въ вискъ по тривѣ паршю, и пьютъ чай и кофе! Да будетъ ихъ Республика многія,

многія лѣта прекрасною игрушкою на земномъ шарѣ.

Нынѣ поутру вышелъ я изъ города въ глубокой задумчивости. Но мало по малу меланхолическія мысли разстались; взоры мои, усмиренные на величественное озеро, тихо плавали на прозрачныхъ зыбяхъ его. Мнѣ стало такъ легко, такъ хорошо! Воздухъ былъ такой нежный, такой чистый! На деревьяхъ порхали пшички, махали крылышками, и послѣ змѣяго молчанія зазвучали радостныя пѣсни, на вѣтвяхъ, еще не одѣтыхъ листвою. Дыханіе весны возбуждало жизнь и дѣятельность въ Природѣ.

Наконецъ въ послѣдній разъ я былъ у Бонцена, и говоря съ нимъ искренно, открылъ ему свое горе. Онъ сожалѣлъ обо мнѣ, утѣшалъ меня — голосъ и глаза его показывали, что это сожалѣніе, это утѣшеніе было не приговорное. — Обычныя примѣчанія къ Contemplation * я получилъ. Беккеръ (который, къ великому моему удовольствію, ѣдетъ вмѣстѣ со мною) велѣлъ мнѣ спросить у Бонцена, когда онъ позволитъ ему просидѣть съ нимъ? Онъ вашъ пріятель, отвѣчалъ любезный спа-

* Quelques Notes additionnelles pour la Traduction en Langue Russe de la *Contemplation de la Nature*, par M. . . .

рикъ: и такъ во всякое время я буду радъ ему. Какая душа! и какъ мнѣ забыть его привѣтливости, его ласки! — Слезы не удержались въ глазахъ моихъ, когда мнѣ надлежало съ нимъ прощаться. «Живите (сказать я), живите для блага человѣчества!» Онъ обнялъ меня — желалъ мнѣ счастья; желалъ, чтобы вы, друзья мои, были здоровы, и чтобы я скоро получалъ отъ васъ письма. Милый, милый Боннетъ! Философъ съ чувствомъ! — Я заворочалъ за собою дверь его кабинета; но онъ вышелъ и кричалъ мнѣ въ слѣдъ: *adieu. cher K.... adieu!* — Боннетъ далъ мнѣ два адреса въ Лионѣ, къ Гг. Жилиберну и де-ла-Турету, Директору и Секретарю Академіи.

Цѣлый вечеръ бродилъ я по Женевскимъ окрестностямъ и прощался съ любезнѣйшими мнѣ мѣстами. На высокомъ берегу шумящей Роны, тамъ, гдѣ впадаетъ въ нее Арва, и гдѣ съ крушой скалы низвергается пышнѣйшій ручей, просиживалъ я часно до самой ночи; опшуда взглянуть нынѣ въ послѣдній разъ на тихое, прекрасное озеро, на Савойскую долину, на горы и пригорки — вспомнилъ, гдѣ что думалъ, гдѣ что чувствовалъ — и едва не забыть того времени, въ которое запираются городскія ворота. — Прощайте, друзья мои! Если вы здоровы, то я доволенъ Судьбою, и получивъ отъ васъ письмо, забуду все шепереннее горе! Прощайте! — Вотъ послѣдняя строка изъ Женевы! — *Марта I.*

ГОРНАЯ ДЕРЕВЕНЬКА въ Pays de Gex,
МАРТА 4, 1790, въ полночь.

Пышнѣ послѣ обѣда потѣхали мы изъ Женевы, въ двухъвѣспной Англійской каретѣ, кошорую нанялъ я до самаго Ліона за чешыре лундора съ палеромъ, и по гладкой прекрасной дорогѣ приближился къ Юрѣ. Вся грусть моя исчезла; тихое веселье — неописанное, сладкое удовольствіе заснуило мѣсно ся въ моемъ сердце. Никогда еще не путешествовалъ я такъ пріятно, съ такою удобностію. Добрый поварникъ, покойная карета, услужливый извозникъ, переменна мѣсна — мысль о томъ, что скоро увижу — все это привело меня въ самое счастливѣйшее расположеніе, и каждый новый предметъ оживлялъ мою радость. Беккеръ былъ такъ же веселъ, какъ и я; кучеръ нашъ былъ такъ же, веселъ какъ и мы. Прекрасный выѣздъ!

Тамъ, гдѣ гора Юра за нѣсколько тысячелѣтній передъ симъ разсунулась на своемъ основаніи, съ такимъ прескомъ, ошъ кошораго можетъ быть Альпы, Апеннины и Пиренеи задрожали, въѣхали мы во Францію при спираниомъ стѣверномъ вѣтрѣ, и были встрѣчены осмѣрниками, кошорые съ величайшею учтивостію сказали, что имъ должно видѣть наши вещи. Я отдалъ Беккеру ключъ ошъ моего чемодана и пошелъ въ корчму. Тамъ передъ каминомъ сидѣли *Монтаньяры*, или *горные жители*. Они взглянули на меня гордо, и оборо-

тились опять къ огню; но услышавъ привѣтствіе мое: *bonjour, mes amis!* (здравствуйте, друзья!) приподняли свои шляпы, раздвинулись и дали мнѣ мѣсто подлѣ огня. Важный видъ ихъ заснавилъ меня думаньемъ, что люди, живущіе между скалъ, на пустынныхъ утесахъ, подъ шумомъ вѣтровъ, не могутъ имѣть веселаго характера; мрачное уныніе будетъ всегда ихъ свойствомъ — ибо душа человѣка есть зеркало окружающихъ его предметовъ.

Эта пограничная корча есть живой образъ бѣдосныи. Въсено крыльца служатъ два дикіе камни, одинъ на другой положенные, и на которые должно взбираться какъ на Альпійскую гору; внутри нѣтъ ничего, кромѣ голыхъ стѣнъ, превеликаго сплюта и десяти или двѣнадцати толстыхъ отрубковъ или чурбановъ, называемыхъ спульями; полъ кирпичный — но онъ почти весь выломанъ. — Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ Беккеръ, и началъ говорить со мною по-Нѣмецки. Спарикъ, который сидѣлъ за сплотивъ и ѣлъ хлѣбъ съ сыромъ, протянулъ уши, улыбнулся и сказалъ: *давай! давай!* давая намъ разумѣть, что онъ знаетъ, какимъ языкомъ мы говоримъ между собою. *Не удивляйтесь, продолжалъ спарикъ: я служилъ нѣсколько кампаній въ Нѣмецкой землѣ и въ Нидерландахъ, подъ начальствомъ храбраго Саксонскаго Маршала. Вы конечно слышали о сраженіи при Фонтенуа: тамъ ранили меня въ лѣвую руку. Смотрите — я не могу поднять ее выше этаго. — «Почтенный воинъ!» сказалъ я,*

подошедши къ нему, и взявъ его за правую руку: «дозволь мнѣ посмопрѣть на тебя.» — Инвалидъ усмѣхнулся. «Давно ли ны въ оп-ставкѣ, добрый старикъ?» спросилъ Беккеръ. «Тридцать лѣтъ,» отвѣчалъ онъ — «много времени! не правда ли, баринъ? Мой Фельдмаршалъ давно лежитъ въ землѣ.» — «Мы видѣли гробъ его.» — «Вы видѣли гробъ его? гдѣ?» — «Въ Спразбургѣ, мой другъ.» — «Въ Спразбургѣ? Это далеко отсюда; я не дойду туда — а мнѣ хотѣлось бы поклониться его праху. Онъ былъ герой, государи мои — Генералъ, какихъ нынѣ уже нѣтъ, и бытъ не можетъ. Солдаты любили въ немъ отца. Я какъ теперь смотрю на него: какой взоръ! какой голосъ! Въ день нашей побѣды его возли на плечкѣ — жесткая болѣзнь не позволяла ему сѣсть на лошадь — однакожъ онъ повелѣвалъ, ободрялъ, и мы дрались какъ львы, какъ оничашные. Я забылъ рану мою, и тогда уже упалъ на землю, когда вся наша армія въ одинъ голосъ воскликнула побѣду, и когда непріятели бѣжали отъ насъ какъ робкіе зайцы. Какой день! какой день!» Старикъ поднялъ вверхъ голову, и болѣе двадцати лѣтъ свалилось въ одну минуту съ плечъ его; число морщинъ на венномъ лицѣ уменьшилось; сухіе глаза енали свѣтлѣе, и осмидесятилѣтній воинъ съ юнценою своею клякою головъ былъ маркированъ противъ вѣхъ соединенныхъ армій Европы. Я спросилъ вина, налилъ ему рюмку, и сказалъ: — «здоровье храбрыхъ,

заслуженныхъ *Ветерановъ!*» — «И молодыхъ путешественниковъ!» примолвить старикъ съ улыбкою, и вынулъ до дна. — Мы узнали отъ него, что онъ живетъ у своего внука въ одной изъ горныхъ деревень, ходилъ въ гости къ другому внуку, и зашелъ въ корчму опохнуть. Между тѣмъ намъ должно было ѣхать. Я хотѣлъ было дать ему *эю*, но побоялся оскорбить благородную гордость стараго героя. Онъ проводилъ насъ до крыльца, и кричалъ осмотрикамъ: «я надѣюсь, государи мои, что вы были учтивы противъ иносанныхъ господъ!» Конечно! отвѣчали они со смѣхомъ, и пожелали намъ счастливаго пути, не требуя съ насъ ни копейки.

Мы долго ѣхали стверстіемъ Юры, которая съ обѣихъ сторонъ дороги возвышалась какъ гранитная стѣна — и на сихъ спранныхъ утесахъ, надъ головами нашими, по узенькимъ тропинкамъ ходили люди, согнувшись подъ тяжелыми ношами, или топя передъ собою навьюченныхъ ословъ. Не льзя безъ ужаса смотреть на нихъ; каженся, что они всякую секунду готовы упасть. — Намъ остановили въ первой Французской крѣпости, *Форъ де-л'Эк-люзъ*, которую можно назвать неприступною, потому что со всѣхъ сторонъ окружаютъ ее неизмѣримыя пропасти и крупины. Сно чело-вѣкъ могутъ защищать эту крѣпость противъ десяти тысячъ непріятелей. Тамашній гарнизонъ состоитъ изъ 150 инвалидовъ, подъ

командою стараго Майора, который долженъ былъ подписать имя свое на пропускъ нашемъ. Я позабылъ сказать вамъ, что мнѣ дали въ Женевѣ паспортъ — слѣдующаго содержанія:

Nous Syndics et Conseil de la Ville et République de Genève, certifions à tous ceux qu'il appartiendra que Monsieur K. âgé de 24 ans, Gentilhomme Russe lequel allant voyager en France. afin qu'en son voyage il ne lui soit fait aucun deplaisir, ni moleste, Nous prions. et affectueusement requérons. tous ceux qu'il appartiendra et auxquels il s'adressera, de lui donner libre et assuré passage dans les Lieux de leur Obéissance, sans lui faire, ni permettre être fait, aucun trouble ni empêchement, mais lui donner toute l'aide et l'assistance qu'ils desireroient de Nous envers ceux qui de leur part nous seroient recommandés. Nous offrons de faire le semblable toutes les fois que nous en serons requis. En foi de quoi nous avons donné les Présentes sous notre Sceau et Seing de notre Secrétaire. ce premier Mars Mil sept cent quatre-vingt dix.

PAR MESDITS SEIGNEURS SYNDICS ET CONSEIL.

Puerari.

И такъ, еслии кто нибудь оскорбитъ меня во Франціи, то я имѣю право принести жалобу Женевской Республикѣ и, она должна за меня вступиться! Но не думайте, чтобы великодушные Синдики изъ оимѣнной благосклонности дали мнѣ эту грамоту: всякой можетъ получить такой паспортъ. —

Ночью прѣехали мы къ тому мѣсту, копо-

рое называлось la perte du Rhône, вышли из карены, и хотѣли спуститься на берегъ рѣки; но добросердечный извозчикъ не пустилъ насъ, увѣряя, что одинъ несчастливый шагъ можетъ стоить намъ жизни. Не далеко отъ дороги свѣтился огонь. Мы нашли тамъ маленькой домикъ, и поспѣли у воротъ. Черезъ минуту явился несень или семь человекъ, конорые, услышавъ, что намъ надо, взяли фонари, и повели насъ, лучше сказать, понесли насъ внизъ по каменному утесу. При слабомъ свѣтѣ фонарей видѣли мы вездѣ спирающую дичь. Внѣшнѣ шумѣла, рѣка шумѣла — и все вмѣстѣ составляло иъчно весьма Оссианское. Съ обѣихъ сторонъ ряды огромныхъ камней сжимаютъ Рону, которая течетъ съ ужасною быстриною и съ ревомъ. Наконецъ сѣи навислыя стѣны сходятся, и рѣка совершенно скрывается подъ ними; слышится только шумъ ея подземнаго теченія. По камнямъ, образующимъ надъ нею высокой сводъ, можно ходить безъ всякой опасости. Въ нѣсколькихъ саженьяхъ отсюда она опять вытекаетъ съ клубящеюся пѣною, мало по малу расширяется, стреминясь уже не такъ быстро, и свивается между береговъ своихъ — Тутъ пробыли мы около сорока минутъ, и возвратились къ каренѣ, заплативъ гривень шестъ нашимъ провожанымъ *.

* Въ память этой ночной сцены храню я нѣсколько блестящихъ камешковъ, находимыхъ близъ того мѣста, гдѣ скрывается Рона.

Протѣхавъ еще версты четыре, остановились мы ночевать въ одной маленькой деревенькѣ. Въ трактиръ отвели насъ очень хорошую и чисто прибранную комнату; развели въ каминѣ огонь, черезъ часъ приготовили ужинъ, состоявшій изъ шести или семи блюдъ съ десертомъ. Внизу веселились горные жители, и пѣли простыя свои пѣсни, которыя, соединяясь съ шумомъ въпра, приводили душу мою въ уныніе. Я вслушивался въ мелодіи, и находилъ въ нихъ нѣчто сходное съ нашими народными пѣснями, столь для меня протѣпательными. Пойте, горные друзья мои, пойте, и пріятностію гармоніи улаждайте житнейскія горести! ибо и вы имѣете печали, отъ которыхъ бѣдный человѣкъ ни за какою горюю, ни за какою пропастью укрыться не можетъ. И въ вашей дикой сторонѣ другъ оплакиваетъ друга, любовникъ любовницу. — Трактирщица рассказала намъ слѣдующій анекдотъ:

Всѣ дѣвушки здѣшней деревни заглядывались на любезнаго Жана; всѣ молодые люди засмакивались на милую Лизету. Жанъ съ самаго младенчества любилъ одну Лизету, Лизета любила одного Жана. Родители ихъ одобрили сію взаимную, нѣжную склонность, и щастливые любовники надѣялись уже скоро соединиться навѣки. Въ одинъ день, гуляя по горамъ вмѣстѣ съ другими молодыми людьми, пришли они на край ужасной спремины. Жанъ схватилъ Лизету за руку, и сказалъ ей: удалимся! страшно! — Робкой! отвѣчала она

съ усмѣшкою: не стыдно ли тебѣ бояться? земля тверда подъ ногами. Я хочу заглянуть туда — сказала, вырвалась у него изъ рукъ, приблизилась къ пропасти, и въ самую ту минуту камни подъ ея ногами покапались. Она ахнула — хотѣла схватиться, но не успѣла — гора перецала — все валилось — несчастная низверглась въ бездну, и погибла! — Жанъ хотѣлъ броситься за нею — ноги его подкосились — онъ упалъ безъ чувствъ на землю. Товарищи его поблѣднѣли отъ ужаса — кричали: Жанъ! Жанъ! но Жанъ не откликнулся; толкали его, но онъ молчалъ; приложили руку къ сердцу — оно не билось — Жанъ умеръ! Лизету выпанцли изъ пропасти; черена не было на головѣ ея; лице..... Но сердце мое содрогалось. — Отецъ Жановъ пошелъ въ монахи. Мать Лизетина умерла съ горемъ.

=

6 Марта, 1790.

Въ пять часовъ утра выѣхали мы вчера изъ горной деревеньки. Сирашиный въперъ грозилъ безпреспадно опрокинуть нашу карету. Со всехъ сторонъ окружали насъ пропасти, изъ коныхъ каждая напоминала мнѣ Лизету и Жана — пропасти, въ коныя не лзя сморънть безъ ужаса. Но я сморънть въ нихъ, и

въ этомъ ужасѣ находить нѣкоторое неизъяснимое удовольствіе, которое надобно приписать особливому расположенію души моей. Жерло всякой бездны обсажено острыми камнями; а въ глубинѣ или внизу не рѣдко видна прекрасная мурава, орошаемая каскадами. Дерзкія козы спускаются туда и щиплютъ зелень. Въ иныхъ мѣстахъ, на вершинѣ скалъ, зароспаютъ шравою печальныя останки древнихъ рыцарскихъ замковъ, бывшихъ въ свое время неприступными. Тамъ богиня Меланхолія во мшистой своей мантии сидитъ безмолвно на развалинахъ, и неподвижными очами смотритъ на теченіе вѣковъ, которые одни за другимъ мелькаютъ въ вѣчность, осматривая едва приметную точку на земномъ шарѣ. — Такія мысли, такіе образы представлялись душѣ моей — и я по цѣлымъ часамъ сидѣлъ въ задумчивости, не говоря ни слова съ моимъ Беккеромъ.

Дорога въ сѣхъ дикихъ мѣстахъ такъ широка, что двѣ кареты могутъ свободно разъѣхаться. Надлежало разсѣкать цѣлыя каменистыя горы, для того, чтобы провесели ее: подумайне объ ужасномъ шрудѣ и милліонахъ, которыхъ она сносила! Такимъ образомъ шрудолубіе и политическое пресѣщеніе народовъ шоржескивается, такъ сказать, надъ Бессенномъ, и граничныя преграды какъ прахъ рассыпаются подъ скирою всемогущаго человека, который за безднами и за горами ищетъ подобныхъ себѣ правдивенныхъ существъ, что-

бы съ гордою улыбкою сказать имъ: *и я живу на свѣтѣ!*

Наконецъ мнѣ душно стало въ каретѣ — я ушелъ пѣшкомъ далеко, далеко впередъ, и въ лѣсу встрѣтилъ четырехъ молодыхъ женщинъ, кошорыя все были въ зеленыхъ Амазонскихъ платьяхъ, въ черныхъ шляпахъ; все блондинья, и прекрасныя лицомъ. Я остановился и смотрѣлъ на нихъ съ удивленіемъ. Онѣ также взглянули на меня, и одна изъ нихъ сказала съ лукавою улыбкою: *берегите свою шляпу, государь мой! вѣтеръ можетъ унести ее.* Тутъ я вспомнилъ, что мнѣ надлежало снять шляпу и поклониться красавицамъ. Онѣ засмѣялись и прошли мимо. — Это были путешественницы Англичанки: четверомѣстная карета ѣхала за ними. Впрочемъ намъ встрѣчались не много проѣзжихъ.

Вчера ввечеру спустились мы въ пространныя равнины. Я почувствовалъ пѣшкороуде радость. Долго предскапавлялись глазамъ моимъ необозримыя цѣпи высокихъ горъ, и видъ плоской земли быть для меня новъ. Я вспомнилъ Россію, любезное очечесство, и мнѣ казалось, что она уже не далеко. Такъ лежатъ поля наши — думаю я, предавшись сему мечтательному чувству — такъ лежатъ поля наши, когда весеннее солнце распоняетъ снѣжную одежду ихъ, и оживляетъ озими, надежду шекуната года! — Вечеръ быть прекрасный; умолкли горные вѣтры; пріятная пенюна разливается въ лучахъ заходящаго

свѣтила. Но вдругъ пришла мнѣ на мысль, что друзей моихъ, можетъ быть, иѣтъ на свѣтѣ — прощайте, все пріятныя чувства! Я желаю возвратиться на горы и слушать шумъ вѣтра.

Въ самыхъ дикихъ мѣстахъ, въ самыхъ бѣднѣйшихъ деревенькахъ находили мы хорошіе прачиры, сытный супъ и чистую компанію съ каминѣмъ. За обѣдъ обыкновенно брали съ насъ двѣхъ 70 су (около рубля двадцати копѣекъ), а за ужинъ и ночлегъ 80 или 85 су: что составило на наши деньги рубль полнѣе. Двѣ вещи опмѣныя примѣнилъ я во Французскихъ *обержахъ*: первое, что въ ужинѣ не подають супа, слѣдовательно *on soupe sans soupe*; второе, что на столѣ кладуть только ложки съ вилками, предполагая, что у всякаго путешественника есть свой ножъ. — Игдѣ не видалъ я такихъ мерзосныхъ надписей, какъ въ сихъ прачирахъ. Для чего вы ихъ не спросите? спросилъ я однажды у хозяйки. Мнѣ не случилось взглянуть на нихъ, отвѣчала она: кто станетъ читать такой вздоръ?

Въ одномъ маленькомъ мѣстечкѣ нашли мы великое спеченіе народа. Что у васъ дѣлалось? спросилъ я. — «Сосѣдъ нашъ Андрей (отвѣчала мнѣ молодая женщина), содержатель прачиры подъ вѣвѣскою *Креста*, сказалъ вчера въ пьянствѣ *передъ цѣлымъ свѣтомъ*, что онъ илюсть на націю. Все напріоны взволновались и хотѣли его повѣсиль: однакожь наконецъ умилосяпвились, дали ему проснасья, и прину-

дили его нынѣ публично въ церкви, на колѣняхъ, просить прощенія у милосердаго Господа. Жаль миѣ бѣднаго Андрея!»

=

Лионъ, 9 Марта, 1790.

За двѣ мили открылся намъ *Лионъ*. *Рона*, копорая снова явилась подлѣ дороги, и въ обширѣйшемъ теченіи, вела насъ къ сему перво-классному Французскому городу, опдѣляя *Бресъ* отъ *Дофинъ*, одной изъ простирающихся Французскихъ провинцій, копорую вдали вѣчаютъ покрытыя снѣгомъ горы, опрасли Савойскихъ Гигантовъ. — Издали казался *Лионъ* не такъ великъ, каковъ онъ въ самомъ дѣлѣ. Пять или шесть банекъ подымались изъ шумной громады зданій. — Когда мы подѣхали ближе, открылась намъ набережная Ронская линія, состоящая изъ великолѣпныхъ домовъ въ пять и шесть этажей: видъ пышный! — У воротъ насъ остановили. Осмотрщикъ весьма учтиво спросилъ, имѣтъ ли у насъ поваровъ, и послѣ отрицательнаго отвѣта заглянулъ въ каретный ящикъ, поклонился и отошелъ прочь, не допронувшись до нашихъ чемодановъ. Мы вѣхали въ набережную улицу — и я вспомнилъ берегъ Невы. Длинный деревянный мостъ перегибается черезъ Рону; а на другой

сторонѣ рѣки разсыяны прекрасныя лѣтніе домики, окруженныя садами. Проѣхавъ мимо театра, огромнаго зданія, остановились мы въ Hôtel de Milan. Чепыре челоуѣка бросились отвязывать наши чемоданы, и въ минуту все было внесено въ домъ, хотя намъ еще не отвели комнаты. Трактирщица встрѣтила насъ съ такою улыбкою, какой не видалъ я ни на Нѣмецкихъ, ни на Швейцарскихъ лицахъ. Къ несчастію всѣ горницы были заняты, кромѣ одной, весьма темной. Привѣтливая хозяйка увѣрила насъ, что на другой день отведетъ намъ прекрасную. Такъ и было! сказали мы, и одѣлись на скорую руку, чтобы идти въ Комедию. Между тѣмъ слуга, который прибиралъ комнату, желая украсить ее въ глазахъ нашихъ, уведомила насъ, что въ ней не давно жила чернобровая и черноглазая красавица, прѣзавшая изъ Консантинополи.

Въ пять часовъ пришли мы въ Театръ и взяли билеты въ партеръ. Ложи, паркетъ, раскѣ — все было наполнено людьми. Вспомнилъ, первый Парижской манювицкѣ, въ послѣдній разъ обвѣщать веселиныя Лѣонскую публичку легкоснѣю своихъ ногъ. Все шумѣло вокругъ насъ и надъ нами какъ улей ичелъ. Необыкновенная вольность удивляла меня. Если въ ложѣ или въ паркетѣ какая нибудь дама вставала съ своего мѣста, то изъ партера кричали въ нѣсколько голосовъ: *сидись! прочь! à bas! à bas!* Вокругъ насъ было не много порядочныхъ людей, и для того уговорить я

Беккера иппи въ наркестъ; но намъ сказали, что намъ совсѣмъ ибнѣ тѣсна, и одинъ молодой человекъ провелъ насъ въ ложу преньяго энгажа, гдѣ нашли мы даму и знакома нашего Барона Басельвица, Гефмейстера Принцевъ Шварцбургскихъ, которые въ шопъ же день прѣехали въ Ліонъ и оснановились также въ Hôtel de Milan. Дама предложила мнѣ мѣсто подлѣ себя; но я боялся пониженіи ея и вошелъ въ другую маленькую ложу, надъ самою сценою, гдѣ никого не было. Занавѣсъ поднялся; представляли Комедию les Plaideurs. Я слышалъ только половину словъ, и не столько занимался пѣсою, сколько тѣми людьми, которые безпрестанно приходили ко мнѣ въ ложу, и опять уходили. Лишь только опустились занавѣсъ, со всѣхъ сторонъ высыпали на сцену актеры и актрисы въ неглижѣ, танцовщики и танцовщицы, и проч. и проч. Одни обнимались или цѣсали, другіе смѣялись, иные кричали: новый спектакль! Вспрился въ насъ спунъемъ планъ прыгать какъ резвая коза. Музыка снова заиграла — всѣ театральные герои разсыпались — занавѣсъ поднялся — начался балетъ — Вспрился показался — рукоплесканія какъ громъ раздались во всѣхъ концахъ театра. Правду сказать, искусство сего танцовщика удивительно. Душа сидитъ у него въ ногахъ, вопреки всѣмъ теоріямъ неупланелей естества человеческого, которые ищутъ ее въ мозговыхъ фибрахъ. Какая фигура! какая гибкость! какое равновѣсіе! Никогда не

думалъ я, чѣмбы танцовщикъ могъ доставить мнѣ сколько удовольствія! Такимъ образомъ всякое искусствово, подходящее къ совершенству, пріятно душѣ нашей!—Плескъ восхищенныхъ Французовъ заглушалъ музыку. Въ положеніи снрасннаго любовника, котораго душа въ шомныхъ вздохахъ сливается съ душою любовницы, скрылся Весприсъ опъ глазъ зрительей, коцловалъ свою пашунку и бросился отдыхать на лавку. Играли еще комедію въ одинъ актъ, самую пусную. Начался новый балетъ—Весприсъ снова появился—и снова гремѣла хвала при каждомъ движеніи ногъ его. Между шѣмъ съли подлѣ меня два человека, одѣтые по дорожному. Вотъ разговоръ:

Одинъ (оборотясь ко лиѣ). Подлѣ насъ въ ложѣ сидитъ Русской?

Я (взглянувъ въ другую ложу). Одинъ Нѣмецъ, другой Данчанинъ, претяго не знаю.

Одинъ. По крайней мѣрѣ я имѣю честь говорить съ Русскимъ?

Я. Я Русской.

Другой. Быть не можетъ; вы Французъ.

Я. Я Русской.

Одинъ. О! у васъ въ Россіи живутъ весело. Не правда ли?

Я. Очень весело.

Одинъ. Давно ли вы здѣсь?

Я. Около прехъ часовъ.

Одинъ. Откуда вы прѣхали?

Я. Изъ Женевы.

Одинъ. А! прекрасный городъ! Что говорятъ шамъ о Неккеръ?

Я. По большой части хвалятъ его.

Одинъ. Куда вы ѣдете?

Я. Въ Парижъ.

Другой. Въ Парижъ? Браво! браво! Мы сей часъ оппуда. Что за городъ! А, государь мой! какія удовольствія васъ шамъ ожидаютъ! удовольствія, о которыхъ здѣсь въ Lionъ не имѣютъ понятія. Вы конечно остановились въ Hôtel de Milan? и мы такъ же. (своему товарищу) Mon ami, nous partons demain? (Мы завтра поѣдемъ?)

Одинъ. Oui.

Другой. Правда, надобны деньги.....

Одинъ. Что вы говорите! Русскіе все богаты какъ Крезы; они безъ денегъ въ Парижъ не ѣздятъ.

Другой. Какъ будто я не знаю этого! Правда, можно и съ небольшими деньгами жить весело, быть всякой день въ Театрахъ, на гульбищахъ.

Одинъ. Пянь, шесть тысячъ ливровъ въ мѣсяцъ — по нуждѣ довольно. Ахъ! я болѣе издерживалъ!

Другой. Браво, Весприсъ! браво!

Одинъ. Прекрасно! C'est dommage, qu'il soit bête. Je le connois très bien (Жаль, что онъ превеликая скотина. Я его знаю). Графъ Мирабо имѣлъ дѣло, сказываютъ —

Другой. Съ Маркизомъ —

Одинъ. За что?

Другой. Маркизъ зацѣпилъ его за живое въ Національномъ Собраніи. — (*Оборотясь ко мнѣ*) Парижъ вамъ безъ сомнѣнія полюбился. Вы можете проживатьъ, сколько вамъ угодно. Что принадлежитъ до моего повариха, то онъ жилъ слишкомъ пышно. Надобно признаться, что Анзена шебъ дорого стоила.

Одинъ. А! (*зажмуривается и хрипитъ*).

Я. Откуда вы, еслили смѣю спросить?

Другой. Мы изъ Лангедока, жили долго въ Парижъ, и теперь возвращаемся въ Монпелье.

Одинъ (*просыпаясь*). Bravo, bravo, Весприсъ! (*Стучитъ палькою въ декорацию*). Онъ первый танцовщикъ во вселенной! — (*Задумывается и вздыхаетъ*). Умирая, могу сказать, что я наслаждался жизнью; все видѣть —

Другой. Все видѣть и все испытывать! Примолви это, мой другъ! ха! ха! ха!

Одинъ. Mais oui. oui! Правда! — Вы вѣрно знаете того Русскаго Графа, который нынѣшнюю зиму провелъ въ Монпелье?

Я. Графа В....? по слуху.

Одинъ. Онъ у меня обѣдалъ въ загородномъ домѣ. Brave homme! (*Задумывается и хрипитъ*)

Другой. Вы, право, хорошо говорите по-Французски.

Я. Извините — я говорю очень худо.

Одинъ (*просыпаясь*). Прекрасно! очень хорошо!

Я. Вы очень снисходительны.

Одинъ. Черный кафтанъ приличіе всего для чужестранца въ Парижъ.

Другой. Черный шелковый. — Женщины у васъ хороши?

Я. Прекрасны.

Одинъ. О! никакъ не знаешь женщинъ такъ, какъ я! Мы видали Немокъ, Пшалиянокъ, — (помолчавъ) Гишпанокъ, — (помолчавъ) Турчанокъ, — (помолчавъ) и прочихъ, и прочихъ.

Другой. О! мы съ ними очень знакомъ! ха! ха! ха!

Одинъ. Вы прѣхали водою?

Я. Извините.

Одинъ. И такъ сухимъ путемъ! А какъ называешься этотъ Русской городъ, откуда можно ѣхать водою въ Англію?

Я. Вы говорите конечно о Петербургъ?

Одинъ. Да, да! Жаль только, что у васъ холодно. (оборотясь къ своему пріятелю). Кучера они мораживаютъ намъ бороды съ усами. — Браво, браво, Весприсъ! —

Между тѣмъ вошли къ намъ въ ложу Беккеръ, и началъ говорить со мною по-Немецки.

Одинъ. (оборотясь къ Беккеру). Вы Немецъ?

Беккеръ. Извините — я изъ Копенгагена.

Одинъ. А! — Вашъ языкъ сходенъ съ Немецкимъ. Въдь вы говорите: я менъ геръ? А куда вы ѣдете?

Беккеръ. Въ Парижъ — съ нимъ (указывая на меня)

Одинъ. Браво! Tant mieux.

Балетъ кончился — занавѣсъ опустился. Паркетъ, ложы, партеръ — все въ одинъ голосъ

закричали: *останься здѣсь, Вестрисъ, останься здѣсь!* Крикъ продолжался нѣсколько минутъ. Занавѣсъ снова поднялся. Вестрисъ выступилъ—какой скромный видъ! какая кротость во всей наружности! какіе поклоны! Шляпу держалъ онъ у сердца. Надлежало зажать уши отъ громкаго плеска. Вестрисъ остановился. Вдругъ все умолкло — можно было слышать работу кузнечика.

Вестрисъ. Только на мѣсяцъ позволено мнѣ оплутаться изъ Парижа; мѣсяцъ проходишь, и мнѣ надлежало нынѣ ѣхать; но.....

Здѣсь голосъ его перервался; онъ поднялъ глаза вверхъ, стараясь собрать силы. Спрашное рукоплесканіе! но вдругъ опять все умолкло.

Вестрисъ. «Въ знакъ благодарности за по-
благоволеніе, котораго вы меня удостоиваете,
я буду танцовать еще завтра.» Шумящее
браво соединилось со всеобщимъ плескомъ — и
занавѣсъ закрылся. Энтузіазмъ былъ такъ ве-
ликъ, что въ сію минуту легкіе Французы
могли бы, думаю, провозгласить Вестриса
Диктаторомъ!

Учинвыя господа, съ которыми имѣлъ я
вышеописанный разговоръ, пожелали мнѣ щасли-
ливаго пути, и обѣщали сыскать меня въ Па-
рижѣ черезъ мѣсяцъ. Пришедши въ свою ком-
панию, сѣли мы съ Беккеромъ передъ каминомъ
(въ которомъ дубовыя дрова пылали), и съ нѣ-
которымъ родомъ восхищенія разговаривали о
Французской учинивости.

На другой день опивели намъ двѣ небольшія, веселыя комнаты, окнами на мѣсто de Ter-raux передъ ранушею, гдѣ безпрестанно бываеиъ множество людей, кромѣ множества пор-говокъ, продающихъ яблоки, апельсины, по-меранцы и разныя бездѣлки. Одѣвшись, почили мы бродить по городу.

Улицы вообще всѣ узки, кромѣ двухъ или трехъ посредственныхъ. Набережная Соны очень хороша. Вода въ сей рѣкѣ такъ же зелена, какъ и въ Ронѣ, но гораздо мутнѣе. Безпрестанно кричали намъ женщины, которыя здѣсь отправляютъ должностъ перевозчиковъ: *не хотите ли перѣхатъ черезъ рѣку?* хопя мостовъ много, и одинъ оиъ другаго не далеко. Большая и лучшая часть города лежишъ между рѣкѣ. За Соною подымается высокая гора, на вершинѣ которой построены монастыри и нѣ-сколько домовъ. Видъ съ сей горы есиъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ. Весь городъ передъ гла-зами — не маленькой городокъ, но одинъ изъ величайшихъ въ Европѣ. Снѣжныя Савойскія горы (изъ-за копорыхъ въ ясную погоду вы-глядываеиъ преглавый *Монъ-Бланъ*, нашъ Же-невской знакомецъ) съ цѣнью Дофинскихъ про-спираются амфиатромъ, ограничивая об-ласть зрѣнiя. Обширныя зеленыя равнины по ту сторону Роны, принадлежащiя къ Дофи-не — равнины, гдѣ уже оперяеиъ весна, от-мѣнно миловидны. Тамъ идеиъ дорога въ Лан-гедокъ и Провансъ, щастливый цвѣтущiя спираиы, гдѣ чистый воздухъ въ весеннiе и

льшіе мѣсяцы бывають наипачѣ ароматами, и гдѣ теперь благоухаютъ ландыши! Среди большой площади, украшаемой густыми аллеями, и со всѣхъ сторонъ окруженной великолѣпными домами, споконъ на мраморномъ подножій бронзовая статуя Людовика XIV, такой же величины, какъ монументъ нашего Россійскаго Петра, хотя сіи два Героя были весьма не равны въ великости духа и дѣлъ своихъ. Подданные прославили Людовика: Петръ прославилъ своихъ подданныхъ — первый *отчасти* способствовалъ успѣхамъ просвѣщенія: второй, какъ лучезарный богъ свѣта, явился на горизонтѣ человѣчества, и освѣтилъ глубокую тьму вокругъ себя — въ правленіе перваго тысячи трудолюбивыхъ Французовъ принуждены были оставить опеченство: второй привлекъ въ свое государство искусныхъ и полезныхъ чужеземцовъ — перваго уважаю какъ сильнаго Царя: втораго починаю какъ великаго мужа, какъ Героя, какъ благодѣтеля человѣчества, какъ моего собственнаго благодѣтеля *. — При семъ случаѣ скажу, что мысль на дикомъ поставилъ статую Петра Великаго

* Можеть быть не все Чинанели знаютъ ие стихи, въ которыхъ Англичскій Поэтъ Томсонъ прославилъ нашего незабвеннаго Императора. Вотъ они.

What cannot active government perform,
New-moulding Man? Wide stretching from these shores,
A people savage from remotest time,
A huge neglected empire one vast Mind,
By Heaven inspir'd, from Gothic darkness call'd.
Immortal Peter! first of monarchs! He

камень, есть для меня прекрасная, несравненная мысль—ибо сей камень служитъ разительнымъ образомъ того состоянія Россіи, въ которомъ была она до времени своего преобразования. Не менѣе правились мнѣ и крапкая, сильная, многозначущая надпись: Петру Пер-

His stubborn country tam'd, her rocks, her fens,
Her floods, her seas, her ill-submitting sons;
And while the fierce *Barbarian* he subdu'd,
To more exalted soul he rais'd the *Man*.
Ye shades of ancient heroes, ye who toil'd
Thro'long successive ages to build up
A labouring plan of state! behold at once
The wonder done! behold the matchless prince,
Who left his native throne, where reign'd till then
A mighty shadow of unreal power;
Who greatly spurn'd the slothful pomp of courts;
And roaming every land, in every port
His sceptre laid aside, with glorious hand
Unwearied plying the mechanic tool,
Gather'd the seeds of trade, of useful arts,
Of civil wisdom and of martial skills.
Charg'd with the stores of *Europe* home he goes!
Then cities rise amid th'illumin'd waste;
O'er joyless deserts smiles the rural reign;
Far-distant flood to flood is social join'd;
Th'astonish'd *Euxine* hears the *Baltick* roar,
Proud navies ride on seas that never foam'd
With daring keel before; and armies stretch
Each way their dazzling files, repressing here
The frantic *Alexander* of the north,
And awing there stern *Othman's* shrinking sons.
Sloth flies the land, and *Ignorance*, and *Vice*,
Of old dishonour proud; it glows around,
Taught by the Royal Hand thus rous'd the whole,
One scene of arts, of arms, of rasing trade:
For what his wisdom plann'd, and power enforc'd,
More potent still, his great *example* shew'd.

вѣмъ Екатерины Вторая. Что написано на монументѣ Французскаго Короля, я не читалъ.

Въ часъ возвратились мы обѣдать. Болѣе придцани чловѣкъ сѣло за столомъ. Всякой братъ, что хопѣлъ. Ищасливъ, передъ

То есть: Чего не можетъ произвести Правительство, преобразуя чловѣка? Одна великая Душа вдохновенная Ибѣмъ, извлекла изъ гошническаго мрака обширную Имперію, народъ издревле дикой и грубой. Безмерный Петръ! первый изъ Монарховъ, укрѣпившій суровую Россію съ ея грозными скалами, бѣлами, шумными рѣками, озерами и непокорными жипелями! Смиривъ жестокаго варвара, возвысилъ онъ правдивость чловѣка. О вы, дѣла древнихъ Героевъ, успѣвшихъ въ ками порядокъ гражданскихъ обществъ! воззрите на сіе, вдругъ совершившееся чудо! воззрите на безпримѣрнаго Государа, основавшаго насѣдственныи престола, на коемъ дошло царствовало могущественная иль неувѣржденной власти — презрѣннаго льстивости и негу, проходящаго въ земли, онлагающаго свой скитаніе въ каждомъ корабельномъ пристанци, неутомимо работающаго съ искусными Механиками, и собирающаго сѣмена торговли, полезныхъ художествъ, общественной мудрости и воинской науки! Обремененный сокровищами Европы, онъ возвращался въ свое отечество, и вдругъ среди еиеней возносящаяся грады, въ печальныхъ пустыняхъ улыбающіяся красоты сельскія, отдаленныя рѣки соединяють свое теченіе, изумленный Евксинъ слышитъ шумъ Бальнійскихъ волнъ, гордые флоты преобладають моря, коноры дошло не вѣнчались еще подъ дерзостными рулями, и многочисленныя воинства въ блестящихъ рядахъ на враговъ устремляющіяся, поражаютъ неспешаго Сѣвернаго Александра, и ужасаютъ свирѣпыхъ сыновъ Опомана. Удаляясь лѣвостъ, невѣжество и пороки, коими прежде варварство гордилось. Вездѣ являющіяся картина искусствъ, военныхъ дѣйствій, цвѣтущей торговли: мудрость его вымышляетъ, властью повелѣваетъ, примѣръ показывается — и государство благополучно!

къмъ спояли лучшія блюда! Но снолъ былъ очень изобиленъ.

Послѣ обѣда пошелъ я съ письмомъ къ Ман-писону, Нѣмецкому снпхонворцу, который воспыпываснѣ дѣшею одного здѣшняго банкира. *Ахъ! вы говорите по-Нѣмецки; вы любите Нѣмецкую Литтературу, Нѣмецкое прамодушіе!* Съ сими словами бросился онъ обнимать меня. Но я еще болѣе обрадовался его знакомству, нежели онъ моему; въ Германіи не могло бы оно быть для меня такъ пріятно, какъ во Франціи, гдѣ я не ищу искренности, не ищу симпатическаго сердца — не ищу для того, что найти не надѣюсь. Съ милою поспѣшностію выхватилъ онъ изъ ящика свои бумаги и прочелъ мнѣ при піесы, имѣ не давно сочиненныя. Я слушалъ его съ неприниморнымъ удовольствіемъ. Нѣжная кропость, живыя чувства, чистота языка соснавлиаютъ красоту его піесей. Онъ вдругъ остановился, взглянулъ на меня, засмѣялся и сказалъ: *не правда ли, что я поспѣшилъ представить вамъ мою Музу?* *Ахъ! бѣдная по сіе время не имѣла никакого знакомства съ Ліонъ!* — Я также засмѣялся и пожалъ ему руку, увѣряя, что Музу его люблю сердечно. — Онъ него пошелъ въ Комедію. Играли Руссова *Деревенскаго Колдуна*. Съ живѣйшимъ удовольствіемъ слушалъ я музыку сей прекрасной Оперы. Парижскія дамы были правы, говоря, что Авшору ея надлежало быть весьма чувствительну! — Я воображалъ его, какъ онъ, въ бородѣ и въ непричесанномъ

парикъ, сидѣлъ въ ложѣ Фоншенблосскаго театра во время перваго представленія оперы своей, укрываясь отъ взоровъ восхищенной публики. — Въ балетѣ снова удивлялись мы искусству Вестрисову. Лишь только занавѣсъ началъ опускаться, все закричало: *Вестрисъ! Вестрисъ!* Занавѣсъ опять подняли — упомянутый танцовщикъ выступилъ при звукѣ рукоплесканій, съ тѣмъ же скромнымъ видомъ, съ тѣми же смиренными ужимками, какъ и вчера! Казалось, будто онъ ожидаетъ суда, хоня рѣшительное опредѣленіе публики гремѣло во всѣхъ концахъ театра. Шумъ въ секунду утихъ — Вестрисъ стоялъ какъ вкопанный и молчалъ — голосъ непрерывный раздался — публика ожидала рѣчи, забывъ, что танцовщикъ не естъ Ринкоръ. Въ сію минуту Вестрисъ могъ бытъ освиспанъ. Опять все умолкло. Танцовщикъ собрался съ силами и сказалъ: *Messieurs! je suis penetré de vos bontés — mon devoir m'appelle à Paris. Милостивые государи! я чувствую вашу благосклонность; должность отзываетъ меня въ Парижъ. Довольно для публики! Рукоплесканіе и браво!* Вестрисъ доволенъ Ліономъ со всѣхъ сторонъ; искусство его награждено здѣсь хвалою и деньгами. Я вспрѣчался съ нимъ нѣсколько разъ на улицѣ. *Вестрисъ! Вестрисъ!* кричали люди, и всякой указывалъ на него пальцомъ. И такъ легкоснѣ ногъ естъ добродѣтель почтенная! Чѣмъ принадлежишь до денежной награды, то за всякое представленіе получалъ онъ 520 ливровъ. Те-

перь ужинають у него всѣ здѣшніе Комедіанты (онъ живетъ въ Hôtel de Milan) и такъ шумящъ, что я не надѣюсь заснуть.

Сынъ поутру Машписонъ водилъ насъ къ одному ваятелю, который въ Италіи образовалъ свой рѣзецъ по моделямъ древнихъ художниковъ. Онъ принялъ насъ учтиво, и показывалъ статуи, весьма искусно выработанныя. Живописцу, ваятелю такъ же нужно воображеніе, какъ и Поэту: Ліонской художникъ имѣетъ его. Онъ дѣлаетъ теперь заказную статую, которую одинъ молодой супругъ готовитъ въ подарокъ супругѣ своей, шаспливой матери любезнаго младенца, приближающагося къ возрасту опрока. Художникъ представилъ прекраснаго мальчика, спящаго крошккимъ сномъ невинности подъ надежнымъ щитомъ Минервы, изображенной по мысли Греческихъ художниковъ съ опмѣннымъ искусствомъ; внизу видѣнъ образъ Улиссовъ. — *Быть мало работою, сказалъ онъ, будучи принужденъ (здѣсь онъ вздохнулъ) часто вооружаться и ходить на караулъ, такъ какъ и всѣ прочіе граждане. Видѣ недодѣланныхъ статуй приводитъ меня въ уныніе. Ахъ, государи мои! вы не можете войти въ чувства художника, отвлекаемаго отъ работы! — Ты истинный художникъ! думалъ я. — Мы пошли въ гошпиталь, огромное зданіе на берегу Роны. Въ первой залѣ, куда насъ ввели, сномъ около двухъ сотъ постелей въ нѣсколько рядовъ — о! какое зрѣлище! сердце мое пренемало. На одномъ лицѣ видѣлъ я изнеможеніе всѣхъ силъ,*

помную слабость; на другомъ ясный приступъ смерти, напряженный оншоръ жизни; на иномъ побѣду первой — жизнь удалялась и вылетала на крыльяхъ вздоховъ. Здѣсь-то надобно собирать черны для картинъ спраждающаго человечества, прибирая пѣни къ пѣнямъ. Но какое упражненіе! кно вынесетъ весь ужасъ его! — Между смертію и болѣзнію подалось въ глаза и помно-радостное выздоровленіе. Блѣдные младенцы играли цвѣтами — чувство къ красонамъ Натуры возобновлялось въ сердцахъ ихъ! Спарецъ подымаясь съ одра, подымалъ глаза на небо, или обращалъ ихъ вокругъ себя. *И такъ я еще буду жить!* говорили радостные глаза его. *Я еще буду наслаждаться жизнью!* говорили веселые взоры выздоравливающаго мужа и юноши. Какая смѣсь чувствъ! Какъ грудь моя могла вмѣщать ихъ! — Такимъ образомъ переходили мы изъ залы въ залу. Въ каждой заключался особый родъ болѣзни: въ одной лежали чахоточные, въ другой изувѣченные, въ третьей родильницы, и такъ далѣе. Вездѣ удивительная чистота, вездѣ свѣжій воздухъ. Присмотръ за больными также досноннъ хвалы всякаго друга человечества — и гдѣ можно распочать ее съ живѣйшимъ удовольствіемъ? Милосердіе! сосипраданіе! святыя добродѣтели! Такъ называемыя жалостливыя сестры * служатъ въ семъ домѣ *пана*, и чувство добраго дѣла есть ихъ на-

* Женской монашеской Орденъ.

града. Иныя стоятъ на колѣняхъ и молятся; другія обхаживаютъ больныхъ, подаютъ имъ лекарства, пищу. Нѣкоторые изъ сихъ добродѣтельныхъ монахинь весьма молоды; крошечныя сіяютъ на ихъ лицахъ. Въ срединѣ каждой залы стоитъ олтарь; нунѣ всякой день служатъ обѣдню. *Вотъ комната* (сказалъ намъ провожатый, указывая на дверь), *за которую надобно платить въ день 12 лировъ, съ лекарствами, съ пищею и услугою; но она пуста.* — «А что платятъ бѣдные?» 10 су въ день за все, и 20, кто хочетъ имѣть постелью съ занавѣсомъ. — «Что здѣсь?» спросилъ я, указывая на маленькую часовню въ углу двора. *Посмотрите, отвѣчалъ вожакомъ — и чешыре гроба, покрытые чернымъ пологномъ, встрѣтили взоръ мой. Всякой день, говорилъ онъ, умираетъ здѣсь нѣсколько челоуѣкъ. Инынѣ, слава Богу! умерли только четверо. Къ вечеру ихъ вывезутъ. Я съ ужасомъ опворопился онъ сего мрачнаго жилища смерти.* — *Теперь поведу васъ въ кухню.* — Кстаппи! думалъ я, однакожь пошелъ за нимъ. Тамъ въ превеликой залѣ, со многими печами, кипѣли котлы, лежали цѣлые быки и телята. «И это все въ нынѣшній день будетъ съѣдено?» спросилъ я. *Тысяча больныхъ, отвѣчалъ онъ, пьютъ по крайней мѣрѣ за пять сотъ здоровыхъ. Я не считаю множества лекарей и духовныхъ, которые здѣсь живутъ. Вотъ ихъ столовая.* — Мы вошли въ большую комнату, загроможденную сполоами. Часъ обѣда еще не пришелъ; но нѣкоторые изъ почтен-

ныхъ духовниковъ наполняли свои желудки мясомъ и пирогами: они завтракали. — Все ли? спросилъ я, выходя изъ залы. — *Посмотрите сюда. Здѣсь за желѣзными решетками содержатся безумные.* — Одинъ изъ сихъ несчастныхъ сидѣлъ на галлерей за маленькимъ столикомъ, на которомъ стояла чернильница. Бумагу и перо держалъ онъ въ рукѣ, въ глубокой задумчивости облокотясь на столикъ. — *Это Философъ, сказалъ съ усмѣшкою провожающій: бумага и чернильница ему дороже хлѣба.* — «А что онъ пишетъ?» — *Кто знаетъ! какія нибудь бредни; но начто лишать его такого безвреднаго удовольствія?* — Правда, правда! сказалъ я со вздохомъ: *начто лишать его безвреднаго удовольствія!*» — Мы возвратились къ обѣду въ Hôtel de Milan.

Лионъ, Марта..... 1790.

Нынѣ послѣ обѣда былъ я въ огромной Картезіанской церкви, и провожающій мой съ великою важностію разсказалъ мнѣ о тѣхъ чудесахъ, которыя служили поводомъ къ основанію сего спроважайшаго изъ монашескихъ Орденовъ. Въ 1080 году — неизвѣстно, въ какомъ городѣ — погребали мертваго. Въ ту самую минуту, когда Священникъ читалъ по-

сѣднюю молитву о вѣчномъ успокоеніи души его, умершій поднялъ голову и закричалъ страшнымъ голосомъ: *Небесное правосудіе обвиняетъ меня!* Священникъ запрепепалъ: но черезъ нѣсколько минутъ собрался съ духомъ и хотѣлъ дочитать свою молитву. Тутъ вдругъ раздался въ церкви сильный шумъ и прескъ — гробъ запряся, свѣчи погасли, и мертвый еще страшнѣйшимъ голосомъ закричалъ: *Небесное правосудіе осуждаетъ меня!* Бруно Кельнскій уроженецъ, будучи свидѣтелемъ сего ужаснаго чуда, тотчасъ рѣшился оснавить свѣтъ и вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ друзей своихъ — (Лѣттонсен говорятъ, съ шестью) — пошелъ къ Гренобльскому Епископу, упалъ къ ногамъ его, и требовалъ, чинобы онъ отвелъ имъ какое нибудь уединенное мѣсто, гдѣ бы они могли провести жизнь свою въ благочестіи и въ снискательныхъ умозрѣніяхъ. Епископъ за день передъ тѣмъ, отдыхая послѣ обѣда на мягкомъ пуховикѣ, видѣлъ во снѣ, что бѣлое облако спустилось съ неба на зеленый лугъ подлѣ монастырскаго сада, и что на томъ самомъ мѣстѣ выскочили изъ земли семь звѣздъ. Будучи увѣренъ, что сіи семь звѣздъ означали семь пришедшихъ къ нему странниковъ, отвелъ онъ набожному Бруно и его друзьямъ упомянутый лугъ, на которомъ они черезъ нѣкоторое время построили новый монастырь — и этотъ монастырь былъ первый Картезіанской. — Съ великимъ любопытствомъ расспрашивалъ я проводника моего о всѣхъ под-

робностяхъ жизни сихъ зашворниковъ. Законы Ордена обязываюшъ ихъ не выходить изъ монастыря, удаляться отъ сообщенія съ людьми, и наблюдать вѣчное мертвое молчаніе. Дни проводятъ они въ чтеніи, или работаютъ въ саду, или сидятъ поджавъ руки, съ неперитіемъ дожидаясь обѣда, который составляетъ главное удовольствіе ихъ печальнаго бытія. Въ пять часовъ послѣ обѣда они ложатся спать, въ девять встаюшъ, часа черезъ два опять ложатся спать, и такъ далѣе. Спиральная жизнь! Учредители сего Ордена худо знали нравственность человека, образованную, такъ сказать, для дѣятельности, безъ которой не найдемъ мы ни спокойствія, ни наслажденія, ни счастья. Уединеніе пріятно тогда, когда оно есть отдыхъ; но безпреспанное уединеніе есть путь къ ничтожеству. Сначала душа наша бунтуетъ противъ сего заключенія, противнаго ея натурѣ; чувство недостатка — (ибо человекъ самъ по себѣ есть фрагментъ или опрывокъ: только съ подобными ему существами и съ Природою составляетъ онъ цѣлое) — чувство недостатка мучитъ ее; наконецъ все благородныя побужденія въ сердцѣ нашемъ усыпаюшъ, и человекъ съ первой спячки земнаго творенія ниспадаетъ во сферу бездушныхъ тварей.

Я стоялъ среди церкви и смотрѣлъ на множество олтарей, на которыхъ блистало серебро и золото. Вечеръ приближался; все вокругъ меня начинало меркнуть, все было

нико — вдругъ распоршились двери, и печальныя брашья молчанія, въ бѣлыхъ плащяхъ, явились глазамъ моимъ; пошупивъ въ землю взоръ свой, медленно другъ за другомъ шли они къ главному жертвеннику, и проходя мимо висѣщаго въ церкви колокола, ударяли въ него слабою рукою; унылый звонъ раздавался подъ мрачными сводами, и мысль о смерти живо представилась душѣ моей. Я вышелъ изъ храма — увидѣлъ заходящее солнце, и сердце мое утихло.

Я люблю останки древностей; люблю знаки минувшихъ столѣтій. Вышедши изъ города, удивлялся я нынѣ памятникамъ гордыхъ Римлянъ, развалинамъ славныхъ ихъ водоводовъ. Толстая стѣна съ аркадами, въ нѣсколько аршинъ вышиною, складена изъ маленькихъ камешковъ, сдавленныхъ, такъ сказано, въ густую извеснь, удивительно твердую, такъ что сечень разбить не лзя, и въ сей стѣнѣ проведены были трубы. Римляне хотѣли жить въ памяти потомства, и сооружали такія зданія, копорыхъ не могли разрушати цѣлыя вѣки. Въ нынѣшнія философскія времена не такъ думаютъ; мы исчисляемъ дни свои, и предѣлъ ихъ есть предѣлъ всѣхъ нашихъ желаній и намѣреній; даже не проснираемъ взора,

и никто не хочет садить дуба безъ надежды опдыхать въ тѣни его. Древніе покачали бы головою, естъли бы они теперь воскресли и слышали мудрыя наши разсужденія; а мы, мы смѣемся надъ мечтами Древнихъ и надъ страннымъ ихъ славолубіемъ!

Оппуда пошелъ я въ Римскія бани, принадлежащія нынѣ къ женскому монастырю. Проходя мимо спѣны монастырскаго сада и келій, я чуть было не упалъ въ обморокъ отъ мѣфитическаго воздуха, который тушъ спирается. Изрядное уваженіе къ древностямъ! Въместо того, чтобы путь къ нимъ усыпаны цвѣтами, почтенныя сестры льютъ пуда изъ оконъ своихъ всякую нечистоту! И такъ, господа Французы, вы не должны бражниъ Азіатскихъ варваровъ, которыми великолѣпныя храмы древности превращаются въ хлѣвы. — Зданіе не велико, и состоить изъ коридоровъ, въ копорые свѣтъ проходитъ черезъ окна, сдѣланныя вверху на сводахъ. Здѣсь-то и тѣнились роскошныя Римляне! (думалъ я) — здѣсь-то какая нибудь Римская красавица, окруженная полною невольницъ, мылась ключевымъ кристалломъ, въ то самое время, когда прекрасный юноша, итѣненный ея красою, издалика преселялся своимъ воображеніемъ въ сіи спѣны, и желалъ бытъ щастливымъ божествомъ испочника, водою котораго освѣжалась прелестная! — Мнѣ пришла на мысль басня Аѳея и Аретузы, а почему, не знаю. Я началъ-было хвалить итѣжность мѣологическихъ вымы-

словъ; но скоро замолчалъ, видя, что вожатый мой, садовникъ монастырской, ни мало не хотѣлъ слушать меня. — При семъ случаѣ вспомнилъ я также чиншанное мною въ Луціановыхъ разговорахъ о нѣгѣ Римскихъ богачей. Когда они изъ бани возвращались домой, то передъ ними шли всегда невольники, которые при всякомъ камешкѣ, лежащемъ на дорогѣ, кричали: *берегись!* чтобы гордый Римлянинъ, всегда смотрѣвшій на небо, не споткнулся и не упалъ! «Что это?» спросилъ я у садовника, видя въ коридорахъ бочки, горшки, корзины и прочее. *Здѣсь мой погребъ*, отвѣчалъ онъ — *и мнѣ очень пріятно, что всѣ путешественники любопытствуютъ его видѣть.* — Съ удовольствіемъ пробылъ я нѣсколько времени въ монастырскомъ саду, разговаривая съ садовникомъ, который, будучи весьма словоохотенъ, наставлялъ мнѣ довольно всякой всячины о своихъ монахиняхъ. Старыя, говорятъ онъ, бранчивы, грубы и скучны; сидятъ въ своихъ кельяхъ и говорятъ — о полнѣхъ! а молодыя печальны, любятъ гулять въ темныхъ аллеяхъ, смотрѣшь на мѣсяцъ и — вздыхаешь изъ глубины сердца.

Потомъ былъ я въ маленькой, подземной церкви древнихъ Хрисціанъ. Тамъ, укрываясь отъ гонимель, изливали они сердце свое въ теплыхъ молитвахъ. Однакожь и тамъ нашли ихъ — кровь несчастныхъ жертвъ обогрѣла помостъ храма. Показываютъ мѣсто, гдѣ лежатъ ихъ кости. — Въ сей мрачной церкви

многія женщины сномали на колѣняхъ и въ молчаніи молились Богу; нныя проливали слезы; нѣкоторыя въ священномъ восторгѣ ударяли себя въ грудь и прикасались блѣдными устами къ хладному полу. И такъ во Франціи набожность еще не испребилась!

Въ задумчивости вышелъ я на улицу: тутъ все шумѣло и веселилось — танцовщики прыгали, музыканты играли, пѣвцы пѣли, полны народа изъясняли свое удовольствіе громкимъ рукоплесканіемъ. Мнѣ казалось, что я въ другомъ свѣтѣ. Какая земля! какая нація! —

Ударило шестъ часовъ — театръ былъ наполненъ зрителями; я сѣлъ въ ложѣ подлѣ двухъ молодыхъ дамъ. Представляли новую трагедію, Карла IX, сочиненную Гм. Шенье. Слабый Король, правимый своею суевѣрною матерью и чернодушнымъ Прелатомъ (который всегда говоритъ ему именемъ Неба), соглашаеися пролить кровь своихъ подданныхъ, для того, что они — не Католики. Дѣйствіе ужасно; но не всякой ужасъ можетъ быть душею драмы. Великая пайна трагедія, которую Шекспиръ похитилъ во священниці чловѣческаго сердца, пребываетъ пайною для Французскихъ Поэтовъ — и Карлъ IX холодеетъ какъ ледъ. Авторъ имѣетъ въ виду новыя происшествія, и всякое слово, относящееся къ нынѣшнему состоянію Франціи, было сопровождаемо плескомъ зрителей. Но этими отношеніями, и пѣса показалась бы скучна всякому, даже и Французу. На сценѣ только

разговаривають, а не дѣйствують, по обыкновенію Французскихъ Трагиковъ; рѣчи предлинныя, и наполнены обвешшальными сентенціями; одинъ актеръ говоритъ безъ умолку, а другіе зѣвають отъ праздности и скуки. Одна сцена пронула меня — та, гдѣ соимъ фанатиковъ упадаютъ на колѣни и благословляея злымъ Прелатомъ; гдѣ при звукѣ мечей клянутся они испребыи ерепниковъ. Главное дѣйствіе трагедіи повѣсвуеся, и для того мало прогаея зрншея. Добродѣтельный Колинъ умираетъ за сценою. На театрѣ остаея одинъ несчастный Карлъ, кошорый въ сильной горячкѣ но бросаетъ на землю, но — вспаепъ. Онъ виднть (не въ самомъ дѣлѣ, а только въ воображеніи) умерщвленнаго Колинъ, такъ какъ Синавъ виднть умерщвленнаго Трувора; линаея силъ, но между тѣмъ чншаепъ пыннуо рѣчь сннховъ въ двѣспн. *C'est terrible! (Это ужасно)!* говорили дамы, подлѣ меня сидѣвшія.

Манннсонъ принелъ къ намъ нзъ театра, и просидѣлъ въ моей горницѣ до двѣнадцати часовъ. Въ камнѣ пылали у насъ дубовыя дрова, кнѣли чай и кофе. Манннсонъ чншалъ мнѣ Виландовы ннсьма, ннсанныя не къ нему, а къ нзвѣспной госпожѣ Ла-Рошѣ, сочннншельнцѣ *Исторіи двнцы Штернгеймъ* и другихъ романовъ — ннсьма, въ которыхъ добрая и нѣжная душа спараго Поэна какъ въ чнстомъ зеркалѣ нзображаея. Ла-Рошѣ лобнтъ Манннсона и нрнсылаепъ ему коню своей пере-

писки. — Три часа протекли для насъ какъ три минуты. Б* рассказывалъ намъ любопытныя анекдоты своего пѣшеходства, изъ которыхъ сообщу вамъ одинъ:

Однажды пришелъ онъ ввечеру въ маленькую лѣсную деревеньку, и попребывалъ почлега въ первой избѣ. Хозяйка отворила ему дверь; но увидѣвъ корпикъ и большую Данскую собаку его, испугалась и поблѣдѣла. Б* вообразилъ, что она боится собакъ, и началъ увѣрять, что Геркулесъ его смиренъ какъ ягненокъ, и не дѣлаетъ зла никакому животиному; что онъ не тотъ страшный Геркулесъ, который умертвилъ Семейскаго льва и Лернейскую гидру, а тотъ безоружный, и кропкій обожатель красоты, на дубникъ котораго во дворецъ Королевы Индійской ѣздили верхомъ Эропы, и котораго Омфала могла бить по щекамъ туфлями. Пріятель мой видѣлъ, что хозяйка все еще блѣдѣла и боялась; но онъ приписывалъ страхъ сей женщины ни чему иному, какъ совершенному ея невѣжеству въ Мнѳологіи; подошелъ къ столу, положилъ на него свою шляпу, котомку, корпикъ — сѣлъ на деревянный стулъ, погладилъ своего Геркулеса, и велѣлъ хозяйкѣ приготовить что нибудь къ ужину. *Мы люди бѣдные*, отвѣчала она: *у насъ ничего нѣтъ.* — «По крайней мѣрѣ у тебя есть курица или утка?» — *Нѣтъ.* — «Есть молоко?» — *Нѣтъ.* — «Есть сыръ?» — *Нѣтъ.* — «Хлѣбъ?» — *Нѣтъ.* Тутъ Б* вскочилъ со стула, Геркулесъ поднялъ голову, а

хозяйка закричала и ушла. Вы легко можете вообразить, какъ нуженъ пѣшеходцу обѣдъ и ужинъ, и для того конечно простиле моему пріятелю, что онъ вскочилъ со стула не съ пріятною миною, услышавъ о предстоящей ему голодной смерти. Но хозяйка скрылась — дѣлать было нечего — онъ ходилъ по избѣ, заглядывалъ туда и сюда, и наконецъ, къ великой своей радости, увидѣлъ въ шемномъ углу кусокъ черстваго хлѣба — взялъ его и началъ ѣсть, удѣляя нѣкоторые крохи вѣрниому Геркулесу, который, смотря на него учинливо, разными знаками показывалъ ему, что и онъ вмѣстѣ съ нимъ проголодался. — Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ высокой человѣкъ въ черномъ камзолѣ, посмотрѣлъ на Б*, на кортикъ его, на собаку — поблѣднѣлъ и вышелъ вонъ. Что это значить? думалъ пріятель мой, смотрѣлъ на кортикъ, на собаку, и не находилъ въ нихъ ничего спрашнаго. Тщетно ждалъ онъ возвращенія своей хозяйки; наконецъ, потерявъ терпѣніе, вышелъ на улицу — но тамъ все было темно и тихо; въ двухъ или трехъ домикахъ свѣтился огонь, вдали шумѣлъ сосновой лѣсъ. Б* возвратился въ избу, легъ на хозяйкину постель, надѣлъ колпакъ и заснулъ. Но скоро Геркулесовъ лай разбудилъ его, и въ ту же минуту услышалъ онъ за дверью разные голоса. *И не войду первый, говорилъ одинъ голосъ — ни я, говорилъ другой — ступай ты, говорилъ третій — у тебя ружье; ты можешь достать его издали,*

говорила четвертый. Мой Б* не трусь; однакожь, подозревая, что рѣчь идетъ объ немъ, и что его, а не другаго собираются доснасть издали, вскочилъ не безъ ужаса съ постели, подбѣжалъ къ столу, гдѣ горѣла свѣча, и гдѣ лежалъ кортикъ — обнажилъ страшное свое оружіе, взялъ его въ правую руку, а въ лѣвую, вмѣсто щипца, деревянный спрутъ и такимъ образомъ снарядившись, твердымъ и грознымъ голосомъ закричалъ: *кто тамъ? что за люди? отвѣчайте!* Вдругъ все утихло. Герой нашъ повторилъ свои вопросы. За дверью начался пошопъ, и Датской Геркулесъ, пошерявъ шerpъше, приблизился къ двери, отворилъ ее ланной — и что же представилось глазамъ моего Б*? Шестъ или семь мужиковъ съ ружьями, палашами и дубинами. Собака съ лаемъ бросилась подъ ноги перваго, и сей пещасный, съвѣвъ на нее верхомъ, кричалъ изъ всей силы: *помогите! помогите! бьютъ! рѣжутъ! друзья! спасите своего старосту!* Пошварници его сносили на одномъ мѣснѣ, дрожали отъ страха, и вмѣстѣ съ нимъ кричали: *помогите! помогите! бьютъ! рѣжутъ! разбой! разбой!* — Б*, видя, что испріянтели его не очень храбры, а пошому и не очень опасны, ободрился, подошелъ къ нимъ, и спрашивалъ, что они: разбойники, воры, или безумные? Никто не отвѣчалъ ему, а всякой кричалъ: *бьютъ! рѣжутъ!* Между тѣмъ Геркулесъ, скучивъ держать на себѣ тяжелое бремя, сбросилъ съ себя бѣднаго старосту и кинулся на другихъ мужиковъ, которые съ

ужасомъ побѣжали онъ него въ разные стороны. Деревенскій начальникъ лежалъ на землѣ, и не кричалъ уже для того, что починалъ себя мертвымъ. Б* поднялъ его, поставилъ на ноги и прися за ворошъ, говорилъ ему: «если ты не безумный, то скажи мнѣ, съ какимъ намѣреніемъ вы пришли вооруженные, и за кого меня принимаете?» Наконецъ старосна дрожащимъ и прерывающимся голосомъ отвѣчалъ ему, что они почли его за славнаго разбойника иѣхъ мѣсть, который ходилъ всегда съ кортикомъ и съ собакою, и котораго голова оцѣнена въ нѣсколько сотъ талеровъ. Пріятель мой старался разуверить его; показавъ ему свой паспортъ, и говорилъ съ нимъ такъ тихо и ласково, что бѣдный храбрецъ пересталъ дрожать, облегчилъ вздохомъ снѣсенную грудь свою, бросился обнимать Б*, и сказалъ, прыгая опять радостно: «Слава Богу, слава Богу, что ты не разбойникъ, а добрый человекъ! Слава Богу, что мы не убили тебя! Слава Богу, что я, противъ своего обыкновенія, почувствовалъ робость, хотѣвши по тебѣ выстрѣлить! Теперь ко мнѣ въ гости; теперь повеселимся, Господинъ Докторъ! Ничему не мѣшаешь, и бываешь лучше иного дня. Пойдемъ, пойдемъ, Г. Докторъ! у меня есть и курица и утка, и все, что тебѣ угодно!» Староста зажегъ фонарь, взялъ котомку пѣшеходца, съ дозволенія моего пріятеля надѣлъ на себя кортикъ * и шляпу его, и съ

* Въ Нѣмецкой землѣ носятъ кортики на ремнѣ черезъ плечо.

гордостію пошелъ впередъ, освѣщая путь нашему Б*, который всего болѣе радовался общанію ужины, потому что кусокъ черстваго хлѣба не очень напичкалъ желудокъ его. — Геркулесъ, прогнавъ всѣхъ непріятелей, возвратился къ господину своему, шелъ позади и лаемъ отвѣчалъ на лай деревенскихъ собакъ. Разбѣжавшіеся поселяне, видя начальника своего идущаго въ шоржеспивъ съ коринкомъ, осмѣлились выйти на улицу, и староста громкимъ голосомъ сказывалъ имъ, что пѣшеходецъ не разбойникъ, а почтенный Господинъ Докторъ, который *иногда* странствуетъ по бѣлому свѣту. Жена и двѣ дочери выбѣжали къ нему на встрѣчу, и едва не плакали отъ радости, видя, что супругъ и родственель совершилъ благополучно опасный подвигъ свой. — Б* не можетъ нахвалиться госпнспріимствомъ и ужиномъ старосты. Сей добрый человекъ, сидя съ нимъ за столомъ, спрашивалъ его о чудесахъ, видимыхъ путешественниками въ отдаленныхъ земляхъ сѣвера и юга, и самъ разсказывалъ ему многіе анекдоты о томъ разбойникѣ, который около двухъ лѣтъ живетъ въ ихъ лѣсу, ходитъ съ коринкомъ и съ собакою, грабитъ проезжихъ и прохожихъ, и цѣлыя деревни приводитъ въ ужасъ. «Только меня онъ не испугаетъ» — продолжалъ староста, выпивъ рюмки при вина: — «лишь бы попался мнѣ въ руки! — Такъ, Господинъ Докторъ! родъ нашъ извѣстенъ по своей храбрости. Дѣдушка мой былъ грозою

всѣхъ разбойниковъ, и пятьдесятъ лѣтъ начальствовалъ въ здѣшней деревнѣ; а батюшка никогда не возвращался изъ лѣсу безъ того, чтобы не принести съ собою кожи убитаго медвѣдя. Я не люблю самохвальства, и не хочу говорить о своихъ дѣлахъ; скажу только, что никогда не боюсь ходить одинъ въ самомъ густомъ лѣсу, и что по сей часъ ни волкъ, ни медвѣдь, ни разбойникъ не смѣлъ напасть на меня.» — Б* по собственному опыту не могъ сомнѣваться въ его смѣлости и мужествѣ, и обѣщавъ распространить славу его и въ другихъ земляхъ, въ которыхъ ему быть случится. Староста улыбался и пошампривалъ на жену и дочерей своихъ, которыя начинали уже дремать. Б* также хотѣлъ спать: вѣжливый хозяинъ уснулъ ему свою поспелю, накормилъ Геркулеса (забылъ, что онъ часа за два передъ тѣмъ испугалъ его не на шутку), и ушелъ съ своими домашними въ другую маленькую горенку. На другой день Б* давалъ ему шалеръ за ужинъ и за ночлегъ; но староста не хотѣлъ и слышать объ деньгахъ, — провожалъ его версты двѣ отъ деревни, и проснился съ нимъ дружески.

=

Вы читали Тристрама, и помните исторію нѣжныхъ любовниковъ; помните Амандуса,

который, будучи разлученъ съ своею Амандою, странствовалъ по свѣту, попался въ плѣнь морскимъ разбойникамъ, и двадцать лѣтъ просидѣлъ въ подземной темницѣ, для того, что онъ не хотѣлъ измѣнить своей Амандѣ и не отвѣчалъ любовью на любовь Марокской Принцессы; поминие Аманду, которая исходила всю Европу, Азію, Африку, босая и съ распущенными волосами, спрашивая во всякомъ городѣ, у всякихъ воронъ о своемъ Амандусѣ, и заставляя эхо мрачныхъ лѣсовъ, эхо горъ кремнистыхъ, извѣщать имя его — Амандусъ! Амандусъ! — поминие, какъ сѣн любовники сошлись наконецъ въ Ліонѣ, опочившемъ ихъ городѣ, увидѣли другъ друга, обнялись и — узнали мерзвые.... дуни ихъ на крыльяхъ радости улетѣли на небо! — поминие, что пѣжрый Спернъ, приближаясь къ тому мѣсту, гдѣ, по описанію, надлежало бытъ ихъ могилѣ, и чувствуя въ сердцѣ своемъ огонь и пламя, воскликнулъ: *пѣжыя, вѣрныя тѣши!* даю, даю хотѣю я пролить сѣн слезы на вашъ гробъ; примите ихъ отъ чувствительнаго сердца! — но вы поминие и то, что Сперну не на что было пролить слезы своихъ, ибо онъ не нашелъ гроба любовниковъ: увы! и я не могъ найти его!.... спрашивать — но Французы думаютъ нынѣ о своей революціи, а не о памятникахъ любви и пѣжности!

Что, будучи здѣсь, не вспомнить еще о другихъ, несчастнѣйшихъ любовникахъ, которые

за двадцать лѣтъ передъ симъ умертвили себя въ Ліонѣ?

Италіянецъ, именемъ Фальдони, прекрасный, добрый юноша, обогащенный лучшими дарами Природы, любилъ Терезу и былъ любимъ ею. Уже приближился тотъ щастливый день, въ который, съ общаго согласія родителей, надлежало имъ соединиться бракомъ; но жестокой рокъ не хотѣлъ ихъ щастія. Молодой Италіянецъ какимъ-то случаемъ повредилъ себѣ главную пульсовую жилу: отъ чего произошла неизлечимая болѣзнь. Отецъ Терезинъ, боясь выдать дочь свою за такого человека, который можетъ умереть въ самый день брака, рѣшился отказать несчастному Фальдони; но сей отказъ еще болѣе воспламенилъ любовниковъ, и потерявъ надежду соединиться въ объятіяхъ законной любви, они положили соединиться въ хладныхъ объятіяхъ смерти. Не далеко отъ Ліона, въ каштановой рощѣ, построено сельской храмъ, Богу милосердія посвященный, и рукою Греческаго искусства украшенный: туда пришелъ бѣдный Фальдони и ожидать Терезы. Скоро явилась она во всемъ сіяніи красоты своей, въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, которое шито было къ свадьбѣ, и съ розовымъ выкомъ на темнорусыхъ волосахъ. Любовники упали передъ алтаремъ на колѣни, и — приснавши къ сердцамъ своимъ исполнены, обвитые алыми лентами; взглянули другъ на друга, — поцѣловались — и сей огненный поцѣлуй былъ знакомъ смерти —

выспрыгъ раздался — они упали, обнимая другъ друга; и кровь ихъ смѣшалась на мраморномъ помостѣ.

Признаюсь вамъ, друзья мои, что сіе происшествіе болѣе ужасаетъ, нежели прогаешъ мое сердце. Я никогда не буду проклипать слабостей человѣчества; но одиѣ заснавляютъ меня плаканіи, другія возмущаютъ духъ мой. Если бы Тереза не любила, или перестала любить Фальдонн; или если бы смериль похитила у него милую подругу, ту, которая составляла все счастье, всю прелесть жизни его: тогда бы могъ онъ возненавидѣть жизнь; тогда бы собственное сердце мое изъяснило мнѣ сей печальный феноменъ человѣчества; я вошелъ бы въ чувства несчастнаго, и съ пріятными слезами иъжиаго сожалѣнія, взглянулъ бы на небо, безъ роптанія, въ тихой меланхоліи. Но Фальдонн и Тереза любили другъ друга: и такъ имъ надлежало почитать себя счастливыми. Они жили въ одномъ мірѣ, подъ однимъ небомъ; озарялись лучами одного солнца, одной луны — чего болѣе? * Истинная любовь можетъ наслаждаться безъ чувственныхъ наслажденій, даже и тогда, когда предметъ ея за отдаленными морями скрывается. Мысль: меня любятъ! должна быть счастьемъ иъжиаго любовника — и какъ пріятно, какъ сладко думаешь ему, что въперокъ, который въ сію минушу прохладаетъ жаръ лица его,

* Кто хочетъ, разсѣется.

вѣялъ можетъ быти и на прелестяхъ любезной; что ниличка, въ глазахъ его подъ небомъ парящая, за нѣсколько дней передъ нѣмъ сидѣла можетъ быти на томъ деревѣ, подъ которымъ красавица размышляла о своемъ другѣ! Однимъ словомъ, удовольствіи любви безчисленны; ни мщанство родичей, ни мщанство самого рока не можетъ опиятъ ихъ у ивжнаго сердца — и кому сіи удовольствія не извѣсны, нопѣ не называй себя чувствительнымъ! — Фальдонн и Тереза! вы служите для меня примѣромъ одного изступленія, номѣшанельства разума, заблужденія, а не примѣромъ истинной любви!

Смотри! смотри! закричалъ мой Беккеръ. Я бросился къ окну, и увидѣлъ, что вокругъ ратуши толпились шумящій народъ. Что это значить? спросили мы у слуги, который прибиралъ мою комнату. *Какое нибудь новое дурачество*, отвѣчалъ онъ. Но я любопыненъ былъ знать это дурачество, и вмѣстѣ съ Беккеромъ пошелъ на улицу. У нани или шеспи человекъ спрашивали мы о причинѣ шума; но все отвѣчали намъ: *qu'en sais-je?* (почему мнѣ знать?) Наконецъ дѣло объяснилось. Какая-то старушка подралась на улицѣ съ какимъ-то снарикомъ; пономарь вступился за женщину; сша-

рикъ выхватилъ изъ кармана пистолетъ и хотѣлъ застрѣлить пономаря; но люди, шедшіе по улицѣ, бросились на него, обезоружили, и повели его.... à la lanterne (на висѣлицу); отрядъ національной гвардіи встрѣтился съ сею толпою людей, опилъ у нихъ снарика и привелъ въ рапушу — вотъ что было причиною волненія! Народъ, который сдѣлался во Франціи спрашившимъ деспономъ, требовалъ, что бы ему выдали виновнаго и кричалъ: à la lanterne! Пономарь кричалъ: á la lanterne! á la lanterne! Бабы торговли кричали: à la lanterne! à la lanterne! — Тѣ, которые наиболѣе шумливы и возбуждали другихъ къ мятежу, были нищіе и празднилюбцы, не хотѣвшіе рабства съ эпохи такъ называемой Французской свободы. — Изрядно одѣтый незнакомецъ подошелъ ко мнѣ и къ Беккеру, и съ дружескивымъ видомъ сказалъ намъ: «Около получаса ходить за вами подозрительный чловѣкъ: будьте осторожны — вы конечно иностранцы — *sauvez vous, messieurs!* спасайтесь!» Я посмотрѣлъ ему въ глаза и увѣрился, что онъ хотѣлъ только испугать насъ; а Беккеръ, не зная что, покраснѣлъ и схватилъ мою руку; взоръ его говорилъ мнѣ: *мы другъ друга не оставимъ!* Но онъ и я благополучно возвратились въ Hôtel de Milan. Народъ ввечеру разсѣялся, и мы пошли гулять на свободѣ по берегу Роны.

Мы обѣдали нынѣ у Господина Т*, богатаго купца, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ здѣшнихъ Ученыхъ; а ввечеру были на гуляньи за городомъ. И богатые и бѣдные, и старые и малые, толпились на зеленыхъ лугахъ, поздравляли другъ друга съ весною, и наслаждались теплымъ вечеромъ. Въ городъ не оставалось, думаю, ни четвертой части жителей, и всякой былъ въ лучшемъ своемъ платьѣ. Иные сидѣли на травѣ и пили чай; другіе ѣли бисквиты, сладкіе пироги, и подчивали своихъ знакомыхъ. Я ходилъ между тысячами какъ въ лѣсу, не зная никого, и не будучи никому извѣстенъ. Однакожъ, видя вокругъ себя радостныя лица, веселился въ сердцѣ своемъ. Наконецъ ушелъ отъ всѣхъ людей, сѣлъ подъ зеленымъ кусточкомъ, увидѣлъ фіалку и сорвалъ ее; но мнѣ показалось, что она не такъ хорошо пахнетъ, какъ наши фіалки — можетъ быть отъ того, что я не могъ отдать сего цвѣточка любезнѣйшей изъ женщинъ и вѣрнѣйшему изъ друзей моихъ!

Ліонъ.... 1790.

Нынѣ, друзья мои! я не увижу плодоносныхъ странъ южной Франціи, которыми прельщалось мое воображеніе!.... Беккеръ не получилъ

здесь векселя, и оставшись только съ неснью лундорами, рѣшился ѣхать прямо въ Парижъ. Мнѣ надлежало съ нимъ разсчитаться, или пожертвованіе для него своимъ любовныиспівомъ, своими мечтами, Лангедокомъ и Провансомъ.

Нѣсколько минутъ я сражался съ самимъ собою, сидя въ задумчивости передъ каминомъ. Любезный Данчанинъ разбираетъ между нѣмъ свой чемоданъ, въ которомъ лежали нѣкопорыя изъ моихъ вещей. *Вотъ твои книги, говорилъ онъ — твои письма — твои планки — возьми ихъ! Можетъ быть мы уже не увидимся. — Итъ,* сказалъ я, вснавъ со стула и обнявъ съ чувствительностію Беккера — *мы идемъ вмѣстѣ!*

Гробница нѣжной Лауры, прославленной Мепраркомъ! Воклюзская пусыня, жилище спрашенныхъ любовниковъ *! шумный, пышный ключъ, уполявній ихъ жажду! я васъ не увижу!..... Луга Прованскіе, гдѣ нимоу съ розмариномъ благоухаюу! не спущу ногу моя на вашу цвѣющую зелень!.... Римскій храмъ Діаны, огромный Амфитеатръ, драгоценныя оснашки древности! я васъ не увижу **! — Не увижу и тебя, опчизна Пилана Поннійскаго ***! не взойду на ту высокую гору, на ту высокую башню, гдѣ сей несчастный сидѣтъ въ заключеніи; не загляну въ ту ужасную пронась,

* Въ 12 верстахъ отъ Авиньона.

** Въ Римѣ много Римскихъ древностей.

*** Городъ Вьель.

въ которую онъ бросился изъ отчаянія ! —
Простите, мѣсна любопытныя для чувствительнаго путешественника!

Не безъ слезъ расставались мы съ Маннисономъ. Онъ подарилъ мнѣ на память нѣкоторыя изъ новѣйшихъ своихъ сочиненій, и сказалъ: *Гдѣ буду впредь, не знаю; но никакой климатъ не перемѣнитъ моего сердца — я всегда съ удовольствіемъ стану вспоминать о нашемъ знакомствѣ — не забудьте Маннисона! Прочихъ Липонскихъ знакомцевъ оставляю безъ сожалѣнія.*

Завтра въ пять часовъ утра сядемъ въ почтовую лодку и поѣдемъ въ Шалонъ. Съ учтивою хозяйкою мы уже расплатились. Каждый день спомалъ намъ здѣсь около дундора.

Теперь ночь — Беккеръ спитъ — я не могу — спажу за спомникомъ, и лечу мыслями въ мое опечеснво, — къ вамъ, моимъ любезнымъ!

=

РѢКА СОНА.

Солнце восходитъ — шуманъ раздѣлился — лодка наша кашится по снрунстой лазури,

* Такъ говоритъ преданіе. Сно башню и сно пронасъ показываюнъ близъ Вьеня.

освѣщаемой золотыми лучами — подлѣ меня сидитъ одинъ добрый старикъ изъ Инда; молодая, пріятная женщина спитъ крѣпкимъ сномъ, положивъ голову на плечо его; онъ одѣваетъ красавицу плащомъ своимъ, боясь, чтобы она не проснулась — молодой Англичанинъ въ углу лодки играетъ съ своею собакою — другой Англичанинъ съ важнымъ видомъ болтаетъ въ рѣку воду длинною своею палкою, и напоминаетъ мнѣ нѣхъ Духовъ въ Багвашъ-Гепъ *, которые симъ способомъ цѣлый океанъ превратили въ масло — высокой Нѣмецъ, стоя подлѣ мачты, куритъ трубку — Беккеръ, пожимаясь онъ упрямому холодному воздуху, разговариваетъ съ кормчимъ — я пишу карандашомъ на пергаментномъ листочкѣ.

На обѣихъ сторонахъ рѣки простираются зеленныя равнины; изрѣдка видны пригорки и холмики; вездѣ прекрасныя деревеньки, какихъ не находилъ я ни въ Германіи, ни въ Швейцаріи: сады, лѣтніе домики богатыхъ купцовъ, дворянскіе замки съ высокими башнями; вездѣ земля обработана наилучшимъ образомъ; вездѣ видно трудолюбіе и богатые плоды его.

Я воображаю себѣ первобытное состояніе сихъ цвѣтущихъ береговъ.... Здѣсь журчала Сона въ дѣлѣ и мракѣ; темныя лѣса шумѣли надъ ея водами; люди жили какъ звѣри, укрываясь въ глубокихъ пещерахъ, или подъ вѣтвь-

* Индійская книга.

вами сполѣтшихъ дубовъ — какое превращеніе!.... Сколько вѣковъ потребно было на то, чтобы сгладить съ натуры все знаки первобытной дикости!

Но можетъ быть, друзья мои, можетъ быть въ теченіе времени сіи мѣсна опять запустѣютъ и одичаютъ; можетъ быть черезъ нѣсколько вѣковъ (вмѣсто сихъ прекрасныхъ дѣвушекъ, которыя теперь передъ моими глазами сидятъ на берегу рѣки и чешутъ гребнями бѣлыхъ козъ своихъ) явятся здѣсь хищныя звѣри и заревутъ какъ въ пустынь Африканской!.... Горестная мысль!

Наблюдайте движенія Природы; читайте исторію народовъ; поѣзжайте въ Сирію, въ Египетъ, въ Грецію — и скажите, чего ожидать не возможно? Все возвышается или упадетъ; народы земные подобны цвѣтамъ весеннимъ; они увядаютъ въ свое время — придетъ странникъ, который удивлялся некогда красотѣ ихъ; придетъ на то мѣсто, гдѣ цвели они.... и печальный мохъ предсавишся глазамъ его! — Оссіанъ! ты живо чувствовалъ сію плачевную судьбу всего подлуннаго, и для того попрыскаешь мое сердце унылыми своими пѣснями!

Кто поручится, чтобы вся Франція — сіе прекраснѣйшее въ свѣтѣ государство, прекраснѣйшее по своему климату, своимъ произведеніямъ, своимъ жителямъ, своимъ искусствамъ и художествамъ — рано или поздно не уподобилась нынѣшнему Египту?

Одно утѣшаетъ меня — то, что съ наде-
нїемъ народовъ не упадаетъ весь родъ человѣ-
ческій; одни уступаютъ свое мѣсто другимъ —
и ссыли запустѣетъ Европа, но въ среднихъ
Африки или въ Канадѣ процвѣтутъ новыя
политическія общества, процвѣтутъ науки,
искусства и художества.

Тамъ, гдѣ жили Гомеры и Платоны, живутъ
нынѣ невѣжды и варвары, но за то въ сѣвер-
ной Европѣ существуетъ Пѣвецъ Мессіады,
которому самъ Гомеръ отдастъ бы лавровый
вѣнецъ свой; за то у подножьи Юры видимъ
Боннепа, а въ Кенигсбергѣ Канна, передъ
которыми Платонъ въ разсужденіи Философіи
есть младенецъ.

Болѣе писать негдѣ.

=

Маконъ въ Бургоніи, полночь.

Путешествіе наше очень пріятно. День
былъ прекрасный, вечеръ тихой, солнце тихо
и великолѣпно сканилось съ голубаго неба, и
давно не видалъ я такой розовой зари, какую
видѣлъ нынѣ.

Въ полдень прислали мы къ берегу прошивъ
одного небольшого мѣстечка. Тутъ встрѣтили
насъ пятнадцать или двадцать пракширицъ,
изъ которыхъ каждая звала къ себѣ въ гости

любезныхъ путешественниковъ, утѣряя, что у нее прекрасный супъ, прекрасные соусы, прекрасный десертъ и самое лучшее вино. Я, Б*, молодой Французской Офицеръ и двое Англичанъ обѣдали вмѣстѣ, и съ великою благодарностію заплатили хозяйкѣ по 50 су, для того что она въ самомъ дѣлѣ очень хорошо насъ угостила. — После обѣда гуляли мы по берегу рѣки, заходили въ разные крестьянскіе домики, и видѣли, что поселане живутъ чисто и опрятно. Офицеръ, Б* и я говорили съ ними о хозяйствѣ, о земледѣліи, и шутили съ молодыми крестьянками, которыя умѣютъ еще красоваться. Одно семейство заспало мы за обѣдомъ: на большомъ столѣ, покрытомъ довольно-чистою скатертью, стояла чаша съ супомъ, блюдо пшеницы и кринка молока. — Но весьма не полюбилась мнѣ деревянныя башмаки Французскихъ поселанъ, и я не понимаю, какъ они не натираютъ ими ногъ своихъ. —

Около вечера мы прошли мимо города Треву, лежащаго на правой сторонѣ Соны; больше всего извѣстенъ онъ по *Mémoires de Trevoux*, анни-философическому, Іезуитскому Журналу, который, подобно черной молніеносной пучкѣ, металъ спрашныя перуны на Вольтеровъ и д'Аламберновъ, и грозилъ поглотить священнымъ огнемъ все произведенія ума человѣческаго.

Въ девять часовъ вышли мы на берегъ въ городъ Маконъ, ужинали въ первомъ здѣшнемъ

пракширъ и пили самое лучшее Бургонское вино. Оно густого, темнаго цвѣта, и совсѣмъ не похоже на то, что у насъ въ Россіи называется Бургонскимъ.

Здѣсь почуемъ, и въ чепыре часа поплывемъ въ Шалонъ, гдѣ надѣемся бытъ завтра послѣ обѣда.

Фонтенебло, 9 часовъ утра.

Третьяго-дни ночью выѣхали мы изъ Шалона, въ легкой коляскѣ, вмѣстѣ съ однимъ Парижскимъ купцомъ, который, взявъ съ насъ двохъ 500 ливровъ, сказалъ, чшобы мы спрятали до Париза свои кошельки; онъ плащитъ прогоны, за обѣдъ, за ужинъ, за чай и кофе. Можетъ быть, оспанется у него нѣсколько талеровъ или экю; но за то мы совершенно покойны.

Французская почта не дороже, и при томъ несравненно лучше Нѣмецкой. Лошади вездѣ черезъ пять минутъ готовы; дороги прекрасныя; поспыльоны не лѣнны — города и деревни безпрестанно мелькаютъ въ глазахъ путешественника.

Въ 50 часовъ перѣехали мы 65 Французскихъ миль; вездѣ видѣли пріятныя мѣста, и на каждой станціи — были окружены пищими!

Товарищъ нашъ Французъ говорилъ, что они бѣдны отъ праздности и лѣни своей, и поному не достойны сожалѣнiя; но я не могъ спокойно ни обѣдать, ни ужинаать, видя подъ окномъ сiн бѣдные лица, сiн раздранныя рубища!

Фонтенебло есть маленькой городокъ, окруженный лѣсами, въ которыхъ Французскiе Короли издревле забавлялись звѣриною ловлею. Святой Людовикъ подписывалъ на указахъ: *donné en nos déserts de Fontainebleau* (дано съ насей пустынь Фонтенебло). Тогда не было здѣсь почти ничего, кромѣ двухъ или трехъ церквей и монастыря; но Францискъ I построилъ въ пустынь огромный дворецъ, и украсилъ его лучшими произведенiями Италiйскаго художества. Я хотѣлъ видѣть внутренность сего величественнаго зданiя, и за два дня видѣлъ все достойное примѣчанiя: прекрасную церковь, галерею Франциска I съ ея славными картинами, Королевскiя и Королевныя комнаты, также украшенныя превосходною живописью, и проч. Въ одной большой галерее сего дворца показываютъ по мѣсто, гдѣ жестокая Христиана въ 1659 году спрашнѣннымъ образомъ умертвила своего Пальмейстера и любовника, Маркиза Мональдески. — Въ маскарадной залѣ, расписанной живописцемъ Николо, многiя картины снѣрны, для того что онѣ были слишкомъ соблазнительны для набожныхъ людей. Саваль, Адвокатъ Парижскаго Парламента, описывая любовныя похождения Коро-

лей Французскихъ, говорили, что вѣкъ Франциска I былъ самый развращенный, и что все произведенія тогдашнихъ Поэтовъ и живописцевъ дышали сладоснаспіемъ. «Синуай въ «Фонтенебло! (восклицаетъ благочестивой Адевокатъ, скончавшій жизнь свою въ 1670 году) и вездѣ на стѣнахъ увидишь ины боговъ и богинь, мушницъ и женщинъ, которыя по-срамляютъ натуру и унопаютъ въ моръ распустива. Добродѣтельная супруга Генриха IV испребила многія изъ сихъ картинъ; но чтобы испребишь все погубельное, все развращенное, надлежитъ предати пламени весь «Фонтенебло.» — Итъко Сюбле-де-Ное, будучи Губернаторомъ въ Фонтенебло, сжегъ Микель-Анджелову картину, за которую Францискъ I заплатилъ превеликую сумму. Изображалась нагая Леда, — и такъ живо, въ такомъ сладоснаспномъ положеніи, что Губернаторъ не могъ видѣть ее безъ соблазна. — Сии анекдоты взяты я изъ Дюлора.

Мы завпракали — поспильиотъ хлопаетъ бичемъ — проспише — проспише до Парижа!

==

Парижъ, 27 Марта 1790.

Мы приближались къ Парижу, и я безпрестанно спрашивалъ, скоро ли увидимъ его?

Наконецъ открылась обширная равнина, а на равнинѣ, во всю длину ея, Парижъ!... Жадные взоры наши успремились на сію необозримую громаду зданій — и терялись въ ея густыхъ тѣняхъ. Сердце мое билось. «Вотъ онъ (думалъ я) — вотъ городъ, который въ теченіе многихъ вѣковъ былъ образцемъ всей Европы, источникъ вкуса, модъ — котораго имя произносился съ благоговѣніемъ учеными и неучеными, Философами и щеголями, художниками и невѣждами, въ Европѣ и въ Азіи, въ Америкѣ и въ Африкѣ — котораго имя спало мнѣ извѣстно почти вмѣстѣ съ моимъ именемъ; о которомъ такъ много читалъ я въ романахъ, такъ много слыхалъ отъ путешественниковъ, такъ много мечталъ и думалъ!... Вотъ онъ!... я его вижу, и буду въ немъ!» — Ахъ, друзья мои! сія минуна была одною изъ пріятнѣйшихъ минутъ моего путешествія! Ни къ какому городу не приближался я съ такими живыми чувствами, — съ такимъ любопытствомъ, съ такимъ нетерпѣніемъ! — Товарищъ нашъ Французъ, указывая на Парижъ своею простотою, говорилъ намъ: «Здѣсь, на правой сторонѣ, «видите вы предмеіе Монъ-Мартръ и дю-«Танпль; прошивъ насъ Св. Анноія, а на лѣ-«вой сторонѣ за Сеною предмеіе Ст. Мар-«сель, Мишель и Жермень. Она высокая готти-«ческая башня естъ древняя церковь Богома-«тери; сей новый великолѣпный храмъ, кото-«раго архиепискупъ вы конечно удивляетесь, «естъ храмъ Святой Женеьевы, покровитель-

«ицы Парижа; тамъ вдали возвышается съ
«блестящимъ куполомъ l'Hôtel Royal des Invalides,
«одно изъ огромнѣйшихъ Парижскихъ зданій,
«гдѣ Короли и опечисливо покаянъ заслужен-
«ныхъ престарѣлыхъ воиновъ.»

Скоро въѣхали мы въ предместье Св. Антонія; но что же увидѣли? Узкія, нечистыя, грязныя улицы, худыя дома и людей въ раздранныхъ рубищахъ. «И это Парижъ?» (думаю я) — «городъ, который издали казался столько великолѣпнымъ?» — Но декорація совершенно перемѣнилась, когда мы въѣхали на берегъ Сены; тутъ предстали намъ красивыя зданія, дома въ шесть этажей, богатныя лавки. Какое многолюдство! какая неспрота! какой шумъ! Карета скачетъ за каретою; — безпрестанно кричанъ: *gare! gare!* и народъ волнуется какъ море.

Сей неописанный шумъ, сіе чудное разнообразіе предметовъ, сіе чрезвычайное многолюдство, сія необыкновенная живость въ народѣ, привели меня въ нѣкоторое изумленіе. — Мнѣ казалось, что я какъ маленькая песчинка попалъ въ ужасную пучину и кружусь въ одномъ вихрѣ.

Перевхавъ черезъ Сену, въ улицѣ *Genevo*, остановились мы подлѣ *Hôtel Britannique*. Тамъ, въ прешьемъ этажѣ, нанялись для насъ двѣ комнаты, свѣтлыя и чисто прибранныя, за копорья должно платишь по два лундора въ мѣсяцъ. Хозяйка осыпала насъ учтивостями; бѣгала, суешилась, назначала мѣсто для на-

шихъ кроватей, сундука, чемодана, и при всякомъ словѣ говорила: aimables étrangers — любезные иностранцы, почтенные иностранцы! Купецъ, спутникъ нашъ, пожелалъ намъ всевозможныхъ удовольствій въ Парижѣ, и уѣхалъ къ себѣ домой; а мы въ полчаса успѣли ошобѣдать, причесаться, одѣться — заперли свои комнаты, вышли на улицу и смѣшались съ толпами народными, копорыя какъ морскія волны вынесли насъ къ славному Новому мосту, pont neuf, гдѣ стоитъ прекрасный монументъ любезнѣйшаго изъ Королей Французскихъ, Генрика IV. Можно ли было пройти мимо его? Нѣтъ! ноги мои сами собою остановились; взоръ мой самъ собою устремился на образъ Героя, и нѣсколько минутъ не могъ съ него совратиться.

Оставя Беккера у подножія Генриковой статуи, я пошелъ къ Г. Брегену, копорый живетъ не далеко отъ Новаго моста на quai des morfondus. Жена его приняла меня передъ каминомъ, и услышавъ мое имя, тотчасъ вынесла мнѣ письмо — письмо отъ моихъ любезныхъ!... Вообразите радость вашего друга!... вы здоровы и благополучны!... Всѣ безпокойства въ одну минуту забылись: я сталъ веселъ какъ безпечный младенецъ — читалъ десять разъ письмо — забылъ Госпожу Брегенъ, и не говорилъ съ нею ни слова — душа моя въ сію минуту занималась одними отдаленными друзьями. — Кажется, что вы очень обрадовались, сказала хозяйка: это пріятно видѣть. —

Тутъ я опомнился, началъ передъ нею извиняться, но очень не складно; хотѣлъ разсказывать ей о Женеvѣ, гдѣ она родилась — но не могъ, и наконецъ ушелъ. Беккеръ увидѣлъ меня бѣгущаго; увидѣлъ письмо въ рукѣ моей; увидѣлъ мое лице — и обрадовался сердечно — потому что онъ любитъ меня. Мы обнялись на Новомъ Мосту подлѣ монумента — и мнѣ казалось, что самъ мѣдный Генрихъ, смотря на насъ, улыбался. *Pont neuf!* я никогда тебя не забуду!

Сердце мое было довольно и весело — я ходилъ съ Беккеромъ по неизвѣстному городу, изъ улицы въ улицу, безъ проводника, безъ намѣренія и безъ цѣли — и все, что встрѣчалось глазамъ нашимъ, занимало меня пріятнымъ образомъ.

Солнце сѣло: наступила ночь и фонари зашвыпились на улицахъ. Мы пришли въ *Пале-рояль*, огромное зданіе, которое принадлежало Герцогу Орлеанскому, и которое называлось столицею Парижа.

Вообразите себѣ великолѣпный квадратный замокъ, и внизу его аркады, подъ которыми въ безчисленныхъ лавкахъ сіяютъ все сокровища свѣта, богатства Индіи и Америки, алмазы и діаманты, серебро и золото; все произведенія Природы и Искусства; все, чѣмъ когда нибудь Царская пышность украшалась; все изобрѣшенное роскошью для улажденія жизни!... И все это, для привлеченія глазъ, разложено прекраснѣйшимъ образомъ, и осѣщено

яркими, разноцвѣтными огнями, ослѣпляющими зрѣніе. — Вообразите себѣ множество людей, копорые толнятся въ сихъ галлерейхъ, и ходящъ взадъ и впередъ только для того, чинобы смотрѣть другъ на друга! — Тутъ видите вы и кофейные дома, первые въ Парижѣ, гдѣ также все людьми наполнено; гдѣ читають вслухъ газеты и журналы, шумящъ, спорящъ, говорящъ рѣчи, и проч.

Голова моя закружилась — мы вышли изъ галлерей, и сѣли отдыхать въ каштановой аллѣѣ, въ Jardin du Palais Royal. Тутъ царствовали тишина и сумракъ. Аркады изливали свѣтъ свой на зеленныя вѣтви; но онъ терялся въ ихъ пѣняхъ. Изъ другой аллеи неслись тихіе, сладостные звуки итальянкой музыки; прохладный вѣтерокъ шевелилъ листочки на деревьяхъ. — *Нимфы радости* подходили къ намъ одна за другою, бросали въ насъ цвѣтами, вздыхали, смѣялись, звали въ свои гроты, общались нѣму удовольствію, и скрывались какъ призраки лунной ночи.

Все казалось мнѣ очарованіемъ, Калипсонымъ островомъ, Арминдинымъ замкомъ. Я погрузился въ пріятную задумчивость....

Парижъ, 2 Апрѣля, 1790.

Я въ Парижъ! Эта мысль производитъ въ душѣ моей какое-то особенное, быстрое, неизъяснимое, пріятное движеніе... *я въ Парижъ!* говорю самъ себѣ, и бѣгу изъ улицы въ улицу, изъ Тюльери въ Поля Елисейскія; вдругъ останавливаюсь, на все смотрю съ ошмѣннымъ любопытствомъ: на дома, на карены, на людей. Что было мнѣ извѣстно по описаніямъ, вижу теперь собственными глазами — веселюсь и радуюсь живою картиною величайшаго, славнѣйшаго города въ свѣтѣ, чуднаго, единственнаго по разнообразію своихъ явленій. —

Пять дней прошли для меня какъ пять часовъ: въ шумѣ, во многолюдствѣ, въ спектакляхъ, въ волшебномъ замкѣ Пале-Рояль. Душа моя наполнена живыми впечатлѣніями; но я не могу самому себѣ дать въ нихъ описанія, и не въ состояніи сказать вамъ ничего связнаго о Парижѣ. Пусть любопытство мое насыщается; а послѣ будетъ время разсуждать, описывать, хвалить, крипиковать. — Теперь замѣчу одно то, что кажется мнѣ главною чертою въ характеръ Парижа: ошмѣнную живость народныхъ движеній, удивительную скорость въ словахъ и дѣлахъ. Сиешема Декарповыхъ вихрей могла родиться только въ головахъ Француза, Парижскаго жишеля. Здѣсь все сѣвшикъ куда-то; все, кажется, перегоняютъ другъ друга; ловятъ, хватаютъ мысли;

угадываютъ, чего вы хотите, чтобъ какъ можно скорѣе васъ оправдать. Какая страшная противоположность — на примѣръ, съ важными Швейцарами, которые ходятъ всегда размѣренными шагами, слушаютъ васъ съ величайшимъ вниманіемъ, приводящимъ въ краску стыдливаго, скромнаго человека; слушаютъ и тогда, когда вы уже говорили перестали; соображаютъ ваши слова, и отвѣчаютъ такъ медленно, такъ оспорожно, боясь, что они васъ не понимаютъ! А Парижской жмшель хочетъ всегда отгадывать; вы еще не кончили вопроса, онъ сказалъ отвѣтъ свой, поклонился и ушелъ.

Парижъ, Апрель..... 1790

Принимаясь за перо съ пѣтмъ, чинобы предсказать вамъ Парижъ хотя не въ совершенной картинѣ, но по крайней мѣрѣ въ главныхъ его чертахъ, долженъ ли я начать, какъ говорили Древніе, съ *лицъ Аеды*, и объявить съ ученою важностію, что сей городъ назывался некогда *Люнеціею*; что имя Парижскихъ жителей, *Parisi*, значить *народъ, покровительствуемый Изидою* — но есть, что оно произошло отъ Греческаго слова *Пара* и *Изисъ*, хотя *НВ. Гальскіе* народы не имѣли никакого понятія

о сей Египетской богинѣ и не думали искать ея покровительства? Перевесили ли нѣкоторыя мѣста изъ Записокъ Юлія Цесаря (перваго изъ древнихъ Авторовъ, упоминающихъ о Парижѣ) и Мизопогона, книги сочиненной Императоромъ Іуліаномъ; мѣста, изъ которыхъ вы узнаете, что Парижъ и во время Цесарево былъ уже столицею Галліи, и что Императоръ Іуліанъ умеръ—было въ немъ онъ угара *? Окружили ли мы себя твореніями Іоанна Гопвиля, Вильгельма Коррозена, Клавдія Фошета, Ніколая Бонфуса, Якова Берля, Маленгра, Соваля, Дона Филиппена, Колменета, де-ла-Мара, Брисса, Буассо, Праделя, де-Мера, Монфокона—оставили ли глаза ваши ученою пылью сихъ Авторовъ, и показаны ли вамъ ясно, что былъ Парижъ въ своемъ началѣ, когда еще не огромныя палаты и храмы созерцались въ снруяхъ Сены, а маленькіе домики, подобныя Альпійскимъ хижинамъ; когда еще не гранитныя, а деревянныя мосты служили ей поясами; когда не Лансъ, не Рено

* «Я провелъ зиму въ моей любезной Лансеціи, говоритъ онъ) «она расположена на острову и окружена снгами, которыхъ омываются водами рѣки, пріятными для глазъ и вкуса. «Зима бываешь намъ обыкновенно не очень холодна; но въ мое время морозы были такъ жестоки, что рѣка покрывалась льдомъ. Жители нагреваютъ свои жилища посредствомъ печей; но я не позволялъ развести огня въ моей горницѣ, а велѣлъ только принести къ себѣ нѣсколько горящихъ угольевъ. Паръ, который онъ нихъ распространялся по всей комнатѣ, едва-было не задунулъ меня, и я упалъ безъ чувствъ.»

пѣняли слухъ людей на берегахъ ея, а братья Оссіановы дикими своими пѣснями; когда не Мирабо, не Мори увивляли Парижцевъ своимъ краснорѣчіемъ, а сѣдовласые Друиды, обожавши дубоваго лѣса? Иனி ли мнѣ въ слѣдъ Парижу, шагъ за шагомъ, черезъ пространство минувшихъ вѣковъ, означая все его измѣненія, новые виды, успѣхи въ архитектурѣ, отъ перваго каменнаго домика до Луврской колоннады? — Я слышу отвѣтъ вашъ: «Мы прочтемъ Сени-Фуа, его *Essais sur Paris*, и узнаемъ все то, что мы можемъ сказать о древности Парижа; скажи намъ только, каковъ онъ показался тебѣ въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, и болѣе ничего не требуемъ.» — И такъ, осматривая почтенную скартину, осматривая все прошедшее, буду говорить объ одномъ настоящемъ.

Парижъ покажется вамъ великолѣпнѣйшимъ городомъ, когда вы въѣдете въ него по Версальской дорогѣ. Громады зданій впереди, съ высокими пирамидами и куполами; на правой сторонѣ рѣка Сена съ картишными домиками и садами; на лѣвой, за пространною зеленою равниною, гора *Мартръ*, покрытая безчисленными вѣтреными мельницами, копорыя, размахивая своими крыльями, представляютъ глазамъ вашимъ летящую станицу какихъ нибудь пернатыхъ великановъ, спроусовъ или Альпійскихъ орловъ. Дорога широкая, ровная, гладка какъ сполъ, и ночью бываесть освѣщена фонарями. Застава еснѣ небольшой домикъ,

который плѣняетъ васъ красотою архитектуры своей. Черезъ обширный, бархатный лугъ въѣзжаете въ поля *Елисейскія*, не даромъ названныя сими привлекательнымъ именемъ: лѣсокъ, насажденный самими Ореадами, съ маленькими цвѣтущими лужками, съ хижинками въ разныхъ мѣстахъ разсыянными, изъ которыхъ въ одной найдете кофейный домъ, въ другой лавку. Тутъ по Воскресеньямъ гуляетъ народъ, играетъ музыка, пляшутъ веселыя мѣщанки. Бѣдные люди, изнуренные шестидневною работою, опдыхаютъ на свѣжей травѣ, пьютъ вино и поютъ *содесини*. Вы не имѣете времени осмотрѣть всехъ красотъ сего лѣсочка, сихъ умилныхъ рожицъ, какъ будто бы безъ всякаго намѣренія разбросанныхъ на правой и на лѣвой сторонѣ дороги: взоръ вашъ спремится впередъ, туда, гдѣ на большой, осьмиугольной площади возвышается статуя Людовика XV, окруженная бѣлымъ мраморнымъ балюстрадомъ. Подойдите къ ней, и увидите передъ собою густыя аллеи славнаго сада Тюльери, примыкающія къ великолѣпному дворцу: видъ прекрасный! Вошедши въ садъ, не знаете, чѣмъ любоваться: густою ли древнихъ аллей, или пріятною высокими террасъ, которыя на обѣихъ сторонахъ простираются во всю длину сада; или красотою бассейновъ, цвѣтниковъ, вазъ, группъ и статуй. Художникъ ле-Монрь, паворецъ сего конечно искусѣйшаго сада въ Европѣ, ознаменовалъ каждую его часть печатію ума и вкуса.

Здѣсь гуляетъ уже не народъ, такъ какъ въ поляхъ *Елисейскихъ*, а такъ называемыя лучшіе люди, кавалеры и дамы, съ конюрыхъ пудра и румяна съшли на землю. Взойдите на большую террасу; посмотрите на право, на лѣво, кругомъ: вездѣ огромныя зданія, замки, храмы — красивые берега Сены, гранитныя мосты, на конюрыхъ поплины тысячи людей, спущенныя множество каретъ — взгляните на все, и скажите, каковъ Парижъ? Мало, еслили назовете его первымъ городомъ въ свѣтѣ, столицею великолѣпія и волшебства. Останьтесь же здѣсь, еслили не хотите перемѣнить своего мѣстнаго; пошедши далѣе, увидите.... грязныя улицы, оскорбительное смѣшеніе богатства съ нищетою; подѣтъ блестящей лавки ювелира кучу грязныхъ яблоковъ и сельдей; вездѣ грязь и даже кровь, текущую ручьями изъ мясныхъ рядовъ — зажмите носъ и закройте глаза. Картина пышнаго города зашмыгавшая въ вашихъ мысляхъ, и вамъ покажется, что изъ всѣхъ городовъ на свѣтѣ черезъ подземельныя трубы сливается въ Парижъ нечистота и гадость. Спустите еще шагъ, и вдругъ повѣетъ на васъ благоуханіе шаловливой Аравіи, или, по крайней мѣрѣ, цвѣтущихъ луговъ Прованскихъ: значитъ, что вы подошли къ одной изъ нѣхъ лавокъ, въ конюрыхъ продаются духи и помада, и конюрыхъ здѣсь множество. Однимъ словомъ, что шагъ, то новая атмосфера, то новые предметы роскоши или самой отвратительной

нечисленны — такъ, что вы должны будете назвать Парижъ самымъ великолѣпнымъ и самымъ гадкимъ, самымъ благоуханнымъ * и самымъ вонючимъ городомъ. Улицы все безъ исключенія узки и темны онѣ огромными домовъ; славная *Сентъ-Оноре* всехъ длиннѣе, всехъ шумнѣе и всехъ грязнѣе. Горе бѣднымъ итнеходцамъ, а особливо когда идетъ дождь! Вамъ надобно или мѣсить грязь на среднихъ улицы **, или вода, льющаяся съ кровель черезъ дельфины, не оставитъ на васъ сухой шинки. Карена здѣсь необходима ***, по крайней мѣрѣ для насъ иностранцевъ; а Французы умываютъ чудеснымъ образомъ ходитъ по грязи не грязясь, масперски прыгаютъ съ камня на камень, и прячутся въ лавки онѣ скачущихъ каренъ. Славный Турнфоръ, который объѣздитъ почти весь свѣтъ, возвратился въ Парижъ и былъ раздавленъ фіакромъ, онѣ того, что онѣ въ путешествіи своемъ разу-

* Поэтому что нигдѣ не продаютъ столько ароматическихъ духовъ, какъ въ Парижѣ.

** Мостовая дѣлается въ Парижѣ скамомъ съ обѣихъ сторонъ улицы: онѣ чего въ среднихъ бываетъ всегда спранныя грязь.

*** За порядочную наемную карену надобно заплатить въ день рубля чепыре. Можно ѣздить и въ фіакрахъ, н. с. пзвоичьихъ каренахъ, копоры споятъ на каждомъ перекресткѣ; правда, что онѣ очень не хороши, какъ снаружи, такъ и внутри; кучеръ сидитъ на козлахъ въ худомъ камзолѣ или вѣнхой спанчѣ, и безпрестанно погоняетъ двухъ — не лошадей, а лошадиныхъ скелетовъ, копоры по дернутъ, по спанутъ — побѣгутъ, и онѣтъ ни съ мѣсна. Въ семь экипажъ можно за 24 су проѣхать городъ изъ конца въ конецъ.

чился прыгать сериою на улицахъ: искусство необходимое для здѣшнихъ жителей!

Подниже городомъ прямо, въ которую сторону вамъ угодно, и вы очутитесь наконецъ въ шѣни густыхъ аллей, называемыхъ *Булеварми*; ихъ три: одна для каретъ, а двѣ для пѣшеходцевъ; онѣ идутъ рядомъ и образуютъ магическое кольцо, или самую прекраснѣйшую опушку вокругъ всего Парижа. Тутъ городскіе жители собирались некогда играть въ шары (*à la boule*) на зеленой травѣ: отъ чего и произошло названіе *буле-веръ* или *булеваръ*. Сначала, на мѣстѣ аллей было только одинъ валъ, который защищалъ столицу Франціи отъ непріятельскихъ набѣговъ; деревья посажены гораздо послѣ. Одна часть булеваровъ называется *старыми*, а другая *новыми*; на первыхъ видне предметы вкуса, богатства, пышности; все вымышленное праздностию для занятія праздности — здѣсь Комедія, театръ Опера; здѣсь блестящія палаты, театръ Гесперидскіе сады, въ которыхъ недоспѣетъ только золотыхъ яблокъ; здѣсь кофейный домъ, обвѣшенный зелеными гирляндами; театръ бѣздка, украшенная цвѣтами и подобная сельскому храму любви; здѣсь маленькой пріятной лѣсочкѣ, въ которомъ гремитъ музыка, прыгаетъ на веревкѣ рѣзвая Нимфа, или какой нибудь *фигляръ* забавляетъ народъ своими хитросплетеніями; театръ показывающіеся вамъ все рѣдкія произведенія животнаго царства Природы: птицы Американскія, звѣри Африканскіе, колибри

и спироусы, пингры и крокодилы; здѣсь, подъ каштановымъ деревомъ, сидитъ Цирсея, смотритъ на васъ помными глазами, кладетъ руку на сердце, и видя, что вы съ равнодушіемъ идете мимо, говоритъ со вздохомъ: *нечувствительный! жестокий!* Тутъ молодой распренанный *франтъ* встрѣчается съ пожилымъ, пѣжно-панудреннымъ *петиметромъ*, смотритъ на него съ усмѣшкою, и подаетъ руку оперной пѣвицѣ; здѣсь длинный рядъ каретъ, изъ которыхъ выглядываютъ юность и древность, красота и безобразіе, умъ и глупость въ самыхъ живыхъ характерныхъ чертахъ — и наконецъ.... маршируетъ опрѣдъ національной гвардіи. Цѣлый день употребить я на то, чтобы обойти эту шумную часть Булеваровъ *.

Такъ называемая *новая* часть представляеть собой другое зрѣлище: тамъ деревья съинесше, аллеи красивѣе, воздухъ чище, но мало бываетъ гуляющихъ; не слышишь ни шума

* Между великолѣпными домами, къ нимъ примыкающими, замѣнилъ я домъ извѣстнаго Бомарше. Сей человекъ умѣлъ не только снранною Комедіею вскружить голову Парижской публикѣ, но и разбогатѣвъ удивительнымъ образомъ; умѣлъ не только изображать живописнымъ перомъ слабости порока человеческого сердца, но и пользоваться ими для наполненія кошелька своего; онъ вмѣстѣ и остроумный авторъ и тонкой свѣтской человекъ, и хитрой придворный и расчетливый купецъ. Теперь имѣетъ Бомарше все среднее и способы наслаждаться жизнью. Домъ его смотритъ любовными какъ диковинку богатства и вкуса; одинъ барельефъ надъ воротами стоитъ 30 или 40 тысячъ ливровъ.

кареннаго, ни топора лошадиного, ни пѣсней, ни музыки; не видные ни Англійскихъ, ни Французскихъ щеголей, ни распудренныхъ головъ, ни разрумяненныхъ лицъ. Здѣсь въ густой мгнѣ опдыхаетъ добрый ремесленникъ съ своею женою и дочерью; шумъ по аллеѣ медленными шагами прохаживается сынъ его съ молодою своею невестою; тамъ поля съ хлѣбомъ, сельскія работы, трудящіяся земледѣльцы; словомъ, все просто, тихо и мирно.

Возвратимся опять въ городской шумъ. Карлъ V говаривалъ: *Lutetia non urbs, sed orbis* (Лютеція, то есть Парижъ, есть не городъ, а цѣлый міръ): что жъ бы онъ сказалъ теперь, когда Лютеція его вдвое увеличилась своимъ пространствомъ, и вдвое умножилась числомъ своихъ обитателей? Вообрази себѣ 25,000 домовъ въ 4, въ 5 этажей, копорые съ верху до низу наполнены людьми! Вопреки всѣмъ географическимъ календарямъ, Парижъ многолюднѣе и Константинополя и Лондона, вмѣщая въ себѣ, по новому исчисленію, 1,150,450 жителей, между копорыми полагаются 150,000 иностранцевъ и 200,000 слугъ. Спуй здѣсь изъ конца въ конецъ города: вездѣ множество идущихъ и ѣдущихъ, вездѣ шумъ и гамъ, — на большихъ и малыхъ улицахъ: а ихъ въ Парижѣ около тысячи! Ночью въ 10, въ 11 часовъ все еще живо, все движется и шумитъ; въ первомъ, во второмъ часу встрѣчаются еще много людей; въ третьемъ и четвертомъ слышны изрѣдка каренный спукъ — одна-

кожъ сѣн два часа можно названъ самыми ин-
хими въ супікахъ. Въ нѣномъ показывающіяся
на улицахъ работники, Савояры, поденщики —
и мало по малу весь городъ снова оживляется.

Теперь хопите ли осмотрѣть со мною слав-
нѣйшія зданія въ Парижѣ? — Нѣтъ; оставимъ
это до другаго времени; вы уснали, я так-
же: надобно перемѣнить манерію или — кон-
чить.

Нынѣшній день обѣдалъ я у Господина Глю⁺
къ которому было у меня письмо изъ Жене-
вы. Худо не знавъ обычаевъ: я пришелъ въ
два часа, но въ домѣ совѣтъ еще не думали
принимать гостей. Хозяинъ, послѣ *утренней*
прогулки, одѣвался въ своемъ кабинетѣ, а хо-
зяйка занималась *утреннимъ чтеніемъ*. Минутъ
черезъ десять вышла послѣдняя въ гостиную
комнату, гдѣ я сидѣлъ одинъ у камина, не-
реверсивая лисны въ Мармонпелесвой Пози-
къ, коюрая лежала на экранѣ. Госпожа Глю⁺
есть ученая дама лѣтъ въ тридцать, гово-
ришь по-Англійски, Италійски, и (подобно
Госпожѣ Неккеръ, у коюрой собирались нѣ-
когда д'Аланберны, Дидроны и Мармонпели)
любитъ обходиться съ Авнорами. Мы начали
говорить о Литтературѣ, и съ жаромъ, по-
тому что Госпожа Глю⁺ прошиворѣчила всѣмъ

моимъ мнѣніямъ. На примѣръ, я сказалъ, что Расинъ и Вольтеръ лучшіе Французскіе Трагики; но она, по благосклонности своей, открыла мнѣ, что Шенье — есть богъ передъ ними. Я думалъ, что прежде писали во Франціи лучше, нежели нынѣ; но она сказала мнѣ, что въ домъ у нее собирается около двадцати сочинителей, которые все несравненны. Я хвалилъ дю-Панн: она увѣряла, что его въ Парижъ не читаютъ; что онъ былъ хорошій Адвокатъ, но худой Авиноръ и наблюдатель. Я хвалилъ Драмъ Рауля: она говорила объ ней съ презрѣніемъ. Однимъ словомъ, наши несогласія никогда бы не кончились, если бы слуга не растворилъ дверей, и не уведомилъ Гж. Гло** о прїѣздѣ гостей. Черезъ нѣсколько минутъ наполнилась горница Маркизами, Кавалерами Св. Людовика, Адвокатами, Англичанами; каждый гость подходилъ къ хозяйкѣ съ холоднымъ привѣтствіемъ. Послѣ всехъ явился хозяинъ, и завелъ разговоръ о паріяхъ, пинригахъ, декретахъ Народнаго Собранія, и проч. и проч. Французы разсуждали, хвалили, критиковали; а молодые Англичане зѣвали. Я невольнымъ образомъ присталъ къ симъ послѣднимъ, и сердечно обрадовался, когда насъ позвали обѣдать. Столъ былъ очень хорошъ; но Риноры не умолкали. Между прочими отличалъ себя одинъ Адвокатъ, который хотѣлъ быть Министромъ единственно для того, чтобы въ 6 мѣсяцовъ заключить все долги Франціи, умножить впредъ доходы ея, обогатить Коро-

ля, духовенство, дворянство, купцовъ, художниковъ, ремесленниковъ.... Тупъ Господинъ Глю* схватилъ его за руку и съ важнымъ видомъ сказалъ: «довольно, довольно, о великодушный человекъ!» Я засмѣялся—къ счастью, не одинъ. Впрочемъ Адвокатъ ни мало шѣмъ не оскорбился, и продолжалъ доказывать пользу своихъ великихъ плановъ, опираясь наиболѣе къ Неккерову брашу, копорый обѣдалъ вмѣстѣ съ нами, и копорый съ величайшимъ терпѣніемъ слушалъ его. Такихъ говоруновъ нынѣ тѣмъ въ Парижѣ, а особливо подъ аркадами въ Пале-Рояль, и надобно имѣть очень здоровую голову, чпобы онѣ ихъ краснорѣчія не чувствовованъ въ ней боли. — Подлѣ меня сидѣлъ за столомъ Англичанинъ, человекъ умный и важный, копорый, узнавъ, что я Русской, спрашивалъ меня о нашемъ климатѣ, образѣ жизни, и проч. Извѣстный путешественникъ Коксъ ему пріятель: онѣ вмѣстѣ съ нимъ были въ Швейцаріи и въ Германіи. — Мы встали изъ за-стола въ пять часовъ, и хозяинъ сказалъ мнѣ, что я всякое Воскресенье могу обѣдать у него вмѣстѣ съ его пріятелями.

Еще было у меня письмо къ Господину Н*, старому Прованскому дворянину, онѣ брата его *Эмигранта* (съ копорымъ я познакомился въ Женевѣ, въ домѣ Госпожи К*). Онѣ почини слѣпъ, глухъ, насилу ходитъ и живетъ въ Парижѣ для молодой, нѣжной, томной, блонкурой, миловидной жены своей, копорая лю-

битъ спектакли и проч. Какая неровная чеша! Можешь ли такое супружество быть счастливым? думалъ я, смотря на Господина и Госпожу II*, на Вулкана и Венеру, на мерзвѣй Октябрь и цвѣтущій Май. О природа! въ царствѣ своемъ распустишь ли подлѣ снѣговъ розы? — Меня приняли съ холодною ласкою, такъ какъ здѣсь обыкновенно чужестранцевъ принимаютъ; звали обѣдать, ужинать, и проч. Госпожа II* сказала мнѣ, что нынѣ въ Парижѣ скучно; что она скоро поѣдетъ въ Швейцарію, поселится на нѣкой прекрасной горѣ близъ Нёшателя, которую Руссо описалъ магическимъ перомъ своимъ въ письмѣ къ д'Аламберту, и будетъ жить тамъ счастливо въ объятіяхъ Природы. Я похвалилъ ся нѣшническое намѣреніе.

Парижъ нынѣ не то, что онъ былъ. Грозная туча носится надъ его башнями, и помрачаетъ блескъ сего, некогда пышнаго города. Златая роскошь, которая прежде царствовала въ немъ какъ въ своей любезной столицѣ — златая роскошь, опустивъ черное покрывало на горестное лице свое, поднялась на воздухъ и скрылась за облаками; остался одинъ блѣдный лучъ ея сіянія, который едва сверкаетъ на горизонтѣ, подобно умирающей зарѣ вечера.

Ужасы Революціи выгнали изъ Парижа самыхъ богатѣйшихъ жителей; знатнѣйшее дворянство удалилось въ чужія земли; а итѣ, которые здѣсь остались, живутъ по большой части въ итѣскомъ кругѣ своихъ друзей и родственниковъ.

«Здѣсь» — сказать мнѣ Аббатъ П*, идучи со мною по улицѣ St. Honoré, и указывая пророчно на большіе дома, которые сносятся нынѣ пустые — «здѣсь, по Воскресеньямъ, у Маркиза Д* съзикались самыя модныя Парижскія дамы, знатные люди, славнѣйшіе остроумцы (beaux esprits); одни играли въ карты, другіе судили о житейской философіи, о итѣжныхъ чувствахъ, пріятностяхъ, красотѣ, вкусѣ — итѣ, по Четвергамъ, у Графини А* собирались глубокомысленные Политики обою пола, сравнивали Маблі съ Ж. Жакомъ и сочиняли планы для новой Утопіи — тамъ, по Субботамъ, у Баронессы Ф* читалъ М* примѣчанія свои на Книгу Бытія, изъясняя любознательнымъ женщинамъ свойство древняго Хаоса, и представляя его въ такомъ ужасномъ видѣ, что слушательницы падали въ обморокъ отъ великаго страха. Вы опоздали пріѣхавъ въ Парижъ; щасливья времена исчезли; пріятныя ужины кончались; *хорошее общество* (la bonne compagnie) разсыпалось по всемъ концамъ земли. Маркиза Д* уѣхала въ Лондонъ, Графиня А* въ Швейцарію, а Баронесса Ф* въ Римъ, чтобы постричься тамъ въ монахини. Порядочный человекъ не знаетъ теперь, куда дѣ-

вашься, что дѣлать, и какъ провести вечеръ.»

Однакожь Аббапъ II*, (къ которому привезъ я письмо изъ Женевы отъ брата его, Графа II*) признался мнѣ, что Французы давно уже разучились веселиться въ обществахъ, такъ какъ они во время Людовика XIV веселились, на примѣръ въ домѣ извѣстной Маріоны де-Лормъ, Графини де-ла-Сюзъ, Иннонъ Ланкло, гдѣ Вольтеръ сочинялъ первые стихи свои; гдѣ Буапюръ, Сенъ-Эвремонтъ, Саразенъ, Граммонтъ, Менажъ, Пелиссонъ, Гено, блистали остроуміемъ, сыпали Аппиническую соль на общій разговоръ и были законодателями забавъ и вкуса. — «Жанъ Ла (или Ласъ), продолжалъ мой Аббапъ, Жанъ Ла несчастною выдумкою Банка погубилъ и богатство и любезность Парижскихъ жителей, превративъ нашихъ забавныхъ Маркизовъ въ поргашей и росповцовъ; гдѣ прежде раздроблялись всѣ тонкости общесвеннаго ума, гдѣ всѣ сокровища, всѣ опытки Французскаго языка исполнялись въ пріятныхъ шуткахъ, въ острыхъ словахъ, тамъ заговорили.... о цѣнѣ банковыхъ ассигнацій, и дома, въ которыхъ собиралось лучшее общество, сдѣлались биржами. Обстоятельства перемѣнились — Жанъ Ла бѣжалъ въ Испанію — но истинная Французская веселость была уже съ того времени рѣдкимъ явленіемъ въ Парижскихъ собраніяхъ. Начались спрашныя игры; молодыя дамы съѣзжались по вечерамъ для того, чтобы разорять другъ друга, метали карны на право и на лѣво, и забыва-

ли искусство Грацій, искусливо правились. Пономъ вѣнли въ моду попуган и Экономисны, Академическія интриги и Энциклопедисны, каланбурь и Магненизмъ, Химія и Драматургія, Метаматика и Полиника. Красавицы сдѣлались Авпорамн, и нашли способъ.... усыплянь самыхъ своихъ любовниковъ. О спектакляхъ, Оперъ, балетнахъ говорили мы наконецъ мане-маническими послыками и числами изъясняли красоны Новой Элоузы. Всѣ философствовали, важничали, хитрили, и вводили въ языкъ новыя сирачныя выраженія, конорыхъ бы Рацинь и Депрео понять не могли или не захотѣли — и я не знаю, къ чему бы мы наконецъ должны были прибѣгнутьъ опъ скуки, если-ли бы вдругъ не грянулъ надъ нами громъ Революціи.»

Тутъ мы разошлись съ Аббатомъ.

Вчера, въ придворной церкви, видѣлъ я Короля и Королеву. Спокойствіе, крепость и добродушіе изображаются на лицѣ перваго, и я увѣренъ, что никакое злое намѣреніе не раздалось въ душѣ его. Есть на свѣтѣ щасливые характеры, конорые по природному чувству не могутъ не любить и не дѣлать добра: таковъ сей Государь! Онъ можетъ быть злополученъ; можетъ погибнуть въ шумящей бурѣ —

по правосудная Исторія впишетъ Людовика XVI въ число благодѣтельныхъ Царей, и другъ человѣческаго прольетъ въ память его слезу сердечную. — Королева, не смотря на всѣ удары рока, прекрасна и величественна, подобно розѣ, на которую вѣютъ холодныя вѣтры, но которая сохраняетъ еще цвѣтъ и красоту свою. Марія рождена бывъ Королевою. Видъ, взоръ, улыбка — все показываетъ необыкновенную душу. Не лѣзя, чтобы ей сердце не страдало; но она умѣетъ скрывать горести свою, и на свѣтлыхъ глазахъ ея не приметно ни одного облачка. Улыбаясь такъ, какъ Граціи улыбаются, перебирала она листочки въ своемъ молитвенникѣ, взглядывала на Короля, на Принцессу, дочь свою, и снова бралась за книгу. Елисавета, сестра Королевская, молилась съ великимъ усердіемъ и набожностію; мнѣ казалось, что по лицу ея капались слезы. — Въ церкви было множество народу, такъ что я охъ жару и духоты усталъ бы въ обморокъ, если бы одна дама, приметивъ мою бѣдность, не подала мнѣ спирту. Всѣ люди смотрѣли на Короля и Королеву, еще болѣе на послѣднюю; нѣкоторые вздыхали, упирали глаза свои большими планками; другіе смотрѣли безъ всякаго чувства, и смѣялись надъ бѣдными монахами, которые пѣли вечерню. — На Король былъ фіолетовый кафтанъ; на Королеву, Елисавету и Принцессу черныя платья, съ простымъ головнымъ уборомъ. — Дофина видѣлъ я въ Тюльери. Прекрасная, нѣжная

Ланбаль, коюрой Флоріанъ посвяпиль сказки свои, вела его за руку. Милый младенецъ! Ангелъ красоты и невинности! Какъ онъ, въ темномъ своемъ камзольчикѣ, съ голубою лентою черезъ плечо, прыгалъ и веселился на свѣжестъ воздухъ! Со всѣхъ сторонъ бѣжали люди смотрѣшь его, и всѣ безъ шляпъ; всѣ съ радостію окружали любезнаго младенца, коюрый ласкалъ ихъ взоромъ и усмѣшками своими. Народъ любилъ еще кровь Царскую!

—

Парижъ, Апрель.... 1790.

Говоришь ли о Французской Революціи? Вычитаеи газетны: съдѣйственно происшесствія вамъ извѣстны. Можно ли было ожидать такихъ сценъ въ наше время, онъ зефирныхъ Французовъ, коюрые славились своею любезностію, и шли съ восноргомъ онъ Кале до Марсели, онъ Периньяка до Спразбурга:

Pour un peuple aimable et sensible
Le premier bien est un bon Roi....

Для любезнаго народа
Щастіе добрый Государь?

Не думайте однакожь, чтобы вся нація участвовала въ трагедіи, коюрая играется нынѣ во Франціи. Едва ли сошная часнь дѣй-

снвуетъ; всѣ другіе смотрятъ, судятъ, спорятъ, плачутъ или смѣются, быютъ въ ладоши или освистываютъ, какъ въ театрѣ. Тѣ, коимъ нонерятъ нечего, дерзки какъ хищные волки; итѣ, коимъ всего могутъ лишиться, робки какъ зайцы; одни хонятъ все опиятъ, другіе хонятъ спасенію чю нибудь. Оборонительная война съ наглѣмъ непріятелемъ рѣдко бываетъ щаслива. Исторія не кончилась; но по сіе время Французское дворянство и духовенство кажутся худыми защитниками Трона.

Съ 14 Іюля всѣ твердятъ во Франціи объ Аристократахъ и Демократахъ; хвалятъ и бранятъ другъ друга теми именами, по большой часи не зная ихъ смысла. Судите о народномъ невѣжествѣ во слѣдующему анекдоту:

Въ одной деревнѣкѣ близъ Парижа крестьяне основали молодого, хорошо одѣтаго человека, и пребывали, чюбы онъ кричалъ съ ними: *vive la nation!* да здравствуетъ нація! Молодой человекъ исполнилъ ихъ волю; махалъ шляпою и кричалъ: *vive la nation!* Хорошо! хорошо! сказали они: мы довольны. Ты добрый Французъ; ступай, куда хочешь. Итъ, стой: изъясни намъ прежде, что такое..... нація?

Разсказываютъ, чю маленькой Дюши, играя съ своею бѣлкою, щелкаетъ ее по носу и говоритъ: ты Аристократъ, великой Аристократъ, бѣлка! Любезный младенецъ, безпреснанно слыша это слово, затвердилъ его.

Одинъ Маркизь, коимъ былъ некогда осы-

панъ Королевскими милостями, играетъ теперь не послѣднюю ролю между непріятелями Двора. Нѣкоторые изъ прежнихъ его друзей изъявили ему свое негодованіе. Онъ пожалъ плечами, и съ холоднымъ видомъ отвѣчалъ имъ: *que faire? j'aime les te-te-troubles! что дѣлать? я люблю мяте-те-тежи!* Маркизъ заика.

Но читалъ ли Маркизъ исторію Греціи и Рима? помнитъ ли цыкуну и скалу Тарпейскую? Народъ есть острое желѣзо, которымъ играть опасно, а революція ошверзный гробъ для добродѣтели и — самаго злодѣйства.

Всякое гражданское общество, въками утвержденное, есть священный для добрыхъ гражданъ; и въ самомъ несовершеннѣйшемъ надобно удивляться чудесной гармоніи, благоустройству, порядку. *Утонія* * будетъ всегда мечтою добраго сердца, или можетъ исполниться непримѣннымъ дѣйствіемъ времени, посредствомъ медленныхъ, но вѣрныхъ, безопасныхъ усѣховъ разума, просвѣщенія, воспитанія, добрыхъ нравовъ. Когда люди увѣрались, что для собственнаго ихъ спасенія добродѣтель необходима, тогда насмѣются въкъ злобой, и во всякомъ правленіи человѣкъ наслаждается мирнымъ благополучіемъ жизни. Всякія же насильственные поприщенія гибельны, и каждый бунтовщикъ готовитъ себѣ эшафотъ. Предадимъ, друзья мои, предадимъ себя во власть Провидѣнію: Оно конечно имѣетъ Свой планъ;

* Или царство *ша-тія*, сочиненія Моруса.

въ Его рукъ сердца Государей — и довольно.

Легкіе умы думаютъ, что все легко; мудрые знаютъ опасность всякой перемены, и живутъ тихо. Французская Монархія производила великихъ Государей, великихъ Министровъ, великихъ людей въ разныхъ родахъ; подъ ея мирною стѣною возрасали науки и художества; жизнь общественная украшалась цвѣтами пріятностей, бѣдный находилъ себѣ хлѣбъ, богатый наслаждался своимъ избыткомъ.... Но дерзкіе подняли сѣкиру на священное дерево, говоря: мы лучше сдѣлаемъ!

Новые Республиканцы съ порочными сердцами! разверните Плутарха, и вы услышите оныя древняго, величайшаго, добродѣтельнаго Республиканца, Катона, что *бесчестіе хуже всякой власти!*

Въ заключеніе сообщу вамъ нѣсколько стиховъ изъ Рабеле, въ которыхъ знакомецъ мой, Аббагъ II*, находилъ предсказаніе нынѣшней революціи.

Gargantua, ch. LVIII.

ENIGME ET PROPHETIE.

Je fais sçavoir à qui le veut entendre,
Que cet hyver prochain, sans plus attendre,
En ce lieu où nous sommes,
Il sortira une maniere d'hommes,
Las du repos et fâchez du séjour,
Qui franchement iront, et de plein jour,

Suborner gents de toutes qualitez,
A differends et partialitez,
Et qui voudra les croire et escouter,
Quoy qu'il en doive advenir et couter.
Ils feront mettre en debats apparens
Amys entre eux et les proches parents.
Le fils hardi ne craindra l'impropere
De se bander contre son propre pere.
Mesme les Grands, de noble lieu saillis,
De leurs subjects se verront assaillis,
Et sur ce point naistra tant de meslées,
Tant de discords, venuës et allées,
Que nulle histoire, où sont les grands merveilles,
N'a fait récit d'émotions pareilles.
Alors auront non moindre autorité
Hommes sans foy, que gents de verité:
Car tous suivront la creance et estude
De l'ignorante et sotte multitude,
Dont le plus lourd sera reçu pour juge.
O dommageable et penible deluge!
Deluge, dis-je, et à bonne raison:
Car ce travail ne perdra sa saison,
Et n'en sera la terre delivrée,
Jusques à tant qu'elle soit ennyvrée
De flots de sang.....

Французской снариный языкъ, можешъ
бышь, для васъ пиementъ. Я переведу:

«Объявляю всемъ, кпо хочешъ знашь, что
«не дакъ, какъ въ сѣдущую зиму, увидимъ
«во Франціи злодѣевъ, конорые явно будутъ
«развращать людей всякаго сосноянїя, и нес-
«соряить друзей съ друзьями, родныхъ съ род-
«ными. Дерзкой сытъ не побоянся возснать
«прошивъ ошца своего, и рабъ прошивъ госпо-
«дина, накъ, что въ самой чудесной Истории
«не найдемъ примѣровъ подобнаго раздора, вол-

«ненія и мятежа. Тогда нечестивые, въролом-
«ные сравниваются власнію съ добрыми; тогда
«глупая чернь будетъ давать законы, и без-
«смысленные сядутъ на мѣсто судей. О стран-
«ный, гибельный пошопъ! *пошопъ*, говорю: ибо
«земля освободилась отъ сего бѣдствія не иначе,
«какъ *упившись кровію.*»

Парижъ, Апрель.....

Въ Четвертокъ, въ Пятницу и въ Субботу на Спирасной недѣлѣ бывало здѣсь славное гулянье въ аллеяхъ Булонскаго лѣсу; *бывало*: потому что нынѣшнее, мною видѣнное, совсемъ не могло войти въ сравненіе съ прежними, для которыхъ богачи и щеголи нарочно заказывали новые экипажи, и гдѣ чепыре, ияпѣ тысячь карентъ, одна другой лучше, блистательнѣе, моднѣе, являлись глазамъ зрителей. Я ходилъ туда пѣшкомъ, и видѣлъ около тысячи экипажей, но ни одного великолѣпнаго. Это гулянье напомнило мнѣ наше Московское, 1 Мая. Также карена за кареною, отъ Елисѣйскихъ полей до монастыря Longchamp. Народъ стоялъ въ два ряда по тѣмъ дорогамъ, шумѣлъ, кричалъ и смѣялся неприсвойнымъ образомъ надъ гуляющими. На примѣръ; «Смо-
«ирише! вотъ идетъ торговка изъ рыбнаго

«рада съ своею сосѣдкою, банмашницею! Вотъ
«красный носъ, самый длинный во всемъ Па-
«рижѣ! Вотъ молодая кокешка въ 70 лѣтъ:
«влюбляйшесь! Вотъ Кавалеръ Св. Людовика
«съ молодою женою и съ рогами! Вотъ Фило-
«софъ, который продаетъ свой умъ за двѣ ко-
«пѣйки!» Молодые франты прыгали на Англій-
скихъ коняхъ, заглядывали въ каждую карету
и дразнили чернь: *allons, allons, mes amis! de*
l'esprits, de l'esprits! Bon; c'est de la vraie gaieté
Parisienne! Другіе бродили пѣшкомъ, съ длинными
деревянными саблями вмѣсто тростей *pour se*
confondre avec le peuple. — Прежде болѣе всего
отличались шутъ славныя жрицы Венерины;
онѣ выѣзжали въ самыхъ лучшихъ экипажахъ.
Одна молодая Актриса разорвала связь свою
съ Графомъ Д*, прекраснымъ мушкетеромъ. Ея зна-
комыя удивлялись. «Чему дивнись?» сказала
имъ Актриса: «онъ чудовище, извергъ: онъ
«не хотѣлъ подарить мнѣ новой кареты для
«Булонскаго гулянья. Я должна была предно-
«чести ему спараго Маркиза, который залю-
«билъ все бриллианты жены своей, чтобы
«купить мнѣ самую дорогую карету въ Па-
«рижѣ!»

Я прошелъ въ монастырь Longchamp, видѣлъ
гробницу Изабеллы, сестры Людовика Свята-
го, и двѣ ослепотѣвшія надгробныя статуи
подъ монументомъ оица Фремени и брата Франциска Се-
рафима. Первая:

*Fremine, tu fais frémir le sort,
Et ton nom vit malgré la mort.*

Другая: Qui la vie a vecu de François Seraphique,
80 ans sur terre, au Ciel vit l'angelique.

Парижъ, Апрѣля 29, 1790.

Цѣлый день просидѣлъ я въ комнатѣ своей, одинъ, съ головою болью; но когда спало смерканье, вышелъ на Pont neuf *, и облокотясь на подножіе Генриковой снани, смотрѣлъ съ великимъ удовольствіемъ, какъ тѣни ночныя мѣшались съ умирающимъ свѣтомъ дня; какъ звѣзды на небѣ, а фонари на улицахъ засвѣчались. Съ пріѣзду моего въ Парижъ весь вечера безъ исключенія проводилъ я въ спектакляхъ, и поному около мѣсяца не видалъ сумерекъ. Какъ они хороши весною, даже и въ шумномъ, немилостивомъ Парижѣ!

Цѣлый мѣсяцъ былъ всякой день въ спектакляхъ! быть, и не насытился ни смѣхомъ Талін, ни слезами Мельпомены!..... и всякой разъ наслаждался ихъ пріятностями съ новымъ чувствомъ!.... Самъ дивлюсь; но это правда.

Правда и то, что я не имѣлъ прежде досматочнаго понятія о Французскихъ театрахъ. Теперь скажу, что они доведены, каждый въ

* Такъ называемый *новый мостъ*, близъ котораго я жилъ.

своемъ родѣ, до возможнаго совершенства, и что всѣ часны спектакля составляютъ здѣсь прекрасную гармонию, копорая самымъ пріятнѣйшимъ образомъ дѣйствуетъ на сердце зрителя.

Въ Парижѣ пять главныхъ театровъ: Большая Опера, такъ называемый Французской Театръ (*les François*), Италіянскій (*les Italiens*), Графа Прованскаго (*théâtre de Monsieur*) и *Variétés* — и всякой день играютъ на нихъ, и всякой день (подивитесь Французамъ!) бываютъ они наполнены людьми, такъ что въ 6 часовъ вы едва ли гдѣ нибудь найдете мѣсто.

Кто былъ въ Парижѣ, говорятъ Франгузы, и не видалъ Большой Оперы, подобенъ тому, кто былъ въ Римѣ и не видалъ Папы. Въ самомъ дѣлѣ, она есть нѣчто весьма великолѣпное, и наиболѣе по своимъ блестящимъ декораціямъ и прекраснымъ балетамъ. Здѣсь видите вы — по поля Елисейскія, гдѣ блаженствуютъ души праведныхъ; гдѣ вѣчная весна зеленеетъ; гдѣ слухъ вашъ нѣвняеиъ тихими звуками лиръ; гдѣ все любезно, восхинительно — по мрачный Тарнаръ, гдѣ вздохн умирающихъ волнуютъ спиральный Ахеронъ; гдѣ шумъ чернаго Коципа и Сиккеа заглушается сипенаніемъ и плачемъ бѣдствія; гдѣ волны Флегетона пылаютъ; гдѣ Таннагъ, Иксіонъ и Данаиды вѣчно спрадаютъ, и не видятъ конца своимъ мученіямъ; гдѣ свѣтлая Лета помнымъ журчаніемъ призываетъ несчастныхъ къ забвенію жиншейскихъ заботъ и горесшей.

Здѣсь видите, какъ Орфей скипашеся въ черныхъ лѣсахъ подземнаго царства; какъ Фуріи перзають Ореста; какъ Язонъ сражашеся съ огнемъ, съ пламенемъ и съ чудовищами; какъ раздраженная Медея, проклятая неблагодарностью людей, лепишь съ громомъ и молвіею на вершину Кавказа; какъ Египтяне въ печальныхъ хорахъ оплакивають смерть добродѣтельного Царя своего, и какъ горестная Пепта, надъ великолѣпнымъ памятникомъ супруга, клянется вѣчно благошворить его въ сердцѣ своемъ; какъ Ринальдо таше въ восторгъ у ногъ пламенной Армиды, среди безчисленныхъ красокъ волшебнаго искусства, разсыпанныхъ въ садахъ ея; какъ Діана спускается на свѣпломъ облакѣ, цѣлуетъ Эндиміона, и блестящими слезами спрашивную грудь свою орошаетъ; какъ величественная Каллиса нещадаетъ всевозможныя очарованія, чтобы излѣчить юнаго Телемака; какъ рѣзвые, милыя Нимфы — одна другой рѣзвѣе, одна другой милѣе — окружають его съ арфами и лирами, играютъ и поютъ любовь, и каждымъ сладоспрашивнымъ движеніемъ говорятъ ему: *люби! люби!* какъ изжанный Телемакъ колеблется, чувствуетъ слабость свою, забываетъ совѣты Мудрости, и... сверженный благодѣтельной рукою Менелора, лепишь съ высокаго каменнаго берега въ шумящее море: лепишь вмѣстѣ съ душою зрителей.

Все сіе такъ живо, такъ естественнo, что я тысячу разъ забывался, и принималъ искус-

ствленное подражаніе за самую натуру. Едва могу вѣршишь глазамъ своимъ, видя быструю перемѣну декорацій. Въ одно мгновеніе рай превращается въ адъ; въ одно мгновеніе проливаются моря, шамъ, гдѣ луга зелены, гдѣ цвѣтны расцвѣтали, и гдѣ насупки на свирѣляхъ играли; свѣтлое небо покрывается густымъ мракомъ, черныя тучи несупся на крыльяхъ ревущей бури, и зритель перенесенъ въ душу своей; еще одинъ мигъ, и мракъ исчезаетъ, и тучи скрываются, и бури умолкаютъ, и сердце ваше свѣтлѣетъ вмѣстѣ съ видимыми предметами.

Не смотря на множество здѣшнихъ искусныхъ танцовщицъ, Весприсъ сіяетъ между ими какъ Сиріусъ между звѣздами. Всѣ его движенія такъ пріятны, такъ живы, такъ выразительны, что я всегда смотрю, дивлюсь и не могу самъ себя изъяснить удовольствія, которое доставляетъ мнѣ сей единственный танцовщикъ; легкость, стройность, гармонія, чувство, жизнь — все соединяется вмѣстѣ, и можно быть Риноромъ безъ словъ, но Весприсъ въ своемъ родѣ Цицеронъ. Никакіе стихотворцы не опишутъ того, что блистаетъ въ его глазахъ, что выражаетъ игра его мускуловъ, когда милая, смѣливая насупка говоритъ ему тихимъ взоромъ: *люблю!* когда онъ, бросающъ къ ей сердцу, призываетъ небо и землю во свидѣтели своего блаженства. Живописецъ положивъ кисть, и скажетъ только: «Весприсъ!» — Гардель безъ

подобенъ въ прагической пантомимѣ. Какое величество! Герой въ каждомъ взорѣ, герой въ каждомъ движеніи! Всприемъ нишомецъ милыхъ Грацій; а Гардель ученикъ важныхъ Музъ. — Пивлюмъ есць вѣпорый Весприемъ. О другихъ панцовщикахъ скажу только, что они сопавляютъ прекрасную групу живописныхъ фигуръ, пленишельную для зрѣнія. — Когда же являющіяся на сценѣ Терсенхорины Нимфы, какъ будто бы на крыльяхъ Зефира принесенныя, тогда сцена кажется мнѣ весеннимъ лугомъ, на которомъ пестрѣютъ безчисленные цвѣты; взоръ перелетаетъ между разнообразными красками — но любезная Чериньонъ и прелестная Миллеръ подобны пышной розѣ и гордой лилѣ, которыя отличаются отъ всѣхъ другихъ цвѣтовъ.

Лансъ, Шенаръ, Лене, Руссо — вотъ первые пѣвцы Оперы; и сеньли върши Французамъ, но никогда и никакая земля не производила лучшихъ. Они правятся мнѣ не только пѣніемъ, но и самою игрою: два шаланна, которые не всегда бывають въсентъ! Маркези никогда не могъ процуиъ меня никакъ, какъ Лансъ и Шенаръ прогатають. Пусень смѣлюсь надъ моею пресношю и невѣжесивомъ; но въ голосъ сего славнаго Италійскаго пѣвца пѣтъ того, что для меня всего любезнѣе — пѣтъ души! Вы спросите, что я разумно подъ сею душею? Не умью изъяснить; однакожь чувствую. Ахъ! какой Маркези можетъ пѣтъ такъ хорошо:

*J'ai perdu mon Eurydice:
Rien n'égale mon malheur!*

какой Италіянскою получеловѣкъ можетъ пѣть сію несравненную Глукову арію съ такимъ сердечнымъ выраженіемъ, какъ Руссо, молодой, снотливый, прекрасный Руссо, доспойный Эвридики?

Мальяръ есть теперь первая пѣвица. Вы слышали о Сенигъ-Юберин: ее уже пѣтъ! Говорятъ, что она сошла съ ума. Любимели Оперы воспоминаютъ объ ней почти со слезами.

Симъ декораціямъ, балетамъ, пѣвцамъ, совершенно оивѣчаемъ и оркестръ, составленный изъ лучшихъ музыкантовъ Парижа. Однимъ словомъ, любезные друзья, здѣсь торжествуютъ Искусства на высочайшей степеніи совершенства, и все вмѣстѣ производятъ въ зрителя чувство, которое безъ всякой гиперболы можно назвать восхищеніемъ. — Такой спектакль пребудетъ конечно большихъ издержекъ. Не смотря на то, что за входъ въ ложу и въ паркетъ платятъ (на наши деньги) рубли по два и по три; не смотря на то, что все сіи дорогія мѣста бываютъ наполнены людьми, Опера стоитъ двору, по счѣту Неккерову, около трехъ или четырехъ милліоновъ въ годъ.

На такъ называемомъ Французскомъ Театрѣ играютъ трагедіи, драмы и большія комедіи. — Я и теперь не перемѣню мнѣнія своего о Французской Мельпоменѣ. Она благородна, величественна, прекрасна; но никогда не пропѣетъ, не потрясетъ сердца моего такъ, какъ Муза Шекспирова и нѣкоторыхъ (правда, не многихъ) Нѣмцовъ. Французскіе Поэты имѣютъ тонкой, изысканный вкусъ, и въ искусствѣ писать могутъ служить образцами. Только въ сужденіи изобрѣтеніи, жарѣ и глубокаго чувства *Натуры* — просинише мнѣ священныя пѣвны Корнелей, Расиновъ и Вольтеровъ! — должны они уступити преимущественно Англичанамъ и Нѣмцамъ. Трагедіи ихъ наполнены изящными картинками, въ которыхъ весьма искусно подобраны краски къ краскамъ, пѣвны къ пѣвнымъ; но я удивляюсь имъ по большой часини съ холоднымъ сердцемъ. Вездѣ смѣсь естественнаго съ романтическимъ; вездѣ *mes feux, ma foi*; вездѣ Греки и Римляне *à la Française*, которые плачутъ въ любовныхъ восторгахъ, иногда философствуютъ, выражаютъ одну мысль разными оборотными словами, и шеряясь въ лабиринтъ краснорѣчія, забываютъ дѣйствовать. Здѣшняя публика требуетъ отъ Автора прекрасныхъ стиховъ, *des vers à retenir*; они прославляютъ піесу, и для того стихотворцы стараются всячески умножать ихъ число, занимаясь пѣмъ болѣе, нежели важностію приключеній, нежели новыми, чрезвычайными, но естественными *положеніями* (*situations*), и за-

*

бывая, что характеръ всего болѣе обнаруживается въ сихъ необыкновенныхъ случаяхъ, опъ которыхъ и слова заимствуютъ силу свою *.

Коротко сказать, творенія Французской

* Я прошу знаменитъ Французскаго Театра вайти мнѣ въ Корнель или въ Расинъ что нибудь подобное — на примѣръ снмъ Шекспировымъ снхамъ, въ уснахъ снгра Леара, изгнаннаго собственными дѣньми его, которыхъ онда въ опъ свое царство, свою корону, свое величье — скиншающагося въ бурную ночь по лѣсамъ и пускынямъ.

Blow winds... rage, blow!

You sulph'rous and thought-executing fires,
Vauntz couriers of oak-cleaving thunder-bolts,
Singe my white head! And thou allshaking thunder,
Strike flat the thick rotundity o' th' world;
Crack nature's mould, all germins spill at once,
That make ingrateful man!....

I tax not you, you elements, with unkindness!
I never gave you kingdom, call'd you children;
... Then let fall

Your horrible pleasure!... Here I stand, your slave,
A poor, infirm, weak and despis'd old man!

«Нумнее вѣтры, свирѣпѣеши буре! Серые, блещутъ
«солнцъ, преднеси разрушительныхъ ударовъ! дейне пламя въ
«бѣлую главу мою!... Громы, громы! сокрушине зданіе міра;
«сокрушине образъ натуры и человека, неблагодарнаго че-
«ловѣка!... Не жалуюсь на вашу свирѣпость, разяренихъ
«снхъ! Я не ондавать вамъ царства, не именовать васъ
«милыми дѣньми своими! И нѣкъ свирѣпѣеши по волѣ!
«Разине — се я, рабъ вашъ, бѣдный, слабый, илуренный
«снарецъ, опверженный опъ человѣчествомъ»

Они раздраютъ душу; они гремятъ подобно тому грому, который въ нихъ описывается, и потрясаетъ сердце чинашеля. Но что же дѣлеть имъ сію ужасную силу? Чрезвычайное положеніе царственнаго изгнанника, живая картина бѣдственнаго судьбы его. И что послѣ этого спросить еще какой характеръ, какую душу имѣть Леаръ?

Мельномены славны — и будутъ всегда славны — красоюю слога и блестящими стихами; но еслили Трагедія должна глубоко проникать наше сердце или ужасать душу: то соотечественники Вольтеровъ не имѣютъ можеть бытъ ни двухъ истинныхъ трагедій — и д'Аланбертъ сказать весьма справедливо, что все ихъ пьесы сочинены болѣе для чтенія, нежели для театра.

Когда же онѣ непременно должны бытъ играны, то по крайней мѣрѣ надобно для нихъ такихъ актеровъ, какъ Ла-Ривъ, Сентъ-При, Сентъ-Фаль, и такихъ актрисъ, какъ Сен-Валь, Рокуръ, и проч. которые заслужили нынѣ мѣсто Барона и де-Кеня, Ла-Кувреръ и Клеронъ. Вотъ декламація! вотъ *dramatic*! Благородство въ видѣ, величавость въ носѣ, ни, ясность, чистота въ произношеніи, и въ каждомъ словѣ душа, но если, всякая Поэтическая мысль опѣтена, всякая мысль выражена свойственнымъ ей тономъ, и въ гармоніи съ игрою глазъ, съ движеніемъ руки; вездѣ живопись, вездѣ картины — и еслили зришель, не смотря на сіе упоминеніе искусства, осящетъ холодъ, то конечно не актеры виноваты.

Ла-Ривъ царь на сценѣ. Совершенно Греческая фигура и редкой органъ! — Сей актеръ совсѣмъ-было проснулся съ театромъ. Рассказываютъ, что онъ, не любя молодой актрисы Дегарсенъ (которую можно назвать живымъ образомъ слабой помноженіи), старался всячески замѣшивать ее въ игру. Публика съ неудоволь-

ствіемъ примѣтила сію непохвальную черту сердца его, и славный Ла-Ривъ былъ освищенъ партеромъ; послѣ чего онъ скрылся, и клялся никогда уже не выходить на сцену. Но — гдѣ клятва, гдѣ и пресниженіе. Два года бездѣйствія ему наскучили. Привыкшій къ хвалѣ и рукоплесканіямъ, безъ нихъ не могъ бытъ щасливъ, сражался самъ съ собою, и наконецъ, оставя все сомнѣнія, снова явился на сценѣ въ роль Эдипа. Я видѣлъ его. Ужасное снеченіе людей! Не говоря о паркетѣ, ложахъ, партерѣ — самый оркестръ былъ наполненъ зрителями, которымъ музыканты исполнили свои мѣста. Въ пять часовъ начался спектакль и пошлъ непрерывно; въ половинѣ шестаго поднялся занавѣсъ — и все утихло. Первое явленіе — Эдипа и сынъ — молчаніе царствовало. Но лишь только Димасъ сказалъ: *Oedipe en ces lieux va paraître*, страшныя рукоплесканія загрѣмѣли, которыя продолжались до самой той минуты, какъ Ла-Ривъ вышелъ, въ великолѣпной Греческой, бѣлой одеждѣ, распустивъ по плечамъ русые волосы, и гордо-смпреннымъ наклоненіемъ головы изъявилъ публикѣ благодарную свою чувствительность. — Въ теченіе всѣхъ пяти актовъ громкая хвала не умолкала. Ла-Ривъ старался всѣми силами заслуживать ее, и, какъ Французы говорятъ, превосходилъ въ успѣхѣ самого себя, не жалѣя бѣдной своей груди. Не понимаю, какъ онъ могъ выдержать до конца трагедіи; не понимаю, какъ и зрители не успали отъ руко-

плесканія. Въ той сценѣ, гдѣ Эдипъ узнаетъ, что онъ умершвиль отца; что онъ супругъ своей матери; узнаетъ, и сирашнимъ образомъ проклинаетъ судьбу *, я почини оцѣнеть. Никакая кисть не изобразитъ того, что свирѣпствовала на лицѣ ла-Рива въ сію минуу: ужасъ, грызеніе сердца, отчаяніе, гнѣвъ, ожесточеніе, и все, все, чего не могу выразить словами. Зрители ахнули, когда онъ, перзаемый, гонимый Фуріями, бросился со сцены и ударился головою о периспиль, такъ что все колоны задрожали. Вдали слышны были его стenanія.— Публика не насытилась еще Эдипомъ своимъ, и по окончаніи піесы вызвала бѣднаго ла-Рива на сцену. Актриса Рокуръ, которая представляла Іокасту, держала его за руку; едва могъ онъ сказать два или три слова, и гонимъ былъ упасъ на землю — занавѣсъ опустился.

Сентъ-При играетъ однѣ роли съ ла-Ривомъ: искусный актеръ съ великими талантами, но

* Въ слѣдующихъ стихахъ:

Un Dieu plus fort que moi m'entraînait vers le crime,
Sous mes pas fugitifs il creusait un abîme,
Et j'étais, malgré moi, dans mon aveuglement,
D'un pouvoir inconnu l'esclave et l'instrument.
Voilà tous mes forfaits; je n'en connais point d'autres.
Impitoyables Dieux, mes crimes sont les vôtres,
Et vous m'en punissez?... Où suis je? quelle nuit
Couvre d'un voile affreux la clarté qui nous luit?
Ces murs sont teints de sang; je vois les Eumenides
Secouer leurs flambeaux vengeurs des patricides.
Le tonnerre en éclats semble fondre sur moi;
L'enfer s'ouvre....

не ла-Ривъ. — Сент-Фаль представляетъ любовниковъ въ трагедіяхъ и драмахъ: молодой, статный человѣкъ пріятнаго вида. Въ Корислевомъ *Сидѣ* онъ восхищается публичку. Такъ надобно играть Родрига, кромѣ двухъ или трехъ сценъ, гдѣ я не совершенно доволенъ быть игрою сего актера. На примѣръ, описывая Короно сраженіе съ Маврами, изумленно старался онъ выразить въ голосъ своемъ — сперва шипящу почти, а потомъ шумъ битвы, шумъ мечей и проч. Французы хлопали; но итъ, которые размышляли о правилахъ истинной мимики, не могутъ любить такого неестественнаго подражанія. Сент-Фаль, первая трагическая актриса, хотя слишкомъ стара и немолода для роли любовницъ, однакожь правится блестящимъ своимъ искусствомъ и жаромъ игры. — Рокуръ есть совершенная Медея, и потому въ сей роль она несравненна. Величественная фигура, большіе черные глаза, которые между густыми ресницами сіяютъ какъ молніи ночью; волосы какъ вороново крыло; все черны лица правильны, но не милы; красота безъ прѣкосности; суровость въ самой улыбкѣ; голосъ швердый и пронзательный — однимъ словомъ, Медея. И теперь вижу я, какъ развѣвася на ней огненная мантия, съ волшебными знаками, и какъ ужасно сверкаетъ острый кинжалъ въ рукахъ раздраженной полубогини, сверкаетъ вмѣстѣ съ ея взоромъ. Одна Рокуръ можетъ сказать такъ разшиительно сіи слова:

Le destin de Médée est d'être criminelle;
Mais son coeur étoit fait pour aimer la vertu.

Славная актриса Коппа — славная своею красотою и кокетствомъ болѣе, нежели театральною игрою — представляющъ роли любовницъ въ комедіяхъ и драмахъ, иногда и въ трагедіяхъ. Ей теперь за тридцать лѣтъ; но она все еще хороша, и теперь наполнена ея обожателями, щастливыми и несчастными. Сказываютъ, что одинъ молодой Графъ отъ любви къ ней сошелъ съ ума, и заключился въ Карпезіанскомъ монастырѣ. Никогда не бываетъ она такъ прелестна, какъ въ новой пьесѣ *le Couvent*. Черное платье, бѣлое покрывало, видъ невинности, чистосердечія.... ахъ, бѣдный Графъ! я вѣрю своему сумасшествію! — Зрители всегда заспаиваютъ ее нѣсколько разъ повторять арію:

L'attrait qui fait chérir ces lieux,
Est le charme de l'innocence.

Несказанно-пріятный голосъ! — Но никто изъ актеровъ сего театра не дѣлаетъ мнѣ столько удовольствія, какъ Моле, единственный, несравненный Моле, играющій по большой части роли отцевъ въ комедіяхъ. Нашъ Поме-ранцевъ каженея ученикомъ его. Я два раза удивлялся ему въ Мольеровомъ и Фабровомъ *Мизантропѣ*, и два раза плакалъ отъ него въ *Монтескье*, Мерсьеровой драмѣ. Такой благород-

ный видъ, такую улыбку добродушія, человеколюбія, обходительности, надлежало имѣть Авиатору безмертной книги о законахъ *!

Я не буду говорить о другихъ комическихъ актерахъ сего Театра: ихъ много. — Но въ заключеніе скажу, что Талія Британская и Талія Германіи должны уступитъ преимущество Французской. Англійскія комедіи по большей части или скучны, или грубы, неблагопристойны, оскорбительны для всякаго нѣжнаго вкуса; а Нѣмецкія, кромѣ нѣкоторыхъ посредственныхъ, совсѣмъ не достойны вниманія.

Такъ называемый Италіанской Театръ, по гдѣ играютъ одни Французскія мелодрамы, есть мой любимый спектакль: я бываю въ немъ чаще, нежели въ другихъ, и всегда съ великимъ удовольствіемъ слушаю музыку Французскихъ сочинителей, восхищаюсь игрою славной актрисы Дюгазонъ и пѣніемъ Розы Рено, милой дѣвушки лѣтъ въ двадцать, которую публика до небесъ превозноситъ, и которая въ самомъ дѣлѣ есть теперь лучшая пѣвица въ Парижѣ.

Мнѣ полюбилась двѣ новыя мелодрамы, играемыя на семъ Театрѣ: Рауль синя борода и Петръ Великій. Содержаніе первой взято изъ старинной сказки и очень, очень театральное. Рауль, богатый дворянинъ, влюбляется въ Розалію, любезную дѣвушку, сестру одного

* То есть, въ сей драмѣ Моле предстаетъ благотѣльцаго Монтескіё.

небогатаго рыцаря, и предлагаетъ ей руку свою, вмѣстѣ съ блестящими подарками. Красавица чувствуетъ нѣкоторую склонность къ молодому Вержи, который любитъ ее спрассно: но, ахъ! бѣдный Вержи не имѣетъ ничего, кромѣ добраго, нѣжнаго сердца — а доброе и нѣжное сердце не всегда замѣняетъ, въ глазахъ красавицы, дары щасія. Богатство Раулево ослѣпляетъ Розалію. Она разсматриваетъ подарки.... какое великолѣніе! какой вкусъ! Больше всего понравился ей прекрасный головной уборъ, осыпанный брилліанами; она надѣваетъ его, подходитъ къ зеркалу.... и подаетъ руку гордому Раулю. Бѣдный Вержи плачетъ, и скрывается. Розалія живетъ въ огромномъ замкѣ, гдѣ все служитъ ей какъ богинѣ, гдѣ все льститъ ея суебности. Иногда, но очень рѣдко, вылетаетъ вздохъ изъ невѣрной груди; иногда, но очень рѣдко кажется ей, что съ добрымъ, пламеннымъ Вержи была бы она щасливѣе, нежели съ холоднымъ своимъ супругомъ. — Скоро Рауль ѣдетъ — не извѣстно куда — и прощаясь съ красавицею, отдаетъ ей ключъ отъ одной запертой комнаты. «Естьли не хочешь моей погибѣли,» говоритъ онъ: «естьли не хочешь сама погибнуть, то не будь любопытна!» Розалія клянется — въ чемъ иногда не клянулася милая женщины? — клянется, и черезъ двѣ минуты.... открывается дверь... Вообразите ужасъ ея!... Она видитъ головы двухъ прежнихъ Раулевыхъ женъ, съ огненною надписью: *вотъ доля твоя!* (Раулю

было пророчество, что любовники его жены полюбят его; для того онъ испытывалъ супруговъ своихъ, и умерщвлялъ ихъ за сію слабость, надеясь спасти нѣмъ собственную жизнь) — Дюгазонъ представляетъ Розалию. Блѣдная, съ распущенными волосами, она бросается на креслы, и носитъ дрожащимъ голосомъ:

Ah! quel sort
Le barbare
Me prepare!
C'est la mort!
C'est la mort!

Въ сію минуту является Вержи, въ женскомъ платьѣ, подъ именемъ Розалиннѣ сестры. Какое свиданіе! Должно спасти погибающую; но какъ? Вержи безъ оружія, среди множесва цнріанпелей. Одно средство осмелелся: уведомить обо всемъ Розалина брата. Вержи отправляетъ къ нему письмо съ конюшимъ своимъ. — Между нѣмъ Рауль возвращается; онъ знаетъ все, и грознымъ голосомъ велитъ Розалин готовиться къ смерти. Ни слезы, ни жалобы не смягчаютъ его — нѣтъ избавленія! Тщесно любовникъ сопротивляеться въ поле, непервѣливо ожидая помощи —

Рѣки тамъ вѣсь сверкають,
Солнца лѣные лучи
Всю природу озлащаютъ;
Но буланые мечи
Не сіють, не сверкають.

Пыть помощи! Не сѣвнать рыцари избавитъ Розалію! Наконецъ опчаяннѣй Вержи сказыва- снѣ о себѣ Раулю, что онъ не женщина; что онъ любитъ его супругу, и хочетъ умереть вмѣстѣ съ нею: его ведутъ въ пещищу. Розалія ожидаетъ смертоноскаго удара; острый мечъ блистаетъ надъ ея головою.... но вдругъ съ шумомъ опирающіеся дворы; вооруженные рыцари нападаютъ на Рауля и воиновъ его, побѣждаютъ — и Розалія узнаетъ своего брата. Жестокій ея супругъ умираетъ; нѣжный Вержи падаетъ передъ нею на колѣни.... завѣсь опускается. Гренири сочинять музыку: она прекрасна.

Въ мелодрамѣ Питръ Великій есть очень протансальныя сцены; но крайней мѣрѣ для Русскаго. Дѣйствіе происходитъ не далеко отъ границъ Россіи. — Государь съ другомъ своимъ де-Форномъ, живущи въ маленькой деревенькѣ на берегу моря, учились карабельному иску- сству, и всякой день, съ утра до вечера, шу- дили въ прищани. Въ починающъ его обы- коновеннымъ рабочникомъ, и называютъ доб- рымъ, стынленнымъ, умнымъ Пепромъ. Моло- дой, видный акторъ Минно игралъ эту роль: мнѣ казался онъ явнымъ порицаніемъ нашего Пеперанора. Можеть быть и воображеніе мое прибавило нѣчто къ сему сходству; но я не хотѣлъ чувствованъ обмана — хотѣлъ имъ на- слаждаться. Въ той же деревнѣ живетъ пре- лесная Каперина, молодая, добродѣтельная вдова, нѣжно любимая поселянами. Государь,

пылкій во всѣхъ своихъ склонностяхъ, скорый во всѣхъ движеніяхъ сердца, влюбляется въ ея красоту, въ милую душу, и открываетъ ей сиротство свою. Камеринна обожаетъ Петра: никогда еще глаза ея не видали такого прекраснаго, величественнаго, любезнаго человѣка, и никогда сердце ея столь охотно не слѣдовало за глазами. Она не знаетъ своихъ чувствъ, и подаетъ ему руку; слезы восторга капающія по лицу ея. Государь клянется быть ей нѣжнымъ *супругомъ*: слово вылетѣло изъ устъ его — оно свято. Ле-Форсъ, оставшись наединѣ съ Монархомъ, говоритъ ему: «Бѣдная «крестница будетъ супругою моего Импера-
«тора! Но ты во всѣхъ своихъ дѣлахъ безпри-
«мѣренъ; ты великъ духомъ своимъ; хочешь
«возвыситься въ опечеснѣвъ надемъ санъ чело-
«вѣка, и презираешь суешую надменность жо-
«дей; одно душевное благородство достойно
«уваженія въ глазахъ твоихъ; Камеринна бла-
«городна душою — и такъ да будетъ она су-
«пругою моего Государя, моего отца и друга!»
Второе дѣйствіе открывается сговоромъ. Старшіе спарцы, опираясь на плечо внучатъ своихъ, приходящъ къ невѣстѣ; хладными, слабыми рукамижимающъ ея руку, и съ радостными слезами желаютъ ей благополучія. Молодые дѣвушки приносятъ розовыя вѣнки, украшаютъ ими любезную чешу, и поютъ свадебныя пѣсни. «Добрый Петръ!» говорятъ старцы: люби всегда милую Камеринну, и «будь другомъ нашей деревни!» Государь про-

нущъ до глубины сердца. «Вотъ другая бла-
«женная минута въ жизни моей!» тихо гово-
рингъ онъ ле-Форшу: «первою наслаждался я
«тогда, когда рѣшился въ душѣ своей быть
«опицомъ и просвѣщеніемъ милліоновъ людей,
«и далъ въ томъ клятву Всевышнему.»—Всѣ
сидящія вокругъ любовниковъ; всѣ веселы и
щастливы! Снарники знаютъ, что ле-Фортъ
имѣетъ пріятный голосъ, и для того просятъ
его спѣть какую нибудь снаринскую пѣсню;
онъ думаетъ, беретъ ципру, играетъ и поетъ:

Жилъ былъ въ свѣтѣ добрый Царь,
Православный Государь.
Всѣ сердца его любили,
Всѣ опицомъ и другомъ чтили.

Любилъ Царь дѣшей своихъ;
Хочетъ онъ блаженства ихъ:
Санъ и пышность забываетъ —
Тронъ, порфиру оставляетъ. —

Царь какъ странникъ въ путь идетъ,
И обходитъ цѣлый свѣтъ.
Посохъ есть ему — держава,
Всѣ опасенія — забава.

Для чегожъ оставилъ онъ
Царскій санъ и свѣтлый прощъ?
Для чего ему скинаться, —
Хладу, зною подвергаться?

Чтобъ вездѣ добро собирать,
Душу, сердце украшать
Просвѣщеніа цѣнами,
Трудолюбія плодами.

Для чегожь ему желать
Душу, сердце украшать
Просвѣщеніа цвѣтами,
Трудолюбія плодами?

Чтобы мудростью своей
Озарить умы людей,
Часть и подданныхъ прославить
И въ искусствѣ жить наславить.

О Великій Государь!
Первый, первый въ свѣтъ Царь! —
Всю вселенную пройдеши,
Но друга не найдешь.

Ле-Форинъ забыть конецъ пѣсни. Добрые крестьяне хвалятъ ее; только не хотѣтъ вѣрить, чтобы въ самомъ дѣлѣ былъ на свѣтъ такой Государь. Канерина болѣе всѣхъ проникла; въ черныхъ глазахъ ея блистаютъ слезы. «Пѣть», говоритъ она ле-Форину: «пѣть, ты насъ не обманываешь; пѣня твоя справедлива: иначе ты не могъ бы пѣть ее съ такимъ сердечнымъ жаромъ!» Вообразишь чувствительность Государя! — Но скоро дѣйствіе переменится. Пріѣзжаетъ Меншиковъ, вызываетъ Императора и рассказываетъ ему, что въ Россіи прошелъ ложный слухъ о его смерти; что зломыслишки развѣваются вездѣ пламя бунта; что ему непременно должно возвратиться какъ можно скорѣе въ Москву, и что вѣрный Преображенскій полкъ ожидаетъ его на границѣ. Императоръ не спрашивается мящанниковъ — одинъ величественный, свѣ-

палый взоръ его можеть разсѣять всё тучи на горизонтъ Россіи — но онъ снѣжиныя явиныя глаза любезной своей Гвардіи. Исканная Канерина ждети друга, но нищенно; нищенъ его и не находитъ. Ей сказываютъ, что онъ уѣхалъ. Сердце ея хладѣетъ. *Петръ оставилъ, обманулъ меня!...* сии слова умираютъ на блѣдныхъ устнахъ ея. Но когда она, послѣ жестокаго обморока, приходитъ въ себя, *Петръ* снѣжиныя на колыняхъ передъ нею, уже не въ плащѣ бѣднаго работника, но въ великолыиной одеждѣ Царской, окруженный Вельможами. Канерина не видитъ ничего, кромѣ своего милаго друга; оживаетъ, восхищается и забываетъ упреки. Государь открываетъ ей все. «Я хотѣлъ обладать исканымъ сердцемъ», говоритъ онъ, «которое люблю бы во мнѣ не Императора, но человека: вотъ оно!» — (обнимая Канерину) — «сердце и рука моя швы; прими же онъ меня и корону! Не она, но ны будешь украшанъ ея.» — Удивленная Канерина не радуется вѣнцу Царскому; она хотѣла бы жить съ любезнымъ *Петромъ* своимъ въ бѣдной хижинѣ; но *Петръ* и на иронъ мила душитъ ея. Вельможи унадаютъ передъ нею на колыни — весь Преображенскій полкъ выходитъ на сцену — радостныя восклицанія гремятъ въ воздухъ — восклицанія: *да здравствуетъ Петръ и Екатерина!* Государь обнимаетъ супругу — занавѣсъ опускается. Я опираю слезы свои — и радуюсь, что я Русской. Авшоръ пѣсы еси Г. Бульи. — Жаль только, что

Французы нарядили Государя, Менщикова и ле-Форна въ Польское платье, а Преображенскихъ солдатъ и Офицеровъ въ крестьянскіе зеленые кафтаны съ желтыми кушаками. Зрители вокругъ меня говорили, что Русскіе и нынѣ точно такъ одѣваются; а я, занимаясь драмою, не посчитъ за нужное вывести ихъ изъ заблужденія.

На Театръ Графа Прованскаго (Théâtre de Monsieur) представляютъ по большой части Италіянскія комическія оперы, иногда же маленькія Французскія піесы. Говорятъ, что въ Италіи нѣтъ и не бывало подобной труппы: рѣдкіе таланты! Гж. Балеттини есть первая пѣвица, и славна не только своимъ голосомъ, красою, но и безпорочнымъ поведеніемъ. Парижская актриса и добродѣтель: чудная связь! и потому Англійскіе Лорды со вздохомъ говорятъ, что она Фениксъ. — Изъ пѣвцовъ славнѣйшіе Раффанелли, Мандини и Виганони.

Новый Театръ de Variétés огромнѣе всѣхъ здѣшнихъ театровъ: великолѣпная зала, прекрасныя ложи, блестящая аванъ-сцена! — Тамъ представляющія комедіи и драмы иногда очень хорошо, иногда посредственно. Извѣстный Монпель, одинъ изъ первыхъ Парижскихъ актеровъ, второй ле-Кень, играютъ нынѣ въ Vari-

étés. Онъ спаръ, не имѣетъ ни голоса, ни фигуры; но все сѣи недостатки замѣняются искусствомъ и живописію игры. Всякое слово его впечатлѣвается въ душу зрителя; глаза его въ одну минуту и меркнутъ и воспаляются; я боюсь смигнуть съ него, когда онъ выходитъ на сцену. Ла-Ривъ, Монвель, Моле, — вопль при актѣ, который, можетъ быть, во всей Европѣ не найдешь себѣ двухъ подобныхъ.

Кромѣ сихъ главныхъ пьесъ театровъ есть въ Парижѣ множество другихъ въ Palais Royal, на бульварахъ, и для всякаго спектакля находящіяся особенныя зрѣлища. Не говоря уже о богатыхъ людяхъ, которые живутъ только для удовольствія и развѣянія, самыя бѣдныя ремесленники, Савояры, разношники, починающъ за необходимостію быть въ театрѣ два или три раза въ недѣлю; плачутъ, смѣются, хлочающъ, свистятъ и рѣшатъ судьбу пѣснь. Въ самомъ дѣлѣ между ими есть много знапковъ, которые замѣчаютъ всякую щастливую мысль Автора, всякое щастливое выраженіе актѣра. *A force de forger on devient forgeron* — и я часто удивлялся вѣрному вкусу здѣшнихъ партеровъ, которые по большой части бывающъ наполнены людьми низкаго сословія. Англичанинъ торжествуетъ въ Парламентѣ и на биржѣ, Нѣмецъ въ ученѣ кабинетѣ, Французъ въ театрѣ.

Только на двѣ недѣли въ году закрываются здѣсь спектакли, то есть, на Спирасную и Святую недѣлю; но какъ Французамъ жить

и 14 дней безъ публичныхъ веселій? Тогда всякой вечеръ въ оперномъ домѣ бывалось духовный концертъ, concert spirituel, гдѣ лучшіе Виртуозы на разныхъ инструментахъ показывали свое искусство, и гдѣ провести я нѣсколько весьма пріятныхъ и, можно сказать, сладкихъ часовъ, слушая Гайденову Stabat Mater, Меллиево Miserere, — и проч. Нѣсколько разъ грудь моя орошалась жаркими слезами — я не вытираю ихъ — я ихъ не чувствовалъ. — Небесная музыка! наслаждайся нобою, возвышайся духомъ, и не завидую Ангеламъ. Кинь доказательство мнѣ, чинобы душа моя, удобная къ такимъ святымъ, чистымъ, эфирнымъ радостямъ, не имѣла въ себѣ чего нибудь божественнаго, нечеловѣчнаго? Сии нѣжные звуки, вѣющіе какъ Зефиръ на сердце мое, могутъ ли быти нищою смерннаго, грубаго существа? — Но ничто въ этомъ концертѣ не трогало меня такъ сильно, какъ одинъ прекрасный дуэтъ Ланса и Руссо. Они пѣли — оркестръ молчалъ — слушатели едва дышали... несравненно!

Парижъ, Апрель.....

Отъ чего сердце мое спирается иногда безъ всякой извѣстной мнѣ причины? Отъ чего съѣтъ

помрачается въ глазахъ моихъ тогда, какъ лучезарное солнце сіяетъ на небѣ? Какъ изъяснишь сіи жеснокіе, меланхолическіе припадки, въ коихъ вся душа моя сжимается и хладѣетъ?.... Не уже ли сія тоска есть предчувствіе опдаленныхъ бѣдъ твоихъ? Не уже ли она есть не что иное, какъ задунокъ твоихъ горестей, которыми Судьба намѣрена посылить меня въ будущемъ?.....

Часовъ неснѣ бродить я по окрестностямъ Париза, въ самомъ грустномъ расположеніи духа; пришелъ въ Булонской лѣсъ и увидѣлъ передъ собою готическій замокъ Мадригъ, неспрошенный въ 16 вѣкъ, окруженный глубокими рвами и темными аркадами. Террасы его заросли высокою травою. Гдѣ Францискъ I наслаждался всеми пріятностями любви и роскоши; гдѣ звѣчные звуки арфы и гитары усыпляли его въ объятіяхъ богини сладоспирасія: тамъ нынѣ пустыня и молчаніе царствуютъ.... Вокругъ меня бѣгали олени; солнце кануло къ западу; вѣтеръ шумѣлъ въ густомъ лѣсѣ. Я хотѣлъ видѣть внутренности замка.... Барельефы крыльца, представляющіе разныя сцены изъ Метаморфозъ Овидіевыхъ, покрылись зеленымъ мохомъ; здѣсь, надъ пламеннымъ сердцемъ живаго Иирама, умирающаго отъ любви къ Тизбѣ, разтѣкается холодная пыль; тамъ Время рукою своею изглаживало

• Сей замокъ посроенъ Францискомъ I по возвращеніи его изъ Гиннанин.

картину Юнонина мѣненія, превращившаго въ пенель злощастную Семелею.... Въ первой, второй, третьей залѣ все пусто и мрачно; въ четвертой, украшенной рѣзбою и живописью, услышалъ я тяжельй вздохъ.... осматрѣлся кругомъ и.... представилъ себѣ мое удивленіе!.... въ углу сей огромной залы, подлѣ мраморнаго камня, на большихъ креслахъ сидѣла старая женщина лѣтъ шестидесяти, блѣдная, сухая, въ раздранномъ рубищѣ.... Она взглянула на меня, кивнула головою и тихимъ голосомъ сказала: *добрый вечеръ!*.... Нѣсколько минутъ стоялъ я неподвижно на одномъ мѣстѣ; наконецъ подошелъ, началъ говорить съ нею и узнать, чію она нищая, сбрасывъ милосердію въ Нарикъ, въ окрестныхъ деревняхъ, и уже два года живешь въ пустомъ замкѣ Мадрипъ. — «Никто не перевозитъ тебя здѣсь?» спросилъ я. — «Кому перевозить? Одинъ разъ пришелъ сюда Надзирашель, и увидѣлъ меня лежащую на соломѣ въ передней горницѣ. Я рассказала ему свою исторію, исторію моей дочери — онъ замѣлъ — далъ мнѣ три ливра, и велѣлъ жить въ этой залѣ, для того чію въ ней цѣлы окончины; для того чію въ ней не душно въперъ. Добрый человекъ!» — «У тебя есть дочь?» — «Была, была; теперь она тамъ, выше замка Мадрина. Ахъ! мы жили съ нею какъ въ раю: жили въ низенькой хижинѣ, спокойно и счастливо! Тогда и свѣтъ былъ лучше; тогда и все люди были добрые. Знаешь ли, какъ

у насъ въ деревнѣ называли ее? Мѣщины соловьемъ, а женщины малиновкой. Она любила пѣть, сидя подъ окномъ, или ходя въ рощѣ за цвѣтами; всѣ останавливались и слушали. У меня сердце прыгало отъ радости. Тогда заимодавцы насъ не мучили. Луиза попросилась, и всякой готовъ ждалъ. Луиза умерла, и меня выгнали изъ хижинны, съ класкою и котомкою. Ходи по міру и лей слезы на холодные камни!» — «У тебя нѣтъ родни?» — «Есть; да нынѣ всякой объ себѣ думаетъ. Кому до меня нужда? Я не люблю скучать собою. Слава Богу! нашла пристанище. Знаешь ли, что здѣсь жила Король Франсуа? я заснуила его мѣсто. Иногда, по ночамъ, кажется мнѣ, будто онъ расхаживаетъ по горницамъ съ своими Министрами, Генералами, и разговариваетъ о спаринѣ.» — «И тебѣ здѣсь не спрочно?» — «Спрочно? Нѣтъ, я уже давно перестала бояться.» — «Что же будетъ съ тобою, добрая снарушка, когда ты занеможенъ, когда ноги твои отъ снаросни....» — «Что будетъ? Я умру — меня погребутъ, и все дѣло съ концомъ.» — Мы замолчали.... Я подошелъ къ окну, и смотрѣлъ на заходящее солнце, которое своими лучами своими освѣщало разнообразныя картины Парижскихъ окрестностей. Боже мой! сколько великолѣпія въ физическомъ мірѣ (думалъ я), и сколько бѣдствія въ нравственномъ! Моженъ ли несчастный, угнетенный бременемъ бытія своего, отверженный, уединенный среди множества людей, хладныхъ и жесто-

кихъ, — можетъ ли онъ веселиться своимъ великолѣпьемъ, златое солнце! извою чистотою лазурыю, свѣтлое небо! вашею красотою, зеленые дуга и рощи? Нѣтъ, онъ поминется; всегда, вездѣ поминется, бѣдный сироталецъ! Темная ночь сокрой его! Шумящая буря унеси его... шуда, шуда, гдѣ добрые не поскуютъ; гдѣ волны океана, океана вѣчности, прохлаждаютъ исплѣвшее сердце!...

Солнце закатилось. Я пожалъ руку бѣдной сиротушки — и возвратился въ Парижъ.

Парижъ, Мая....

Сей часъ получилъ онъ вась письмо — и какъ обрадовался, нѣтъ нужды сказывать. Можно ли, что вы не писали ко мнѣ онъ 14 Февраля до 7 Апрѣля? Любезные друзья мои конечно не знали, какъ дорого синою ихъ молчаніе бѣдному Русскому путешественнику; иначе, безъ сомнѣнія, они не заснавали бы его мучинья. Невинные, снѣли это похоже на выговоръ; мнѣ право было очень грустно. Теперь говорю: *слава Богу!* и все забываю.

Вамъ казалось, что я никогда не выѣду изъ Женевы; а снѣли бы вы знали, какъ мнѣ наконецъ снало тамъ скучно! Сиротинне, для чего же я мончасъ не выѣхалъ оншуда? Един-

ственно для того, что всякой день ожидать ваших писем — и время проходило. Мне очень хотѣлось возобновить свое путешествіе съ покойнымъ сердцемъ: чего однакожь не съдѣлалось.

Правда, любезный А. А. Парижъ есть городъ единственный. Нигдѣ, можетъ быть, не лѣзя найти столько матеріи для философскихъ наблюденій, какъ здѣсь; нигдѣ столько любопытныхъ предметовъ для человѣка, умѣющаго цѣнить Искусства; нигдѣ столько разсѣяній и забавъ. Но гдѣ же и столько опасностей для философін, особливо для сердца? Здѣсь тысячи съней разставлены для всякой его слабости.... Шумный океанъ, гдѣ быстрое сиреніе волнъ мчитъ васъ опѣ Харібды къ Сциллы, опѣ Сциллы къ Харібдѣ! Сиренъ множество; и пѣніе ихъ такъ сладостно, усыпительно.... Какъ легко забыться, заснуть! но пробужденіе едва ли не всегда горестно — и первый предметъ, который явится глазамъ, будетъ пустой кончелекъ.

Однакожь не надобно себѣ воображать, что Парижская пріятная жизнь очень дорога для всякаго; напрошивъ того, здѣсь можно за не-большія деньги насладиться всѣми удовольствіями по своему вкусу. Я говорю о *позволенныхъ*, и въ сиромомъ смыслѣ позволенныхъ удовольствіяхъ. Еслили же кто вздумаетъ коротко знакомиться съ пѣвицами и актрисами, или въ ихъ домахъ, гдѣ играютъ въ карты, не опаздывать ни ошъ какой пар-

ній, тому надобно Англіійское богатство. И домомъ жить дорого, то есть, дороже, нежели у насъ въ Москвѣ. Но вошъ какъ можно весело проводить время и ирратить не много денегъ:

Имѣть хорошую компану въ лучшей *Отел* *; поупру чинанъ разные журналы, газеты, гдѣ всегда найдеть что иибудь занимательное, жалкое, смѣшное; и между тѣмъ ииить кофе, какого не умѣютъ варить ни въ Германіи, ни Швейцаріи; попомъ кликнуъ парикмахера, говоруна, враля, конорый наскажеть вамъ множеству забавнаго вздору о Мирабо и Мори, о Бальи и Лафасеть; намажеть вашу голову Прованскими духами и напудритъ самою бѣлою, легкою пудрою; а шамъ, надѣвъ чистой, пресной фракъ, бродить по городу, зайти въ Пале-Рояль, въ Тюльери, въ Елисейскія поля, къ извѣстному Иисанелю, къ художнику, въ лавки, гдѣ продаются эспамны и картины, — къ Дидолу, любованься его прекрасными изданіями классическихъ Авторовъ, обѣдать у Респоратёра **, гдѣ подають вамъ за рубль ииить или шесъ хорошо пригоновленныхъ блюдъ съ десерномъ; посмонрѣть на часы, и

* *Hôtel* есть наемный домъ, гдѣ вы кроме компаны и услуги ничего не ииѣете. Кофе и чай приносятъ вамъ изъ ближайшаго кофейнаго дома, а обѣдь изъ иракшира.

** Респоратёрами называются въ Парижѣ лучшіе иракширики, у конорыхъ можно обѣдать. Вамъ подарунъ роснеть всемъ блюдамъ, съ означеніемъ ихъ цѣны; выбравъ, что угодно, обѣдате на маленькомъ, особливомъ столикѣ.

расположивъ время свое до шезни, чтобы, осматрѣвъ какую нибудь церковь, украшенную монументами, или галлереею картинную, или библіотеку, или кабинетъ рѣдкостей, явиться, съ первымъ движеніемъ смычка, въ Оперъ, въ Комедіи, въ Трагедіи, и тѣмъ гармонією, балетомъ, смѣяться, плакать — и съ томною, но пріятныхъ чувствъ исполненною душею ондыхать въ *Salon-Royal*, въ *Café de Valois*, de *Caveau*, за чашкою *bacarraza* *; взглядыванъ на великолѣпное освѣщеніе лавокъ, аркадъ, аллей въ саду; вѣдушиванъ иногда въ ию, чпо говорятъ знаменіе глубокіе *Политики*; наконецъ возвратившись въ тихую свою комнату, собранъ съ идеями, написанъ нѣсколько строкъ въ своемъ журналѣ, бросившись на мягкую постелью, и тѣмъ обыкновенно кончипся и день и жизнь, заснувъ глубокимъ сномъ съ пріятною мыслію о будущемъ. — Такъ я провожу время, и доволенъ.

Скажу вамъ нѣсколько словъ о главныхъ Парижскихъ зданіяхъ.

Луверъ. Прежде былъ онъ не что иное, какъ грозная крѣпость, гдѣ жили помомки Кловисовы, и гдѣ, какъ въ государственной шеминѣ,

* Ароматическій сиропъ съ чаемъ.

заключались возмущители, ослупивше Бароны, которые часто возставали противъ своихъ Королей. Францискъ I, страстный охотникъ восвапъ, илѣняпъ красавицъ и спронтъ великолѣпныя замки, разрунивъ до основанія готическiя башни, на ихъ мѣстѣ соорудилъ огромный дворецъ, украшенный лучшими художниками его вѣка, но необитаемый до времени Карла IX. .Лудовикъ XIV воцарился: съ нимъ воцарилась Искусства, Наука—и Лувръ, по его мановенiю, увѣичался великолѣпною своею колоннадою, лучшимъ произведенiемъ Французской Архитектуры, и пѣмъ болѣе удивительною, что спронтъ ее не славный зодчiй, а Докторъ Перро, обезславленный, разруганный насмѣшливымъ Буало въ его сапнрахъ. Не льзя взглянуть безъ какого-ни глубokaго почтенiя на ея перистили, портики, фронтоны, пиластры, сполны, которымъ вмѣсто крова служилъ шерраса съ прекраснымъ балюстрадамъ. Я всякой разъ останавливаюсь противъ главныхъ входовъ, смонрю и думаю: «Сколько тысячелѣтнiй мелькнуло черезъ земный шаръ въ вѣчность между первымъ сплетенiемъ гибкихъ вѣтвей, укрывшихъ дикаго Адамова сына отъ ненастья, и гигантскою колоннадою Лувра, дивомъ огромности и вкуса! Какъ малъ человекъ, но какъ великъ умъ его! Какъ медленны успѣхи разума, но какъ они многообразны и безконечны!»—Лудовикъ XIV долго жилъ въ Лувръ; наконецъ предпочелъ ему Версалю, и мѣсто великаго Монарха за-

няли Аполлонъ съ Музами. Тутъ все Академіи *; тутъ жили и славные Ученые, Авшоры, Поэты, достойные Королевскаго вниманія. Луврикъ, уступивъ свое жилище Генію, возвысилъ и его и себя.

Говоря о Луврѣ, не лзя не вспомнить о снѣжномъobeliskѣ, который въ жестокую зиму въ 1788 году сдѣланъ былъ противъ его оконъ бѣдными людьми, въ знакъ благодарности къ нынѣшнему Королю, покунавшему для нихъ дрова. Все Парижскіе Снѣгохворцы сочинили надписи для такого рѣдкаго памятника, и лучшая изъ нихъ была:

Мы дѣлаемъ Царю и другу своему
Лишь снѣжный монументъ; мнѣе онъ ему,
Чѣмъ мраморъ драгоценный,
Изъ дальнихъ спрять на счетъ убогихъ привезенный.

Въ память сего прогательнаго случая, одинъ богатый человекъ, Г. Жюбо, соорудилъ передъ своимъ домомъ, близъ Тюльери, мраморныйobeliskъ, и вырѣзалъ на немъ все надписи снѣжнаго монумента; я былъ у Г. Жюбо, читалъ ихъ, и вообразивъ, какъ нынѣ Французы обходятся съ Королемъ своимъ, подумалъ: «Вотъ памятникъ благодарности, который доказываетъ неблагодарность Французовъ!»

=

* Тамъ, въ залѣ Академіи Художествъ, видѣлъ я четыре славныя ле-Брюневы картины: сраженія Александра Великаго.

Тюльери. Имя произошло отъ *tuile*, т. е. черепицы, которую некогда шутъ дѣлали. Сей дворецъ построилъ Капериною Медицисъ; состоялъ изъ пяти навѣсъ съ четырьмя *коръ-де-ложи*; украшенъ мраморными колоннами, фронтономъ, статуями, и наконецъ изображеніемъ лучезарнаго солнца, девизомъ Людовика XIV. Видъ зданія не величественъ, но пріятенъ; положеніе очень хорошо. Съ одной стороны рѣка Сена, а передъ главною фасадою Тюльерійской садъ съ высокими своими террасами, цвѣтниками, бассейнами, группами и (что всего лучше) древними густыми аллеями, сквозь которыя вдали видна, на обширной площади, статуя Людовика XV. Тутъ живетъ нынѣ Королевская фамилія. Я видѣлъ и внутренность дворца. Въ день Св. Духа Король вмѣстѣ съ Кавалерами главнаго Французскаго Ордена пошелъ въ церковь; за нимъ и Королева съ Дамами; первые въ рыцарскихъ мантияхъ, съ распущенными волосами; вторые въ богатыхъ робахъ. Въ ту самую минуту любознательные зрители бросились во внутреннія комнаты — я за ними — изъ залы въ залу, и до самой спальни. *Куда вы, господа? за чѣмъ?* спрашивали придворные лакеи. *Смотрѣть,* отвѣчали мои товарищи, и шли далѣе. Украшенія комнатъ составляютъ обои Гобелиновой фабрики, картины, статуи, гротески, бронзовые камни. Между тѣмъ глаза мои занимались не только вещами, но и людьми: Министрами и Экс-Министрами, придворными и

старыми Королевскими слугами, которые, видя безчинство молодыхъ, съ величайшимъ небреженіемъ одѣтыхъ людей, шумящихъ и бѣгающихъ, пожимали плечами. Я самъ съ какимъ-то горестнымъ чувствомъ ходилъ за другими. Таковъ ли былъ прежде Французскій Дворъ, славный своею блестящею пышностію? Видя двухъ человѣкъ, сидящихъ рядомъ и тихонько говорящихъ между собою, думалъ я: «Они вѣрно говорятъ о несчастномъ состояніи Франціи и будущихъ ея возможныхъ бѣдѣ!» — Второй сынъ Герцога Орлеанскаго игралъ въ бильярдъ съ какимъ-то почтеннымъ старикомъ. Молодой Принцъ очень хорошъ лицомъ; надобно, чтобы и душа его была прекрасна, — слѣдовательно не похожа на душу еща его. — — Тюльери соединяется съ Лувромъ посредствомъ галлерей, копорая длиннѣе и огромнѣе всѣхъ галлерей на свѣтѣ, и гдѣ долженъ быть Королевскій Музеумъ, или собраніе картинъ, статуй, древностей, разсѣянныхъ теперь по разнымъ мѣстамъ.

Люксембургъ принадлежитъ нынѣ Графу Прованскому: величественный дворецъ, построенный Марією Медичисъ, супругою великаго и матерію слабаго Короля, женщиною власнолюбивою, но рожденною безъ всякаго талан-

та властвовать, которая, бывъ долгое время Ксантинною Генриха IV, заступила его мѣсто на тронѣ для того, чтобы распочинть плоды Сюлліевою бережливости, завести междоусобную войну во Франціи, возвеличить Ришелье и быти жертвою его неблагодарности; которая, осыпавъ милліонами недосройныхъ своихъ любимцевъ, кончила жизнь въ изгнаніи, въ бѣдности, едва имѣя кусокъ хлѣба для утоленія голода и рубище для прикрытія наготы своей. Игра судьбы бываетъ иногда ужасна. — Съ такими мыслями смотрѣть я на прекрасную архитектуру сего дворца, на его террасы и павильоны. За нѣсколько гривенъ показали мнѣ и внутренность. Комнаты едва ли достойны примѣчанія; но путь славная галлерей Рубенсова, въ которой сей Нидерландскій Рафаэль истощилъ всю силу искусства и Генія своего: 25 большихъ картинъ, представляющихъ Генриха IV и Королеву Марію со множествомъ аллегорическихъ фигуръ. Какое разнообразіе въ видѣ супруговъ! На всякой картинѣ *они*, но всякая имѣетъ свой особенный характеръ. Марія; изображенная въ родахъ, есть вѣнецъ Рубенсовой кисти. Глубокіе слѣды страданія, томленіе, изнеможеніе; блѣдная роза красоты; радость быти матерію Дофинна; чувство, что вся Франція ожидала сей минуны съ боязливымъ нетерпѣніемъ, и что милліоны будутъ торжествовать ея счастливое разрѣшеніе отъ бремени; нѣжность супруги, говорящей своими взорами Генриху:

я жива! у насъ есть сынъ! все прекрасно, и съ трогательнымъ искусствомъ выражено. Видно, что главнымъ предметомъ живописца была Королева; она занимаетъ первое мѣсто на картинахъ: Генрихъ вездѣ *для нее*. Удивительно ли? Рубенсъ писалъ по ея заказу, послѣ Генриховой смерти; и льстецъ-живописецъ сдѣлалъ то, чего ни льстецъ-Историкъ, ни льстецъ-Поэтъ не могъ бы сдѣлать для Маріи: онъ умѣлъ искусствомъ своимъ подкупить сердца въ ея пользу; онъ заставлялъ меня любить Марію. — Между аллегорическими фигурами примѣнилъ я одно женское милое лицо, неоднократно изображенное. Ученикъ живописи, который показывалъ мнѣ галерею, сказалъ: «Не дивитесь повторенію; это лицо Рубенсовой жены, славной красавицы Елены Форманъ. Рубенсъ былъ ея любовникомъ-супругомъ, и вездѣ, гдѣ только могъ, изображалъ свою Елену.» Я люблю тѣхъ, которые любятъ умъ и сердце мое еще сильнѣе прильпилось къ художнику.

Садъ Люксембургской былъ некогда любимымъ гульбищемъ Французскихъ Авторовъ, которые въ густыхъ и темныхъ его аллеяхъ обдумывали планы своихъ твореній. Тамъ Мабли часто гулялъ съ Кондильякомъ: туда приходилъ иногда и печальный Руссо говорить съ своимъ краснорѣчивымъ сердцемъ; тамъ и Вольтеръ въ молодости не рѣдко искалъ гармоническихъ рифмъ для осирѣхъ своихъ мыслей, а мрачный Кребильйонъ воображалъ себя злобнымъ Апресемъ. Нынѣ садъ уже не таковъ;

многія аллеи исчезли, вырублены или засохли. Но я часто пользуюсь оспальною сѣнію тамошнихъ старыхъ деревъ; хожу одинъ, или, сидя на дерновомъ канатѣ, читаю книгу. Люксембургъ не далеко отъ улицы Генего, въ которой живу.

Господинъ Д*, гуляя со мною преніяго дни въ Люксембургскомъ саду, рассказалъ мнѣ забавный случай. Въ 1784 году, Іюля 8, собрался тамъ почини весь Парижъ, чтобы видѣть воздушное путешествіе Аббата Міолана, объявленное черезъ газеты. Ждутъ два, три часа: шаръ не поднимается. Публика спрашиваетъ, когда начнетъ экспериментъ? Аббатъ отвѣчаетъ: *въ минуту!* Но приходитъ вечеръ, а шаръ ни съ мѣста. Народъ шереетъ наконецъ терпѣніе, бросается на аэростатъ, рветъ его въ клочки, а Міоланъ спасается бѣгствомъ. На другой день въ Пале-Рояль и на всѣхъ перекресткахъ Савояры кричатъ: «Кому надобно изображеніе славнаго путешествія, щасливо совершеннаго славнымъ Аббатомъ Міоланомъ, — за копѣйку, за копѣйку!» Аббатъ послѣ того умеръ гражданскою смертію, но есмь, не смѣлъ казаться въ люди. Смѣшная исторія должна была кончиться новымъ смѣшнымъ анекдотомъ. Господинъ Д*, скоро послѣ Міоланова бѣдствія, былъ въ партеръ Оперы и смотрѣлъ на балетъ. Вдругъ приходитъ высокой чело-вѣкъ, Аббатъ, становится передъ нимъ, и мѣшаетъ ему видѣть сцену. «Посторонніи, говорятъ ему: здѣсь довольно мѣста.» Гигантъ

не слушаетъ, не прогасается; смотришь и не даешь другимъ смотрѣть. Молодой Адвокатъ, который споялъ подлѣ Господина Д*, сказалъ ему: «хотите ли, чтобы я выгналъ высокаго Аббаиа?» *Ахъ ради Бога! если можете.* — «Могу» и поспѣхъ началъ шептаться на ухо вѣтмъ, появившимъ вокругъ его: «вотъ Аббаиъ Міоланъ, который обманулъ публику!» Вдругъ десятокъ голосовъ повпорили: «вотъ Аббаиъ Міоланъ!» Чрезъ минуту весь партеръ закричалъ: «Вотъ Аббаиъ Міоланъ!» и все указывали пальцомъ на высокаго человека, который въ изумленіи, въ досадѣ, въ отчаяніи на право и на лѣво кричалъ: «Государь мой! я не Аббаиъ Міоланъ!» Но скоро и во всехъ ложахъ раздался голосъ: «Вотъ Аббаиъ Міоланъ!» такъ, что высокому человеку, который назывался совсѣмъ не Міоланомъ, надлежало какъ пресмыкнутому бѣжать изъ театра. Господинъ Д*, умирая со смѣху, изъявлялъ благодарности молодому Адвокату, между тѣмъ какъ партеръ и ложи, заглушая музыку, кричали: «Вотъ Аббаиъ Міоланъ!»

Графъ Прованскій живетъ во флигелѣ.

=

Пале-Рояль называется сердцемъ, душою, мозгомъ, извлеченіемъ Парижа. Ришелье спровелъ и подарилъ его Людовику XIII, написавъ надъ

воропами: Palais Cardinal! Эта надпись многимъ не понравилась; одни называли ее гордою, другіе бессмысленною, доказывая, что по-Французски не лѣзя сказать: Palais Cardinal. Нѣкоторые вступились за Ришельё; писали, судились передъ публикою и славный *щеголь* Французскаго языка (разумѣется, по тогдашнему времени), Бальзакъ, игралъ оплничную ролю въ семъ важномъ прѣніи: доказательство, что Парижскіе умы издавна промышленуютъ мыльными пузырями! Королева Анна прекратила споръ, велѣвъ стереть Cardinal, и написать Royal. Людовикъ XIV воснизывался въ Пале-Рояль, и наконецъ подарилъ его Герцогу Орлеанскому.

Не буду описывать вамъ наружности сего квадратнаго замка, который безъ всякаго сомнѣнія есть огромнѣйшее зданіе въ Парижѣ, въ которомъ соединены все Ордены Архитектуры; скажу только, что собственно принадлежитъ къ оплчному его характеру. Фамилія Герцога Орлеанскаго занимаетъ самую малую часть главнаго этажа; все остальное посвящено удовольствію публики, или прибытку хозяина. Тутъ спектакли, клубы, концертныя залы, магазины, кофейныя дома, трактиры, лавки; тутъ богатые иностранцы нанимаютъ себѣ комнаты; тутъ живутъ блестящіе первоклассныя Имфы; тутъ глѣздятся и самыя презрительныя. Все, что можно найти въ Парижѣ, (а чего въ Парижѣ найти не лѣзя?) есть въ Пале-Рояль. Тебѣ надобенъ модный

фракъ: поди туда, и надѣнь. Хочешь, чтобы комнаты твои черезъ нѣсколько минутъ были украшены великолепно: поди туда, и все готово. Желаетъ имѣть картины, эстампы лучшихъ мастеровъ, въ рамахъ за стеклами: поди туда, и выбирай. Разныя драгоценныя вещи, серебро, золото, все можно найти за серебро и золото. Скажи, и вдругъ очутишься въ кабинетъ пивоемъ обширная библіотека на всѣхъ языкахъ, въ прекрасныхъ шкапахъ. Однимъ словомъ, приходи въ Пале-Рояль *дикимъ Американцемъ*, и черезъ полчаса будешь одѣтъ наилучшимъ образомъ, можешь имѣть богато-украшенный домъ, экипажъ, множество слугъ, 20 блюдъ на столъ, и ешьли угодно, цвѣтущую Лансу, которая всякую минуту будетъ умирать отъ любви къ тебѣ. Тамъ собраны все лекарства отъ скуки и все сладкія отравы для душевнаго и плѣснаго здоровья, все средства выманивать деньги и мучить безденежныхъ, все способы наслаждаться временемъ и губить его. Можно цѣлую жизнь, и самую долголѣвную, провести въ Пале-Рояль какъ волшебный сонъ, и сказать при смерти: *я все видѣлъ, все узналъ!*

Въ среднѣмъ замкѣ садъ, еще не давно разведенный; и хотя планъ его очень хорошъ, но Парижскіе жители не могутъ забыть густыхъ, свѣсистыхъ деревь, которые прежде тутъ были и вырублены немилосерднымъ Герцогомъ для новыхъ правильныхъ аллей. «Теперь, говорятъ недовольные, одно дерево кли-

«чепь другое, и ни конорое воробья не укро-
«снъ; а прежде — по ли дѣлю? Въ Іюль мѣся-
«цѣ, въ самой жаркой день наслаждались мы
«здѣсь прохладою, какъ въ самомъ дремучемъ,
«дикомъ лѣсу. Славное *Краковское дерево* (*arbre*
«*de Cracovie*) какъ царь возвышалось между дру-
«гими; въ непроницаемой тѣни его собирались
«наши старые Полюшники, и сидя кругомъ, за-
«чапсею лимонада, на деревянномъ кананѣ, со-
«общали другъ другу *газетныя тайны*, глубокія
«знанія, остроумныя догадки. Молодые люди
«приходили слушать ихъ, чинобы послѣ къ
«своимъ родственникамъ въ провинціяхъ на-
«писать: *Такой-то Король скоро объявитъ вой-*
«*ну такому-то Государю. Новость несомнитель-*
«*ная! Мы слышали ее подѣ вѣтвями Краковска-*
«*го дерева.* Тотъ, кто не пощадилъ его, по-
«щадилъ ли какую нибудь святыню? Герцогъ
«Орлеанскій запишетъ имя свое въ испоріи
«какъ Геростратъ: Геній его есть злой духъ
«разрушенія.»

Однакожь новый садъ имѣетъ свои красоты. Зеленые павильоны вокругъ бассейна и липовый храмъ пріятны для глазъ. Всего же пріятнѣе Сиркъ, зданіе удивительное, единственное въ своемъ родѣ: длинный параллелограмъ, занимающій середину сада, украшенный Ионическими колоннами и зеленью, въ которой бѣлѣются мраморныя изображенія великихъ мужей Франціи. Снаружи кажется онъ вамъ низенькою бесѣдкою съ норниками; войдите, и увидите внизу подъ вашими ногами велико-

льниныя залы, галлерей, манежъ; можете сойти нуда по любому крыльцу, и вы будете въ госпяхъ у Короля Гномовъ, въ подземельномъ царствѣ, однакожь не въ темнотѣ; свѣтъ льется на васъ сверху, сквозь большія окна; и вездѣ, въ блестящихъ зеркалахъ, повсюрююп-ся видимые вами предметы. Въ залахъ бываюптъ всякой вечеръ или концерты или балы; освѣщеніе придаетъ внуренности Сирка еще болѣе красоны. Тутъ ко всякой дамѣ, сколько бы брилліанновъ ни сіяло на головѣ ея, можно смѣло подойти, говорить, шутить; ни копорая не разсердится, хотя всѣ очень хорошо играюптъ ролю знапныхъ госножъ. Тутъ же и славные Марижскіе фехтмейстеры показываюптъ свое искусство, которому я нѣсколько разъ удивлялся. — Изъ компаніи Герцога Орлеанскаго сдѣланъ ходъ въ манежъ или, лучше сказать, подземельная дорога, по которой онъ можетъ прѣзжаптъ нуда верьхомъ или въ коляскѣ. Прекрасная перраса, усыпанная цвѣтами, усаженная ароматическими деревьями, составляетъ кровлю зданія, и напоминаетъ вамъ древніе сады Вавилонскіе. Взошедши нуда, гуляете среди цвѣтпиковъ, выше земли, на воздухѣ, въ царствѣ Сильфовъ, и черезъ минушу сходите опяпъ въ глубокія нѣдра земли, въ царство Гномовъ, гдѣ съ пріятностію думаете: «тысячи людей шумяптъ и движутся теперь надъ моею головою.»

Вся нижняя часть Пале-Рояль состоитъ изъ галлерей съ 180 порпиками, которые, бу-

лучи освѣщены реверберами, представляютъ ночью блестящую иллюминацію.

Комнаты, занимаемыя фамилією Герцога Орлеанскаго, украшены богато и со вкусомъ. Тамъ славная картинная галлерей, едва ли уступающая Дрезденской и Дюссельдорфской; кабинетъ Натуральной Исторіи, собраніе Антиковъ, гравированныхъ камней и моделей всякаго рода художественныхъ произведеній, вмѣстѣ съ изображеніемъ всѣхъ ремесленныхъ орудій.

Время кончить мое длинное историческое письмо, и пожелаю вамъ, друзья мои, пріятной ночи.

=

Парижъ, Маіа.... 1790.

Пытливый день молодой Скотъ К*, въ Академіи Надписи и Словесности, имѣлъ щастіе узнать Бартеlemi-Планона.

Меня обѣщали съ нимъ познакомиться; но какъ скоро я увидѣлъ его, то, слѣдуя первому движенію, подошелъ и сказалъ ему: «Я Русской; очинялъ Анахарсиса; умью восхищаться твоимъ великихъ, безсмертныхъ талантовъ. И такъ, хотя въ нескладныхъ словахъ, приношу жертву моего глубокаго почтенія!» — Онъ вспалъ съ креселъ, взялъ мою руку, ла-

сковымъ взоромъ предувѣдомилъ меня о своемъ благорасположеніи, и наконецъ оповѣчалъ: я радъ вашему знакомству; люблю Стыверъ, и герой, мною избранный, вамъ не чужой. — «Мнѣ хотѣлось бы имѣть съ нимъ какое нибудь сходство. Я въ Академіи: Платонъ передо мною; но имя мое не такъ извѣстно, какъ имя Анахарсиса *.» — Вы молоды, путешествоуете, и конечно для того, чтобы украсить вашъ разумъ познаніями: дозволю сходства! — «Будетъ еще болѣе, если вы позволите мнѣ иногда видѣть и слушаю васъ, съ любовнымъ умомъ, съ ревностнымъ желаніемъ образованъ вкусъ свой наставленіями великаго писателя. Я не поѣду въ Грецію: она въ вашемъ кабинетѣ.» — Жаль, что вы пріѣхали къ намъ въ такое время, когда Аполлона и Музъ наряжаемъ мы въ національный мундиръ! Однакожь дайте мнѣ случай видѣться съ вами. Теперь вы услышите мое разсужденіе о Самаританскихъ медаляхъ и легендахъ; оно покажется вамъ скучно, comme de raison; извините: мои товарищи займутъ васъ пріятнымъ образомъ. — Между тѣмъ засѣданіе Академіи открылось. Бартелеми сѣлъ на свое мѣсто; онъ старшій въ Академіи, le Doyen. Въ собраніи было около 50 человекъ, да столько же зрителей—не болѣе. Въ самомъ дѣлѣ диссертація

* Анахарсисъ, пріѣхавъ въ Афины, нашелъ Платона въ Академіи. Il me reçut, говоритъ молодой Сократъ, avec autant de politesse que de simplicité, et me fit un si bel éloge du philosophe Anacharsis, dont je descends, que je rougissois de porter le même nom. — Anach. vol. 2. ch. VII.

Аббата Бартелеми, въ копорой дѣлю шло о медаляхъ Іонаѳановыхъ, Анпингоновыхъ, Симеоновыхъ, не могла занимать меня; за то мало слушая, я много смотрѣлъ на Бартелеми. Совершенный Вольперъ, какъ его изображаютъ на портретахъ! высокой, худой, съ пронзательнымъ взоромъ, съ тонкою Аѳинскою усмѣшкою. Ему гораздо болѣе 70 лѣтъ; но голосъ его пріятенъ, сипанъ прямъ, всѣ движенія скоры и живы. Слѣдственно онъ ученыхъ трудовъ люди не спарыюшея. Не сидячая, но бурная жизнь спрасней неспринтъ морщинами лице наше. Бартелеми чувствовалъ въ жизни только одну спрасть; любовь ко славѣ, и силою Философiи своею умѣрялъ ее. Подобно безсмертному Монинескѣ онъ былъ еще *влюбленъ съ дружбу*, имѣлъ щасіе доказать великодушную свою привязанность къ изгнанному Министру Шуазёлю, и дѣлилъ съ нимъ скуку уединенія. Ему и супругъ его, подъ именемъ Арсама и Федимы, приписалъ онъ Анахариса такъ мило и ирогашельно, говоря: «Сколько «разъ имя ваше гоново было изъ глубины моего сердца излилось на бумагу! Сколь лучезарно сіяло оно передо мною, когда мнѣ надлежало описывать какое нибудь великое свойство души, благодѣанія, признашельность! «Вы имѣете право на сію книгу: я сочинялъ ее въ нѣхъ мѣснахъ, копорыя всего болѣе украшались вами; и хотя кончить оную далеко отъ Нерсiи, но въ глазахъ вашихъ: ибо «воспоминаніе минуиъ, съ вами проведенныхъ,

«никогда не можешь заглядиться. Оно соспавишь щаснїе остальныхъ дней моихъ; а по смерни желаю единственно того, чинобы на гробъ моемъ глубоко върѣзали слова: онъ заслужилъ благосклонность Арсамы и Федины!»

Тутъ же узналъ я Левека, Автора *Россійской Исторіи*, которая хотя имѣетъ много недоснашковъ, однакожь лучше всѣхъ другихъ. Больно, но должно по справедливости сказать, что у насъ до сего времени нѣтъ хорошей Россійской Исторіи, то есть, писанной съ философскимъ умомъ, съ крѣпкою, съ благороднымъ краснорѣчіемъ. Тацитъ, Юмъ, Робертсонъ, Гиббонъ — вотъ образцы! Говорятъ, что наша Исторія сама по себѣ меньше другихъ занимательна: не думаю; нуженъ только умъ, вкусъ, талантъ. Можно выбрать, одушевить, раскрасить; и читатель удивится, какъ изъ Песнера, Пикона и проч. могло выйти нѣчто привлекательное, сильное, достойное вниманія не только Русскихъ, но и чужестранцевъ. Родословная Князей, ихъ ссоры, междоусобіе, набѣги Половцевъ, не очень любопытны: соглашусь; но за чѣмъ наполнять ими цѣлыя томы? Что не важно, то сократить, какъ сдѣлалъ Юмъ въ Англійской Исторіи; но всѣ черты, которыя означаютъ свойство народа Русскаго, характеръ древнихъ нашихъ Героевъ, опмѣнныхъ людей, происшествія дѣйствительно любопытныя описать живо, разнообразно. У насъ былъ свой Карлъ Великій: Владиміръ — свой Лудовикъ XI: Царь Іоаннъ — свой

Кромвель: Годуновъ — и еще такой Государь, которому нигдѣ не было подобныхъ: Петръ Великій. Время ихъ правленія составляетъ важнѣйшія эпохи въ нашей Исторіи, и даже въ Исторіи человѣчества; его-то надобно представить въ живописи, а прочее можно описать, но такъ, какъ дѣлалъ свои рисунки Рафаэль или Микель-Анжелю. — Левекъ, какъ Писатель, не безъ дарованія, не безъ достоинствъ; соображаетъ довольно хорошо, рассказываетъ довольно складно, судитъ довольно справедливо; но кисть его слаба, краски не живы; слогу правильнѣй, логическѣй, но не быстрой. Къ тому же Россія не мать ему; не наша кровь печетъ въ его жилахъ: можетъ ли онъ говорить о Русскихъ съ такимъ чувствомъ, какъ Русской? Всего же болѣе не люблю его за то, что онъ унижаетъ Петра Великаго, естъли посредственный Французскій Писатель можетъ унижить нашего славнаго Монарха, говоря: *on lui a peut-être refusé avec raison le titre d'homme de Génie, puisque, en voulant former sa nation, il n'a su qu'imiter les autres peuples* *. Я слыжалъ такое мнѣніе даже отъ Русскихъ, и никогда не могъ слышать безъ досады. Путь образованія или просвѣщенія одинъ для народовъ; всѣ они идутъ имъ въ слѣдъ другъ за другомъ. Иностранцы были умнѣе Русскихъ: и такъ надлежало отъ нихъ

* То есть: «Его, можетъ быть, по справедливости не хотѣли называть великимъ умомъ: ибо онъ, желая образованъ народъ свой, только что подражалъ другимъ народамъ.»

заимствовать, учиться, пользоваться ихъ опытами. Благоразумно ли искать, что сыскано? Лучше ли бѣ было Русскимъ не строить кораблей, не образовать регулярнаго войска, не заводить Академій, фабрикъ, для того, что все это не Русскими выдуманно? Какой народъ не перенималъ у другаго? и не должно ли *сравняться, чтобы превзойти?* «Однакожь, говорятъ, на что подражать рабски? на что перенимать вещи, совсѣмъ ненужныя? Какія же? Ръчь идетъ, думаю, о плащѣ и бородѣ. Петръ Великій одѣлъ насъ по-Нѣмецки для того, что такъ удобнѣе; обрилъ намъ бороды для того, что такъ и покойнѣе и пріятнѣе. Длинное плащье не ловко, мѣшася ходить.... «Но въ немъ теплѣе!....» У насъ есть шубы.... «За чемъ же имѣшь два плащья?...» За тѣмъ, что нѣтъ способа быть въ одномъ на улицѣ, гдѣ 20 градусовъ мороза, и въ комнатѣ, гдѣ 20 градусовъ тепла. Борода же принадлежитъ къ состоянію дикаго человека; не брить ее по же, что не стричь ногтей. Она закрываетъ отъ холоду только малую часть лица: сколько же неудобности лѣтомъ, въ сильной жарѣ! сколько неудобности и зимою, носить на лицѣ иней, снѣгъ и сосульки! Не лучше ли имѣть муфшу, которая грѣетъ не одну бороду, но все лицо? Избрать во всемъ лучшее, есть дѣйствіе ума просвѣщеннаго; а Петръ Великій хотѣлъ просвѣтити умъ во всѣхъ отношеніяхъ. Монархъ объявилъ войну нашимъ стариннымъ обыкновеніямъ во первыхъ для

того, что они были грубы, недостойны своего вѣка; во вторыхъ и для того, что они пренебрегали введенію другихъ, еще важнѣйшихъ и полезнѣйшихъ иностранныхъ новосней. Надлежало, такъ сказать, свернуть голову закоренѣлому Русскому упрямству, чтобы сдѣлать насъ гибкими, способными учиться и перенимать. Если бы Петръ родился Государемъ какого нибудь оспрова, удаленнаго отъ всякаго сообщенія съ другими государствами, то онъ въ природномъ великомъ умѣ своемъ нашелъ бы источникъ полезныхъ изобрѣненій и новосней для блага подданныхъ; но рожденный въ Европѣ, гдѣ цвѣли уже Искусства и Науки во всѣхъ земляхъ, кроме Русской, онъ долженъ былъ только разорвать завѣсу, которая скрывала отъ насъ успѣхи разума человѣческаго, и сказать намъ: «смирись, сравняйся съ ними, и попомъ, если можешь, превзойдешь ихъ!» Немцы, Французы, Англичане, были впереди Русскихъ по крайней мѣрѣ неснью вѣками: Петръ двинулъ насъ своею мощною рукою, и мы въ нѣсколько лѣтъ почти догнали ихъ. Въ жалкія *Іереміады* объ измѣненіи Русскаго характера, о пошрѣ Русской нравственной физіогноміи, или не чиню иное какъ шушка, или просходятъ отъ недостанка въ основательномъ размышленіи. Мы не таковы, какъ брадашые предки наши: нѣтъ лучше! Грубость наружная и внутренняя, невѣжество, праздность, скука, были ихъ долею и въ самомъ высшемъ сосне-

лиіи: для насъ открышы весь пути къ утопченію разума и къ благороднымъ душевнымъ удовольствіямъ. Все народное ничио передъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не Славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для Русскихъ; и что Англичане или Нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды чловѣка, то мое, ибо я чловѣкъ! Еще другое спрашное мнѣніе. Il est probable, говорятъ Левекъ, que si Pierre n'avoit pas régné, les Russes seroient aujourd'hui ce qu'ils sont; то есмь: хотя бы Петръ Великій и не училъ насъ, мы бы выучились! Какимъ же образомъ? сами собою? но сколько трудовъ сполно Монарху побдишь наше упорство въ невѣжествѣ! Слѣдственно Русскіе не расположены, не готовы были просвѣщаться. При Царѣ Алексѣ Михайловичѣ жили многіе иностранцы въ Москвѣ, но не имѣли никакого вліянія на Русскихъ, не имѣвъ съ ними почти никакого обхожденія. Молодые люди, тогдашніе францы, кашались иногда въ саняхъ по Нѣмецкой слободѣ, и за то считались вольнодумцами. Одна только ревностная, дѣлительная воля и безпредѣльная власнь Царя Русскаго могла произвести такую внезапную, быструю перемѣну. Сообщеніе наше съ другими Европейскими землями было очень не свободно и затруднительно; ихъ просвѣщеніе могло дѣйствовать на Россію только слабо; и въ два вѣка по естественному, непринужденному ходу вещей, едва ли сдѣлалось бы что, что Государь нашъ сдѣлалъ въ 20 лѣтъ. Какъ

Спарта безъ Ликурга, такъ Россія безъ Петра не могла бы прославиться.

Между тѣмъ, друзья мои, вы все еще сидите со мною въ Академіи Надписей. Читали разсужденіе о Греческой живописи, похвальное слово одному изъ умершихъ Членовъ; и я замѣнилъ то же, что нѣсколько разъ замѣчалъ въ спектакляхъ: ни одна хорошая мысль, ни одно щастливое выраженіе не укрывается опъ тонкаго вкуса здѣшней Публики — *браво!* и рукоплесканіе. Всего болѣе нравятся здѣсь правдивѣнныя мысли или *sentences*, иногда самыя обыкновенныя. На примѣръ, въ похвальномъ словѣ умершему, Авторъ сказалъ: «Вопнѣ «доказательство, что нѣжныя души предпо- «читающъ тихое удовольствіе совѣсти шум- «нымъ успѣхамъ честолюбія!» и всѣ слуша- тели захлопали. — Засѣданіе кончилось пред- ложеніемъ задачъ для Антикваріевъ. Надобно было познакомиться съ Гм. Левекомъ и ска- зать ему комплиментъ на счетъ его добраго мнѣнія о Русскихъ, у которыхъ онъ, по своей благосклонности, не опшмаетъ природнаго ума, ни способности къ Наукамъ. Бартеlemi подарилъ меня еще двумя учиввыми фразами, и мы расстались какъ знакомые.

И видѣть Автора прекрасныхъ сказокъ, который въ самомъ, кажется, легкомъ, въ самомъ обыкновенномъ родѣ сочиненій, умѣетъ быть единственныиъ, неподражаемымъ: Мармонтеля. Не довольно видѣнь, надобно его узнать короче; надобно поговорить съ нимъ о щасливыхъ временахъ Французской Императоруры, которыя прошли и не возвращаются! Въѣхъ Вольперовъ, Жанъ-Жаковъ, Энциклопедін, Духа Законовъ, не уснунаетъ въѣху Расина, Буало, Ла-Фонтена; и въ домъ Г-жи Неккеръ, Барона Ольбаха, шипили споль же оспиромно, какъ въ домъ Шюоны Ланкло. Физиогномія Мармонтелева очень привлекательна; шонъ его доказываеиъ, что онъ жиетъ въ лучшемъ Парижскомъ обществѣ. Вообразите же, что одинъ Нѣмецкій Романистъ, котораго имени не помню, въ журналъ своего путешествія описываеиъ его почти мужикомъ, по естъ, самымъ грубымъ челоѣкомъ! Какъ вран могутъ быть нахальны; — Мармонтелю болѣе шеснидесяти лѣтъ; онъ женился на молодой красавицѣ, и живеиъ съ нею щасливо въ сельскомъ уединеніи, изрѣдка заглядывая въ Парижъ. — Лагарпъ, въ улицѣ Генеге, мой сосѣдъ. Талантъ, слогу, вкусу и критика его давно награждены всеобщимъ уваженіемъ. Онъ лучший Трагикъ послѣ Вольтера. Въ швореніяхъ его мало огня, чувственности, воображенія, но стихи все хороши, и много сильныхъ. Теперь занимается онъ литературною частію Французскаго Меркурія, вмѣстѣ съ

Шанфоромъ, также Членомъ Академіи. — Мерсье и Флоріанъ въ Парижъ; но мнѣ по сіе время не удалось ихъ видѣть.

Парижъ Мая....

Бывшая актриса Девье, актриса посредственная, но прелестница славная, упражнясь лѣтъ двадцать въ доходномъ своемъ искусствѣ, и наживъ миллионы, вздумала построить такой домъ, который обратилъ бы на себя вниманіе Парижа. Чего хотѣла, то и сдѣлалось. Сей домъ смонтировать все какъ диво. Надо было имѣть билетъ, чтобы видѣть его. Господинъ П*, мой землякъ, доставилъ мнѣ это удовольствіе. Что за комнаты! что за приборы! Живопись, бронза, мраморъ, дерево: все блистаетъ, привлекаетъ глаза. Домъ не великъ; но Умъ чертилъ планъ его, Искусство было архитекторомъ, Вкусъ украшалъ, а Богатство выдавало деньги. Тутъ нѣтъ ничего *не-прекраснаго*; и съ прекраснымъ для глазъ вездѣ соединена удобность или ловкость для употребленія. Пройдя комнаты нѣтъ, вошли мы во святилище — въ спальню, гдѣ живопись изобразила на стѣнахъ Геракла, спящаго на колыбяхъ передъ Омфалою; нѣтъ ни шестъ Эрошъ, вѣдущихъ верхомъ на его на-

лицъ; Армиду, которая смопрится въ зеркало, гораздо болѣе восхищаясь своею красою, нежели обожаніемъ сидящаго подлѣ нее Ринальда; Венеру, которая, снявъ съ себя поясъ, подастъ его.... не видно кому, но вѣрно хозяйкѣ. Глаза щупъ.... догадаетесь, чего. Ложе удовольствій, осыпанное неувядаемыми, то есть, искусственными розами безъ шиповъ, возвышаемая на нѣсколькихъ ступеняхъ; шупъ безъ сомнѣнія всякой Адонисъ долженъ преклонять колѣна свои. Позади спальни, въ небольшой залѣ, сдѣланъ мраморный бассейнъ для купанья, а вверху хоры для музыкантовъ, чтобы красавица, слушая гармоническую игру ихъ, могла въ шакитъ полюскапья. Изъ сей комнаты дверь въ Гесперидской садъ, гдѣ все тропички опущены цвѣтами; гдѣ все деревья осыная благоухаютъ. Лужки и лѣсочки живописные; кажешся, будто всякая травка и всякой листокъ выбраны изъ тысячи. Дорожки извиваясь приводятъ васъ къ мшистой скалѣ, къ дикому грому, гдѣ чашаеи надпись: *Искусство ведетъ къ Патуръ*; она дружески подаетъ ему руку; а въ другомъ мѣстѣ: *Здѣсь я наслаждаюсь задумчивостію*. Молодой Англичанинъ, который былъ съ нами, взглянувъ на послѣднюю надпись, сказалъ: grimace. grimace. Mademoiselle Dervieux! — Хозяйка живепъ во второмъ этажѣ, который мы также осматривали, и гдѣ комнаты хотя со вкусомъ прибраны, однакожъ не имѣютъ очаровательности перваго. Я любознательствовалъ видѣть Нимфу; но ей угодно было играть

ролю невидимки. На диванъ лежалъ корсетъ, доказательство ея тонкаго стана, чепчикъ съ розовыми лентами и черепаховой гребень. Зеленый пафляный занавѣсъ опдѣлялъ опть насъ славу преиспичу; но мы не смѣли опдернушь его.

Новая Нинонъ вздумала продавати волшебный свой храмъ. Одинъ богатый Американецъ, изъ числа ея любимцевъ, покупаетъ его за половину цѣны, за 600,000 ливровъ, съ шѣмъ намѣреніемъ, какъ сказываютъ, чинобы за ужикомъ, который онъ хотентъ данъ въ новокупленномъ домѣ, подарить его прежней хозяйкѣ. Взоръ благодарнаго удивленія долженъ бытъ наградой Американца.

А к а д е м і и.

Работати соединенными силами, съ однимъ намѣреніемъ, по лучшему плану, еснъ предметъ всѣхъ Академій. Выдумка благословенная для пользы Наукъ, Искусствъ и всѣхъ людей! Пріятная мысль бытъ участникомъ въ доспихвалныхъ трудахъ, соревнованіе между Членами, нераздѣлимость общей славы съ личною, взаимное усердное вспоможеніе, окрыляютъ разумъ человѣческій. Надобно опдани справедливости Парижскимъ Академіямъ: онъ были

всегда трудолюбивѣе и полезнѣе другихъ ученыхъ обществъ.

Собственно такъ называемая *Французская Академія*, учрежденная Кардиналомъ Ришельё для обогащенія Французскаго языка, утверждена Парламентомъ и Королемъ. Девизъ ея: *Безсмертію!* Жаль, что она обязана быніемъ своимъ такому жестокому Министру! Жаль, что всякой новый Членъ при вступленіи своемъ долженъ хвалить его! Жаль, что половина Членовъ состоятъ изъ людей едва не безграмотныхъ, для того единственно, что они знашныя! Такіе Академики, ни мало не возвышая себя ученымъ титуломъ, унижаютъ только Академію. *Всякой знай свое мѣсто и дѣло*, есть мудрое правило, но рѣже всего исполняемое. Правда, что *Господа-сорокъ*, *mes-sieurs les quarante* *, наблюдають въ своихъ засѣданіяхъ точное равенство. Прежде все они сидѣли на стульяхъ; одинъ изъ знашныхъ Членовъ потребовалъ для себя кресло: чтожь сдѣлали другіе? сами сѣли на кресла. *C'est toujours quelque chose*. Главный плодъ сего Академическаго дерева есть *Лексиконъ Французскаго языка*, чисшый, правильшый, снрогій, но не полшый, такъ что въ первомъ изданіи господа Члены забыли даже слово *Академія*! На примѣръ, *Англійскій Лексиконъ Джонсоновъ* и *Нѣмецкій Аделунговъ* гораздо совершеннѣе Французскаго. Вольперъ болѣе всѣхъ чувствоваль

* Ихъ всегда 40, ни болѣе, ни менѣе.

недостатки его, хотѣть дополнить, украсить; но смѣль помѣшала *. Академія занималась и критикою, только рѣдко и мало; въ угожденіе своему основателю Ринельё доказывала, что Корнелевъ *Сидъ* не достоинъ славы; но Парижскіе любители Театра, на зло ей, шѣмъ болѣе хвалили *Сида*. Она могла бы конечно быть гораздо полезнѣе, издавая на примѣръ *Журналъ* для критики и Словесности: чего бы не произвели соединенныя труды лучшихъ Писателей? Однакожь польза ея не сомнительна. Множество хорошихъ піесъ написано для славы быши Членомъ Академіи, или заслуживши ея хвалу. Всякой годъ избираетъ она два предмета для Стихотворства и Краснорѣчія, вызываютъ всѣхъ Авторовъ обрабатывать ихъ, въ день Св. Лудовика торжественно объявляютъ, кто побѣдилъ, чье твореніе достойно награды, и раздаетъ золотыя медали. Спрашивается, для чего Ла-Фонтенъ, Мольеръ, Жанъ-Батистъ, Жанъ-Жакъ Руссо, Дидрошъ, Доранъ и многіе другіе достойные Писатели не были ея Членами? Оправдъ: гдѣ люди, тамъ пристрастіе и зависть; иногда славнѣе не быть, нежели быши Академикомъ. Испинцыя дарованія не оспаются безъ награды: есть публика, есть пономешво. Главное дѣло не *получать*, а *заслуживать*. Не *Писатели*, а ма-

* Осироумный Ривароль давно обѣщаетъ новый Философическій Словарь языка своего; но чрезмѣрная лѣность, какъ сказываютъ, мѣшаетъ ему исполнить обѣщаніе.

ратели всего болѣе сердятся за то, что имъ не дають паиентовъ. Французская Академія, боясь, чтобы кто нибудь изъ Авторовъ не оскорбилъ ее гордости и не вздумалъ ошвергнуть предлагаемаго ею паиента, утвердила закономъ выбирать въ Члены единственно тѣхъ, которые сами запишутся въ кандидаты. Злѣйшій непріятель ее былъ Пиронъ. Извѣстна его насмѣшка: *messieurs ces quarante ont de l'esprit comme quatre*, и забавная эпитафія:

Ci-git Piron; il ne fut rien,
Pas même Académicien.

Но вопиъ что дѣлаетъ честь Академіи: въ залѣ ея, между многими изображеніями славныхъ Авторовъ, стоитъ Пироновъ бюстъ! Мщеніе великодушное!

Академія Наукъ учреждена Людовикомъ XIV, состоящиъ изъ 70 Членовъ, и занимается Физикою, Астрономіею, Математикою, Химіею, стараясь открывать новое, или доводитъ до совершенства извѣстное, по девизу: *invenit et perfecit*. Каждый годъ выдаетъ она большой помъ сочиненій своихъ, полезныхъ для Ученаго, пріятныхъ для любопытнаго. Они составляютъ подробнѣйшую Исторію Наукъ со времени Людовика XIV. Иностранцы считаютъ за великую славу быть Членами Парижской Академіи; число ихъ опредѣлено закономъ: 8, не болѣе. Нигдѣ нѣтъ теперь такихъ Астрономовъ и Химиковъ, какъ въ Парижѣ. Нѣмец-

кій Ученый снимаетъ колпакъ, говоря о Лаландѣ и Лавуазье. Первый, забывая все земное, болѣе 40 лѣтъ безпрестанно занимается небеснымъ, и открылъ множество новыхъ звѣздъ. Онъ есть Талесъ нашего времени, и прекрасную эпитафію Греческаго мудреца * можно будетъ вырѣзать на его гробъ:

Когда онъ спросилъ Талесовъ взоръ занялся;
Когда уже и звѣздъ не могъ онъ различить,
Мудрецъ на небо переселился,
Чтобъ къ нимъ поближе быть.

Кромѣ своей учености, Лаландъ любезенъ, живъ, веселъ какъ самый любезнѣйшій молодой Французъ. Онъ воспитываетъ дочь свою также совершенно для неба, учитъ Математику, Астрономію, и въ шутку называетъ Уранією; ведетъ переписку со всеми знаменитыми Астрономами Европы, и съ великимъ уваженіемъ говоритъ о Берлинцѣ Боде. — Лавуазье есть Геній Химіи, обогатилъ ее безчисленными открытіями, и (что всего важнѣе) полезными для жизни, для всѣхъ людей. Бывъ передъ Революціею Генеральнымъ Опкунищикомъ, имѣетъ конечно не одинъ милліонъ; но богатство не прохлаждаетъ ревностной любви его къ Наукамъ: оно служитъ ему только средствомъ къ размноженію ихъ благошворныхъ дѣйствій. Химическіе опыты пребудутъ иногда большихъ издержекъ: Лавуазье ничего не жалѣетъ; а

* Смолл. Діогена Лаэртія въ жизни Талеса.

сверхъ того любятъ дѣлаться съ бѣдными: одною рукою обнимають ихъ какъ братьевъ, а другою кладутъ имъ кошелекъ въ карманъ. Его сравниваютъ съ Гельвеціемъ, который также былъ Генеральнымъ Оппозиціонникомъ, также любилъ Науки и благотворительность; но Философія послѣдняго не сполнитъ Химіи перваго. Товарищъ мой Беккеръ не можетъ безъ восхищенія говорить о Лавуазье, который дружески обласкалъ его, слыша, что онъ ученикъ Берлинскаго Химика Клапрона. Я всегда готовъ плакать отъ сердечнаго удовольствія, видя, какъ Науки соединяютъ людей, живущихъ на Сѣверъ и Югъ; какъ они, безъ личнаго знакомства, любятъ, уважаютъ другъ друга. Что ни говорятъ Мизософы, а Науки святое дѣло! — Слава Лавуазьерова приспрастала многихъ здѣшнихъ дамъ къ Химіи, такъ что года за два передъ симъ красавицы любили изъяснять нѣжныя движенія сердецъ своихъ химическими операціями. — Бальи есть также одинъ изъ знаменитыхъ Членовъ Академіи, и болѣе всего прославилъ себя Испоріею Древней и Новой Астрономіи. Жаль, что онъ вдался въ Революцію, и мирную минину кабинета промѣнялъ бытъ на эшафотъ *!

Академія Надписей и Словесности учреждена также Людовикомъ XIV, и болѣе сподвигла ревностно приудинся для обогащенія Исторической Литтературы; нравы, обыкновенія,

* Лавуазье и Бальи умерщвлены Робеспьеромъ.

монументны древности, соснавляютъ предметъ
ся любопытныхъ изысканій. Она по сіе время
выдала болѣе 40 томовъ, которые можно на-
звать золотою миною Исторіи. Вы не знаете,
что были Египтяне, Персы, Греки, Римляне,
еслили не читали Записокъ Академіи; читая
ихъ, живете съ Древними; видите, кажутся,
все ихъ движенія, малѣйшія подробности до-
машней жизни въ Аѳинахъ, въ Римъ и проч.
Девизъ Академіи есть Муза Исторіи, которая
въ правой рукѣ держитъ лавровый вѣнокъ, а
лѣвою указываетъ вдали на пирамиду, съ над-
писью: *не даетъ умирать, vetat mori.*

Наименую вамъ еще Академію Живописи,
Ваянія, Архитектуры, которыя все помѣще-
ны въ Лувръ, и все доказываютъ любовь къ
Наукамъ Людовика XIV, или великаго Мини-
стра его Кольберта.

Парижъ, Мая...

Пытливый день — угадайте, что я осма-
тривалъ? Парижскія улицы; разумеется, гдѣ
что нибудь случилось, было или есть примѣ-
чанія достойное. Забывъ взять съ собою планъ
Парижа, который бы всего лучше могъ быть
моимъ путеводителемъ, я спрашивалъ обра-
зомъ кружилъ по городу, и въ скверныхъ фѳа-

крахъ цѣлый день провздалъ. Въ 10 часовъ упра началось мое путешествіе. Кучеру данъ былъ приказъ везти меня — къ *источнику любви*. Онъ не чиналъ Сенш-Фуа, слѣдственно не понималъ меня, но хотѣлъ угадать и не угадывалъ. Надлежало сказать янзе: *Eh bien, dans la rue de la Truanderie!* — «*A la bonne heure. Vous autres étrangers, vous ne dites le mot propre qu'à la fin de la phrase!*» — И такъ мы очиравились въ Трюандери. Вотъ анекдотъ:

Агнеса Геллебикъ, прекрасная молодая дѣвушка, дочь главнаго Конюшаго при Дворѣ Филиппа Августа, любила и страдала. Онъ Парижа далеко до мыса Левкадекаго: что же дѣлать? бросишься въ колодезь на улицѣ Трюандери, и концемъ дней своихъ прекратишь любовную муку. Лѣтъ черезъ 500 послѣ того другой случай. Одинъ молодой человекъ, приведенный въ очичаніе жестокостію своею богини, также бросился въ этотъ колодезь, но весьма осторожно и весьма щасливо: не ушонулъ, не зашибся; и красавица, свѣдавъ, что ея любовникъ сидитъ въ водѣ, прилепѣла на крыльяхъ Зефира, спустила къ нему веревку, вытащила рыцаря, наградила его своею любовію, сердцемъ и рукою. Желая изъявить благодарность колодезю, онъ переспроилъ его, украсилъ, и готическими буквами написалъ:

L'amour m'a refait
En 1525 tout à fait.
Въ 1525 году вновь
Меня перестроила Любовь.

Весь Парижъ узналъ о семъ происшествіи. Молодые люди и дѣвушки, начали тамъ сходиться при свѣтѣ луны, пѣли пѣжныя пѣсни, плясали, увѣряли другъ друга въ любви, и коюдезь обратились въ жернивенникъ Эрошовъ. Наконецъ одинъ славный проповѣдникъ тогдашняго времени съ великимъ жаромъ представилъ родинекамъ возможные слѣдствія такихъ сходбищъ, и набожные люди немедленно засыпали источникъ любви. Показывающъ мѣсто его: пусть выпилъ я спаканъ Сенской воды, оспашками оросилъ землю и сказать: à l'amour! въ жертву Венерѣ — Ураніи.

Пыльщяя Пасильонная улица называлась прежде именемъ Діаны, не Греческой богини, а прекрасной, милой Діаны дю-Пуансье, копорую знаю и люблю по запискамъ Бранпома. Она имѣла все прелестни женскія, до самой старости сохранила свѣжестъ красоты своей, и владела сердцемъ Генриха II. Ростъ Минервинъ, гордый видъ Юноны, походка величественная, темно-русые волосы, копорые до земли доспавали; глаза черные огненные; лице пѣжное лилейное, съ двумя розами на щекахъ; грудь Венеры Медицинской, и, что еще милѣе, чувствительное сердце и просвѣщенный умъ: вотъ ея портретъ! Король хотѣлъ, чтобы Парламентны шоржесивенно признали дочь ея законною его дочерью: Діана сказала: «Имѣвъ право «на твою руку, я иребовала единсвенно «твоего сердца, для того, что любила тебя; «но никогда не соглашусь, чтобы Парламентъ

«объявилъ меня своею наложницею.» — Генрихъ слушалъ ее во всемъ и дѣлалъ только хорошее. Она любила Науки, Поэзію, и была Музою остроумнаго Маро. Городъ Ліонъ посвящалъ ей медаль съ надписью: *Omnium victorem vici* *. «Я видѣлъ Діану шестидесяти лѣтъ стѣпъ, говоришь Бранномъ, и не могъ надивнись чудесной красотою ея; всѣ прелестны сіяли еще на лицѣ сей рѣдкой женщины.» Какая изъ пышныхъ красавицъ не позавидуетъ Діанѣ? Имъ осмеленъ слѣдовать образу ея жизни. Она всякой день вснавала въ шесть часовъ, умывалась самою холодною ключевою водою, не знала припираний, никогда не румянилась, часно ѣздила верхомъ, ходила, занималась чтеніемъ и не шерила праздности. Вотъ рецептъ для сохраненія красоты! — Діана погребена въ Лионѣ; не имѣя надежды видѣть могилу ея, я бросилъ цвѣшокъ на помѣсто, гдѣ жила прелестная.

Въ улицѣ писателей или конистовъ (*des écrivains*) хотѣлъ я видѣть домъ, гдѣ въ 14 вѣкѣ жилъ Николай Фламель съ женою своею Перниліею, и гдѣ еще по сіе время на большомъ камнѣ видны ихъ рѣзныя изображенія, окруженныя гонимскими надписями и гіероглифами. Вы не знаете, кто былъ Николай Фламель: не правда ли? Онъ былъ не что иное, какъ бѣдный конистъ; но вдругъ, къ общему удивленію, сдѣлался благошворителемъ немум-

* Я победила побѣдителя всѣхъ.

щихъ, и началъ сыпать деньги на бѣдныхъ отцовъ семейства, на вдовъ и сиротъ; завелъ больницы, выстроилъ нѣсколько церквей. Пошли въ городъ разные толки: одни говорили, что Фламель нашелъ кладъ; другіе думали, что онъ знаетъ тайну философскаго камня и дѣлаешь золото; иные подозрѣвали даже, что онъ водится съ Духами; а нѣкоторые утверждали, что причиною богатства его есть тайная связь съ Жидами, выгнанными тогда изъ Франціи. Фламель умеръ, не рѣшивъ спора. Черезъ нѣсколько лѣтъ любопытные вздумали рыть землю въ его погребѣ, и нашли множество угольевъ, разныхъ сосудовъ, урнъ, съ какимъ-то жеспкимъ, минеральнымъ веществомъ. Алхимическое суетвріе обрадовалось новому лучу безумной надежды, и многіе, желая разбогатѣть подобно Фламелью, превратили въ дымъ свое имѣніе. Прошло нѣсколько вѣковъ: Исторія его была уже забыта; но Павелъ Люкасъ, славный путешественникъ, славный лжецъ, возобновилъ ее слѣдующею сказкою. Будучи въ Азіи, познакомился онъ съ однимъ Дервишемъ, который говорилъ *всѣми* языками, казался молодымъ человекомъ, а прожилъ на свѣтѣ болѣе ста лѣтъ. «Сей Дервишъ,» говорилъ Люкасъ, «увѣрилъ меня, что Николай «Фламель еще живъ; что онъ, боясь сидѣть въ тюрьмѣ за тайну философскаго камня, «вздумалъ скрыться; подкупилъ Доктора и «приходскаго священника, чтобы они разгласили о его смерти, а самъ ушелъ изъ Фран-

«ціи. Съ того времени, сказали мнѣ Дервишъ,
«Николай Фламельъ и жена его Пернилія ведутъ
«философскую жизнь въ разныхъ частяхъ свѣ-
«та; онъ сердечный другъ мой, и я недавно
«видѣлся съ нимъ на берегу Гангеса.» — Уди-
вительно не то, что Павелъ Люкасъ выдумалъ
романъ, а то, что Людовикъ XIV посылалъ
такого человѣка спрашивать для обогаще-
нія Наукъ историческими свѣдѣніями. — Я спо-
ялъ нѣсколько минутъ передъ домомъ Фламе-
ля, копалъ въ землѣ своею пиротью, но не
нашелъ ничего, кромѣ камней совсѣмъ не фи-
лософскихъ.

Я не хотѣлъ бы жить въ улицѣ Ферронери:
какое ужасное воспоминаніе! Тамъ Генрихъ IV
палъ онъ руки злодѣя — *seul roi de qui le peuple*
ait gardé la mémoire, говоритъ Вольперъ. Герой
великодушный, Царь благошворительный! ны
завоевалъ не чужое, а свое государство, и
единственно для щастія завоеванныхъ! — Сло-
ва незабвенныя, простыя, но сильныя: я не
хочу умереть безъ того, чтобы всякой крестья-
нинъ въ Королевствѣ моемъ не пѣлъ крестицы по
Воскресеньямъ! и другія, сказанныя имъ Ги-
шпанскому Министру: *Вы не узнаете Парижа:*
мудрено ли? Отецъ семейства былъ прежде въ
отлучкѣ; теперь онъ дома, и печется о своихъ
дѣтяхъ! — Въ бѣдствіяхъ образовалась душа
Генрихова; въ собственномъ несчастіи научился
онъ дорожить щастіемъ другихъ людей и дру-
жбою, которая раждается и порожествуетъ
въ бурныя времена. Онъ былъ любимъ! Нѣко-

иные изъ добрыхъ Французовъ отъ горести послѣдовали за нимъ во гробъ; между прочими ле-Викъ, Парижской Губернаторъ. — Кучеръ мой оспановился и кричалъ: «ваша улица де-ла-Ферронери!» *Итъ*, ошвѣчалъ я: *ступай да-лье!* И боялся выйти и спускаться на эту землю, которая не провалилась подъ гнуснымъ Равальякомъ.

Улица храма, rue du Temple. напомнила бѣдственный жребій славнаго Ордена Тамплиеровъ, которые въ бѣдѣ были смиренны, храбры и великодушны; разбогачивъ, возгордились и вели жизнь роскошную. Филиппъ Прекрасный (но только не душою), и Пана Климентъ V, по доносу двухъ злодѣевъ, осудили всѣхъ главныхъ рыцарей на казнь и сожженіе. Варварство достойное 14 вѣка! Ихъ мучили, перзали, заставляя виниться въ ужасныхъ нечестностяхъ; на прим. въ томъ, будто они поклонялись деревянному болвану съ сѣдою бородою, отрекались отъ Христа, дружились съ дьяволомъ, влюблялись въ черповокъ, играли младенцами какъ мячемъ, но сень, бросали ихъ изъ рукъ въ руки, и такимъ образомъ умерщвляли. Многіе рыцари не могли снести пытки, и признавали себя виновными; другіе же, въ страшныхъ мукахъ, на коширъ, въ пламени, восклицали: *Есть Богъ! Онъ знаетъ истину невинности!* Моле, Великій Магистеръ Ордена, выведенъ былъ на эшафотъ, чтобы всенародно изъявить покаяніе, за которое обѣщали простить его. Одинъ ревностный Легатъ въ

линой рѣчи описалъ всѣ минувшія злодѣянія Кавалеровъ Храма, и заключилъ словами: «вонъ ихъ начальникъ! слушайте: онъ самъ откроесь вамъ богомерзкія тайны Ордена.....» *Открою истину*, сказалъ несчастный спарецъ, выскочивъ на край эшафота, и потрясая тяжкими своими цѣпями: *Всесыиный, милосердый Отецъ челоуковъ!* вземли клятву мою, которая да оправдаетъ меня предъ Твоимъ небеснымъ судилищемъ!.... Клянусь, что рыцарство невинно; что Орденъ нашъ былъ всегда ревностнымъ исполнителемъ Христіанскихъ обязанностей, правосуднымъ, благотѣльнымъ; что одни людскія муки заставили меня сказать противное, и что я молю Небо простить челоуческую слабость мою. Вижу ярокую злобу нашихъ гонителей; вижу мечъ и пламя. Да будетъ со мною воля Божія! Готовъ все терпѣть въ наказаніе за то, что я оклеветалъ моихъ братьевъ, истину и святую Вѣру! — Въ этотъ же день сожгли его. Спарецъ, вѣлая на костре, говорилъ только о невинности рыцарей, и молилъ Спасителя подкрѣпить его силы. Народъ, проливая слезы, бросился въ огонь, собралъ пепелъ несчастнаго и унесъ его какъ драгоценную святыню. — Какія времена! какіе изверги между людьми! Хитрому Филиппу надобно было имѣніе Ордена.

Чѣмъ загляднѣвъ въ мысляхъ сиротинныя воспоминанія? Куда теперь вѣхаться? Въ *Нль де-Потръ Дамъ*, гдѣ, во время Карла V, передъ глазами всѣхъ именитыхъ жипелей Парижа, рыцарь Макеръ сражался.... съ другимъ рыца-

ремъ, думаете? Пѣтъ, съ собакою, которая могла служить примѣромъ для рыцарей. Донынѣ показываютъ тамъ мѣсто сего чуднаго поединка. Выслушайте исторію. Обри Мондидье, гуляя одинъ въ лѣсу не далеко отъ Парижа, былъ зарѣзанъ и схороненъ подъ деревомъ. Собака несчастнаго, которая оставалась дома, побѣжала ночью искать его, нашла въ лѣсу могилу, узнала, кѣмъ погребенъ шупъ, и нѣсколько дней не сходила съ мѣста. Наконецъ голодъ заставилъ ее возвратиться въ Парижъ. Она пришла къ Обріеву другу, Ардильеру, и жалкимъ воемъ давала ему чувствовать, что общаго друга ихъ пѣтъ уже на свѣтѣ! Ардильеръ накормилъ ее, ласкалъ: но горестная собака не переставала визжать, лизала ему ноги, брала его за кафтанъ, шатала къ дверямъ. Ардильеръ рѣшился идти за нею — изъ улицы въ улицу, за городъ, въ лѣсъ, къ высокому дубу. Тутъ начала она визжать еще сильнѣе и рыть лапами землю. Другъ Обріевъ съ горестнымъ предчувствіемъ видитъ могилу; велитъ слугѣ своему копать, и находитъ тѣло несчастнаго. Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ собака встрѣчается съ убійцею, котораго всѣ Исторіки называютъ рыцаремъ Макеромъ; бросается на него *, ласкаетъ, грызетъ, такъ что съ великимъ трудомъ могли отпихивать ее. Въ другой, въ третій разъ то же;

* Спрашивается, какъ она узнала его? Можеть быть, имѣла тонкое обоняніе, почувствовала на немъ кровь господина своего.

собака, весьма смирная, только противъ одного человека дѣлается злобнымъ тигромъ. Люди удивляются, говорящъ; вспомнили ея привязанность къ господину; вспомнили, что Макеръ въ разныхъ случаяхъ оказывалъ ненависть къ покойнику. Другія обстоятельства умножаютъ подозрѣніе. Доходишь до Короля. Онъ желаетъ видѣти собственными глазами — и видишь, что собака, ласкаясь ко всемъ придворнымъ, съ визгомъ кусаетъ Макера. Въ тогдашнія времена поединокъ рѣшилъ судьбу обвиняемыхъ, еслили доказательства были не ясны. Карлъ назначаетъ день, мѣсто; Рыцарю даютъ булаву, и пускаютъ собаку. Жестокій бой начинается. Макеръ заноситъ руку, хочетъ разитъ; но собака увертливается, хватая его за горло — и злодѣй, падая на землю, признается Королю въ своемъ злодѣяннѣ. Карлъ V, желая для потомства сохранить память вѣрной собаки, которая столько чудесно открыла тайное убійство, велѣлъ въ Бондійскомъ лѣсу соорудить ей мраморный монументъ и вырѣзать слѣдующую надпись: *Жестокія сердца! стыдитесь: безсловесное животное умѣетъ любить, и знаетъ благодарность. А ты, злодѣй! въ минуту преступленія бойся самой тѣни своей!* — И такъ Карлъ справедливо названъ Мудрымъ. — Когда Исторія людей, наполненная злодѣяннѣями, выпадетъ изъ рукъ моихъ, я стану чинить исторію собакъ, и умишусь!

Онгъ чего въ Парижѣ называли одну улицу

адскою? Лудовикъ Свяшій, добрый Государь (еслили бы онъ только не ѣздилъ восвапъ въ Азію и въ Африку) подарилъ ученикамъ Бруновымъ * небольшой домикъ съ садомъ, близъ стариннаго дворца, посироеннаго Королемъ Робертомъ, и давно уже оставленнаго. Скоро разнесся въ Парижъ слухъ, что нечисленныя духи живутъ въ Робертовыхъ палатахъ, шумяпъ, смучапъ цѣлыми и воюпъ спрашнымъ образомъ; что одно зеленое чудовище, сверху человекъ, а снизу змѣя, ходилъ по комнатамъ, ночью выбѣгаспъ на улицу и бросаспся на людей. Лудовикъ, слыша такіе ужасы, разсудилъ за благо онданъ сей дворецъ Карнезіанцамъ, съ условіемъ, чтобы они выгнали онтуда злыхъ духовъ. Зеленое чудовище вдругъ скрылось, и добрыя монахи жили покойно въ своемъ огромномъ домѣ; но улица и донныя называется *адскою*.

Я протѣхалъ онтуда въ улицу *Мильеръ*, гдѣ Францискъ I жилъ нѣсколько времени въ маленькомъ домикѣ, чтобы бытъ соседомъ прекрасной Герцогини д'Эпамъ, копорая владела его нѣжнымъ сердцемъ. Онъ украсилъ свои комнаты живописью, эмблемами, надписями, въ честь и славу любви. «Я видѣлъ еще многіе изъ сихъ девизовъ, говоритъ Соваль, но помню только одинъ: пламенное сердце, изображенное между *альфы* и *омеги*; что безъ сомнѣнія значило: оно будетъ всегда пылать.»

* Бруно основалъ Карнезіанской Орденъ.

Бани Герцогини д'Эпампъ служатъ нынѣ конюшнєю. Шляпный мастеръ вариптъ себѣ кушанье въ спальнѣ Франциска I, а въ кабинетъ его *восторговъ* (cabinet de délices) живетъ сапожникъ.

Спаринный законъ не велитъ во Франціи выпускать на улицу свиней. Любопытны ли вы знать причину? Въ улицѣ *Мальтуа* вамъ скажутъ се. Тамъ молодой Король Филиппъ, сынъ *Лудовика Толстаго*, тхалъ верхомъ. Вдругъ откуда ни взялась свинья и бросилась подъ ноги лошади его: лошадь спонкнулась, Филиппъ упалъ и на другой день умеръ.

Шопланецъ *Ла* (Law) прославилъ улицу *Кенкампуа*: шумъ раздавался близъ его Банка. Спирашное множество людей всегда шѣенилось вокругъ бюро, чшобы мвннать лундоры на ассигнаціи. «Тунъ горбанные шорговали своими «горбами; но еснъ, позволяли акціонѣрамъ шсать на нихъ, и въ нѣсколько дней обогащались. Слуга покуналъ экинажъ господина своего; демонъ корыснолюбія выгонялъ Фило-софа изъ ученаго кабинета и заснавлилъ его «вмѣшиванься въ пошлѣу прроковъ, чшобы по-кушанъ минмья ассигнаціи. Сонъ нечезъ, ошн-лась просная бумага, и авторъ ссй неща-сншой снстемы умеръ съ голоду въ Венеціи, «бывъ за нѣсколько времени передъ нѣмъ ро-«снннвннмъ чсловѣкомъ въ Евронъ.» — *Мерсье въ Картинѣ Парижа.*

Путешествіе мое кончилось улицей *Арфа*, de la Harpe, гдѣ я видѣлъ останки древняго

Римскаго зданія, извѣстнаго подъ именемъ Palais des Thermes: огромную залу съ круглымъ сводомъ, вышиною въ 40 футовъ. Историки думаютъ, что это зданіе древнѣе временъ Іуліановыхъ; по крайней мѣрѣ Іуліанъ жилъ въ немъ, когда Гальскіе Легіоны называли его Римскимъ Императоромъ. Великолѣпныя сады, бассейны, водоводы, о которыхъ говорятъ старинныя лѣтописи, все смирно и заглажено рукою времени. Тутъ жили Французскіе Цари Кловисова поколѣнія; тутъ заключены были любезныя дочери Карла Великаго за ихъ нѣжныя слабости; тутъ, при Короляхъ втораго поколѣнія, знанныя Парижскія дамы выдались съ своими обожателями; тутъ нынѣ выкармливаютъ голубей для продажи. Кста-ти, подумалъ я: голубь есть Венерина птица.

Въ этой же улицѣ славился пирожникъ Миньйо, котораго воспиталъ Буало въ Саширѣ своей.

. . . Mignot c'est tout dire, et dans le monde entier
Jamais empoisonneur ne sut mieux son métier. . .

Пирожникъ разсердился на Саширика, жаловался въ судъ; но будучи только осмѣянъ судьями, вздумалъ мстить Поэту инымъ образомъ: уговорилъ Аббаиа Комптена сочинить саширу на Буало, напечаталъ ее и разослалъ съ пирогами по всему городу.

ОПЕРНОЕ ЗНАКОМСТВО.

Я пришелъ въ Оперу съ Нѣмцемъ Ренивальдомъ. Entrez dans cette loge, Messieurs! — Въ ложѣ сидѣли двѣ дамы съ Кавалеромъ Св. Людовика. «Останьтесь здѣсь, государи мои,» сказала намъ одна изъ нихъ: «видите, что у насъ нѣтъ ничего на головахъ; въ другихъ ложахъ найдете женщинъ съ превысокими уборами, которые совсѣмъ закроютъ отъ васъ театръ.» Мы васъ благодаримъ, отвѣчалъ я, и сѣлъ позади ее. Учтивость ея возбудила мое вниманіе: я съ обѣихъ сторонъ заглядывалъ ей въ лицо. Между тѣмъ товарищъ мой началъ говорить со мною по-Русски: и дамы и кавалеръ посмотрѣли на насъ, услышавъ неизвѣстные звуки. Я имѣлъ удовольствіе найсти въ учливой дамѣ блонду молодую красавицу. Черный цвѣтъ платья охватывалъ близну лица; голубая ленточка извивалась въ густыхъ, свѣтлыхъ, непаудренныхъ волосахъ; букетъ розъ алѣлъ на плечахъ груди. — «Хорошо ли вамъ?» спросила у меня съ улыбкою любезная незнакомка. — *Не лѣзя лучше, сударыня.* — Но Кавалеръ, который сидѣлъ рядомъ съ нею, безпрестанно повертываясь съ стороны въ сторону, безнокотъ Ренивальда. «Я здѣсь ни за что не останусь,» сказалъ мой Нѣмецъ: «проклятый Французъ напретъ мнѣ на когтяхъ мозоли» — сказалъ, и ушелъ. Блондурая незнакомка посмотрѣла на дверь и на меня. «Вашъ товарищъ не доволенъ нашею ложею?»

Я. Ему хочется быть прямо противъ сцены.

Незнакомка. А вы съ нами?

Я. Еслили позволите.

Незнакомка. Вы очень милы.

Кавалеръ Св. Людовика. Я только теперь примѣнилъ, что у васъ на груди розы: вы ихъ любите?

Незнакомка. Какъ не любить? онъ служанъ эмблемою нашего пола.

«Онъ ихъ совсемъ нѣтъ запаха,» сказалъ онъ, распуская и сжимая свои поздравленія.

Я. Извините — я дайте, а чувствую.

Незнакомка. Вы дайте? да чтожь вамъ мѣшаетъ быть поближе, еслили розы для васъ приятны? Здѣсь есть мѣсто.... Вы Англичанинъ?

Я. Еслили Англичане имѣютъ право вамъ нравиться, то мы болѣе называемся Русскимъ.

Кавалеръ. Вы Русской? Видите, что я угадалъ, сударыня! j'ai voyagé dans le nord; je me connois aux accens; je vous l'ai dit dans le moment.

Незнакомка. Я право думала, что вы Англичанинъ. Je raffole de cette nation.

Кавалеръ. Не лѣзя ошибиться тому, кто, подобно мнѣ, былъ вездѣ, и знаетъ языки. У васъ въ Россіи говорятъ Нѣмецкимъ языкомъ?

Я. Русскимъ.

Кавалеръ. Да, Русскимъ; все одно.

«Вѣдь мѣсто заняты,» сказала красавица, взглянувъ на парьеръ: «идѣте лучше! я люблю людей.»

Кавалеръ. Иначе вы были бы неблагодарны.

Какъ досадно! думалъ я: онъ сорвалъ у меня съ языка это слово.

Кавалеръ. Только по Монсееву закону вамъ надобно ненавидѣть женщинъ.

Незнакомка. Почему же?

Кавалеръ. Любовь за любовь, ненависть за ненависть.

Незнакомка (съ усмѣшкою). Я Христианка. Однакожь это правда: женщины не любятъ другъ друга.

Для чего же? спросилъ я съ величайшею невинностію.

Красавица. Для чего?....

Тутъ она пошухала свои розы, взглянула оныя на меня, и спросила, давно ли я въ Парижъ? долго ли пробуду?

Когда розы увянутъ въ саду, меня уже здѣсь не будетъ — ошвѣчалъ я самымъ жалкимъ голосомъ.

Красавица (посмотрѣвъ на свой букетъ). Онъ у меня цвѣтутъ и зимою.

Я. Чего не дѣлаетъ искусство, сударыня? Однакожь Пашура не теряетъ своихъ правъ: ея цвѣты мнѣ.

Красавица. Не стѣверному жинелю хвалишь Природу: она у васъ печальна.

Я. Не всегда, сударыня: у насъ также есть весна, цвѣты и прекрасныя женщины.

Незнакомка. Любезныя?

Я. По крайней мѣрѣ любимыя.

Незнакомка. Да, я думаю, что у васъ лучше умѣютъ любить, нежели правились. Во Фран-

ніи напротивъ: чувство пылаетъ здѣсь только въ романахъ.

Я. У насъ, сударыня, у насъ оно пылаетъ въ сердцахъ.

Кавалеръ. Чувствительность вездѣ романъ. Я неспешивовалъ, и знаю.

Красавица. О несносные Французы! вы все апенсны въ любви. Не мѣшайте ему говорить. Онъ намъ скажетъ, какъ въ Россіи обожаютъ женщинъ —

Кавалеръ. Романъ!

Красавица. Какъ мужчины нѣжны, примѣчательны —

Кавалеръ (зѣвая). Романъ!

Красавица. Какъ они смотрятъ женщинамъ въ глаза, не скучая, не зѣвая.

Кавалеръ (засмѣявшись). Романъ! Романъ!

Тунъ весь театръ освѣтился плашками, и зрители захопали въ знакъ удовольствія. Красавица сказала съ улыбкою: «мужчины рады свѣту, а мы боимся его. Посмотрите, напримеръ, какъ вдругъ спала блѣдная молодая дама, которая сидитъ противъ насъ!...»

Кавалеръ. Опъ того, что она, подражая Англичанкамъ, не румянилась.

Я. Блѣдность имѣетъ свою прелесть, и женщины напрасно румянятся.

Красавица обернулась къ партнеру.... Ахъ! она была зарумянена! Я сказалъ неучинившись, прижался бокомъ къ стѣнѣ, и молчалъ. Къ счастью оркестръ заигралъ, и началась опера. Музыка Глюкова Орфея восхишила меня такъ,

что я забылъ и красавицу; за то вспомнилъ Жанъ-Жака, который не любилъ Глука, но слыша въ первый разъ Орфея, пѣвшаго, молчалъ — и когда Парижскіе знатоки при выходѣ изъ театра окружили его, спрашивая, какова музыка? запѣлъ тихимъ голосомъ: j'ai perdu mon Eurydice; rien n'égale mon malheur — обтеръ слезы свои, и не сказавъ болѣе ни слова, ушелъ. Такъ великіе люди признаются въ несправедливости мнѣній своихъ!

Занавѣсъ опустился. Незнакомка сказала мнѣ: «Божественная музыка! а вы, кажется, не аплодировали?»

Я. Я чувствовалъ, сударыня.

Незнакомка. Глукъ мнѣ Пиччини.

Кавалеръ. Объ этомъ въ Парижѣ давно перешли спорить. Одинъ славился гармоніею, другой мелодіею; одинъ всегда равно удивленъ, другой великъ порывами; одинъ никогда не падаетъ, другой вскакиваетъ съ земли, чтобы лезть къ облакамъ; въ одномъ болѣе характера, въ другомъ болѣе опытокъ. Мы давно согласились.

Незнакомка. Я не умѣю дѣлать ученыхъ сравненій; а вы, государь мой?

Я. Согласенъ съ вами, сударыня.

Незнакомка. Etes-vous toujours bien, Mr.?

Я. Parfaitement bien, Madame, auprès de vous.

Тутъ Кавалеръ Св. Людовика сказалъ ей что-то на ухо. Она засмѣялась, посмотрѣла на часы, встала, подала ему руку, и сказавъ мнѣ: je vous salue, Monsieur! ушла вмѣстѣ съ другою

дамою. Я изумился.... Не дождашься прекраснаго балета *Калпсы* и *Телемака*! странно!... Минь стало въ ложѣ просторнѣе и — скучнѣе. Я взглядывалъ на дверь, какъ будто бы ожидая возвращенія прелестной незнакомки. Кто она? благородная, почтенная, или.... Какая мысль! Важныя Парижскія дамы не говорятъ такъ вольно съ незнакомыми; однакожь можешь быть исключеніе изъ правила. Воображеніе мое не преспавало заниматься сю во время балета, находя въ разныхъ танцовщицахъ сходство съ блонкурою незнакомою. Я пришелъ домой — и все еще объ ней думалъ.

«Исторія кончилась,» вы скажете: а можешь быть и *нѣтъ*. Что, еслили я опять гдѣ нибудь встрѣчусь съ красавицею, въ *Елисейскихъ поляхъ*, въ Булонскомъ лѣсу; избавлю ее отъ разбойниковъ, или выпанцу изъ Сены, или спасу отъ огня?... Предвижу вашу усмѣшку. «Романъ! романъ!» повпорише вы съ Кавалеромъ Св. Лудовика. Боже мой! какъ люди стали нынѣ недовѣрчивы! Это опнимаешь охоту путешествовать и рассказывать анекдоты. Хорошо; я замолчу.

Парижъ, Мая....

Соллиманъ Ага, Турецкій Посланникъ при Дворѣ Лудовика XIV въ 1669 году, первый

ввелъ въ употребленіе кофе. Нѣкто Паскаль, Армянинъ, вздумалъ завести кофейный домъ; новостъ полюбилась, и Паскаль собралъ довольно денегъ. Онъ умеръ, и мода на кофе прошла, такъ что къ его наследникамъ никто уже не ходилъ въ гости. Черезъ нѣсколько лѣтъ Прокотъ Сициліянецъ открылъ новый кофейный домъ близъ *Французскаго театра*, украсилъ его со вкусомъ, и нашелъ способъ заманивать къ себѣ лучшихъ людей въ Парижъ, особливо Авторовъ. Тутъ сходились Фонтенель, Жанъ Батистъ Руссо, Соренъ, Кребильйонъ, Пиронъ, Вольтеръ; читали прозу и стихи, спорили, шутили, рассказывали новости. Парижане ходили отъ скуки слушать ихъ. Имя сохранилось донынѣ; но непревзойденный Проконовъ кофейный домъ не имѣетъ уже славы прежняго.

Что можетъ быть шашливѣе этой выдумки? Вы идете по улицѣ, услышали, кончили отдохнуть: вамъ отворяютъ дверь въ залу, чисто прибранную, гдѣ за нѣсколько копѣекъ освѣжитесь лимонадомъ, мороженымъ; прочтите газету; слушайте сказки, разсужденія; сами говорите, и даже кричите, еслили угодно, не боясь досадить хозяину. Люди не богатые, осенью, зимою, находятъ тутъ пріятное убѣжище отъ холода, камина, свѣтлый огонь, передъ которымъ могутъ сидѣть какъ дома, не плаща ничего, и еще пользоваться удовольствіемъ общеснва. *Vive Pascal, vive Procope! vive Soliman Aga!*

Есть болѣе 600 кофейныхъ домовъ въ Па-

рижъ (каждый имѣетъ своего Корифея, умника, говоруна), но знаменитыхъ считается 40, изъ которыхъ пять или шесть въ Пале-Рояль: Café de Foi. du Cavot, du Valois. de Chartres. Первый опмѣнно хорошо прибранъ; а въпорый украшенъ мраморными бюстами музыкальныхъ сочинителей, которые своими Операми пѣвнютъ слухъ здѣшней публики: бюстомъ Глука, Саккнини, Пиччинни, Гренпри и Филидора. Тутъ же на мраморномъ столѣ написано золотыми буквами: On ouvrit deux souscriptions sur cette table: la premiere le 28 Juillet, pour répéter l'expérience d'Annonay; la deuxieme le 29 Août, 1785, pour rendre hommage par une médaille à la decouverte de MM. de Montgolfier. На столѣ прибитъ медальйонъ, который изображаетъ обоихъ братьевъ Монгольфье. — Жанъ-Жакъ Руссо прославилъ одинъ кофейный домъ, le Café de la Régence. пѣмъ, что всякой день игралъ тамъ въ шанки. Любопытство видѣть великаго Автора привлекало туда столько зрителей, что Полицеймейстеръ долженъ былъ присна-вить къ дверямъ караулъ. И нынѣ еще собираются тамъ ревностные Жанъ-Жакисны, пипь кофе въ честь Руссовой памяти. Стулъ, на которомъ онъ сидѣвалъ, хранился какъ драгоценность. Мыъ сказывали, что одинъ изъ почтеннѣшелей Философа давалъ за него 500 ливровъ; но хозяинъ не хотѣлъ продать его.

С м ь с ь.

Я желалъ видѣть, какъ веселился Парижская чернь, и былъ пыльный день въ *Генгетахъ*: такъ называющіеся загородные практиры, гдѣ по Воскресеньямъ собирается народъ объѣдать за 10 су и пить самое дешевое вино. Не можете представить себѣ, какой шумный и разнообразный спектакль! Превеликія залы наполнены людьми обоего пола; кричатъ, пляшутъ, поютъ. Я видѣлъ двухъ шестидесятилѣтнихъ стариковъ, важно танцующихъ менуэтъ съ двумя спарухами; молодые хлопали въ ладоши, и кричали: *браво!* Нѣкоторые напались опѣ двѣснвія винныхъ паровъ, а такъ же хотѣли танцовать, и только чмо не падали; не узнавали дамъ своихъ, и вмѣсто извиненія говорили: *diable! peste!* — *C'est l'empire de la grosse gaieté*, царство грубого веселья! — И такъ не одинъ Русской народъ обожаетъ Бахуса! Розница та, что пьяный Французъ шумитъ, а не дерется.

У дверей всякой *Генгеты* стоятъ женщины съ цѣпками, берутъ васъ за руку и говорятъ: *Господинъ милый, господинъ прекрасный! я дарю васъ букетомъ розъ.* Надобно непременно взять подарокъ, опблагодарить шестью копѣйками *, и еще сказать учинное слово, *un mot de politesse, d'honneteté.* Парижскія *цѣтководицы* одного разбора съ *рыбными торговками* (*les poissardes*);

* Une piece de 6 sous.

страшно не понравиться имъ; онъ въ состоя-
ннн замѣнать васъ грязью. Но если вы
держите въ рукѣ букетъ цвѣтовъ, то вамъ
уже не предлагаютъ другога. Однажды, на
Королевскомъ мосту, двѣ цѣлующицы остано-
вили меня съ Барономъ В*, и требовали... по-
цѣлуй! Мы смѣялись, хотѣли итти: но же-
стокия Вакханты насильно поцѣловали насъ
въ щеку, хохотали во все горло, и кричали
намъ въ слѣдъ: *еще, еще одинъ поцѣлуй!*

Идучи по Дофинскому берегу, увидѣвъ я на
рѣкѣ два Китайскіе навильйона; узнавъ, что
это бани; сошелъ внизъ, заплатилъ 24 су и
вымылся холодною водою въ прекрасномъ ма-
ленькомъ кабинетѣ. Чистота удивительная.
Во всякой кабинетѣ проведена изъ рѣки осо-
бная труба, въ которой вода течетъ сквозь
песокъ. Тутъ же учатъ плавать; урокъ сто-
итъ 30 су. При мнѣ плавали при человѣка съ
опытною легкостью. Въ Парижѣ есть и пен-
лыя бани, въ которыя часто посылаютъ Ме-
дики больныхъ своихъ. Самыя лучшія и доро-
гія называются Русскими, *bains Russes, de vapeurs*
ou de fumigations, simples et composés. Подобно за-
платить рубль два, и васъ вымоютъ, вы-
трутъ губками, обкурятъ ароматами, какъ у
насъ въ Грузинскихъ баняхъ.

Я былъ въ Hôtel-Dieu, главнѣй Парижской Гошпитали, въ которую принимаютъ всякой Вѣры, всякой націи, всякаго рода больныхъ, и гдѣ бываешь ихъ иногда до 5000, подъ надзоромъ 8 Докторовъ и ста лекарей. 150 Монахинь Августинскаго Ордена служатъ несчастнымъ и некушя о соблюденіи чистоты; 24 священника безпрестанно исповѣдываютъ умирающихъ, или опитываютъ мертвыхъ. И видѣть только двѣ залы, и не могъ итти дальше: мнѣ спало дурно; и до самаго вечера слышь больныхъ опывался въ моихъ ушахъ. Не смотря на хорошій присмотръ, изъ 1000 всегда умираетъ 250. Какъ можно заводить такія больницы въ городъ? Какъ можно пить воду изъ Сены, въ которую спускаетъ вся нечистота изъ Hôtel-Dieu? Ужасно вообразишь! Щастливъ, кто выйдетъ изъ Парижа здоровый! Я спѣшу въ театръ, чтобы разсѣять свою меланхолію и начало лихорадки.

Здѣшняя Королевская Библіотека есть первая въ свѣтѣ; по крайней мѣрѣ такъ сказалъ мнѣ Библіотекаръ. Шесть превеликихъ залъ наполнены книгами. Мистическіе Авторы занимаютъ пространство въ 200 футовъ длиною и въ 20 вышиною, Схоластичи 150 футовъ, Юриспруденцы 40 сажень, Историчи вдвое.

Поэшовъ считается 40,000, Романистовъ 6000, путешественниковъ 7000. Все вмѣстѣ составляетъ болѣе 200,000 именъ, къ которымъ надобно еще прибавить 60,000 рукописныхъ. Порядокъ рѣдкій. Наименуйте книгу, и черезъ нѣсколько минутъ она у васъ въ рукахъ. Мы, какъ Русскому, показывали Славянскую Библію и Наказъ Императрицы. — Карлъ V получилъ въ наслѣдство послѣ Короля Іоанна 20 книгъ; любя чтеніе, умножилъ ихъ до 900, и былъ основателемъ сей Библіотеки. Тутъ же, въ Кабинетѣ древнихъ и новыхъ медалей, съ великимъ любопытствомъ разсматривають я два щина славѣйшихъ изъ древнихъ полководцевъ: Аннибала и Сципіона Африканскаго *. Какими пріятными воспоминаніями обязаны мы Испаніи! Мы было 8 или 9 лѣтъ отъ роду, когда я въ первый разъ читалъ Римскую, и воображая себя маленькимъ Сципіономъ, высоко поднималъ голову. Съ того времени люблю его какъ своего Героя. Аннибала я ненавиждать въ несчастныя времена славы его, но въ рѣшительный день, передъ силами Карфагенскими, сердце мое едва ли не ему желало побѣды. Когда всѣ лавры на головѣ его увяли и засохли; когда онъ, укрываясь отъ злобы мстительныхъ Римлянъ, скинулся изъ земли въ землю: тогда я былъ нѣжнымъ другомъ коня несчастнаго, но великаго Аннибала, и врагомъ жестокихъ Республиканцевъ. — Еще хранятся въ Библіо-

* Доказывается надписью.

пекъ двѣ стрѣлы дикихъ Американцевъ, намазанныя такимъ сильнымъ ядомъ, что естъ-ли проколешь ими до крови какое нибудь животное, то оно черезъ нѣсколько минутъ оцѣнѣвъ умретъ. — Въ залѣ нижняго этажа стоятъ два глобуса чрезвычайной величины, такъ что верхняя часть ихъ выходитъ, черезъ отверстіе потолка, въ другой этажъ. Они сдѣланы монахомъ Корнелии. — Собраніе эстамповъ въ Библіотекѣ также доснойно примѣчанія.

Здѣсь много и другихъ общесивенныхъ и частныхъ Библіотекъ, отворенныхъ въ назначенные дни для всякаго. Чинайше, выписывайше, что вамъ угодно. Итъ въ свѣтъ другаго Парижа ни для ученыхъ, ни для любопытныхъ; все готово — только пользуйся.

Королевская Обсерваторія, обращенная углами къ четиремъ главнымъ пунктамъ горизонта, построена безъ дерева и безъ желѣза. Въ большой залѣ перваго этажа проведенъ Меридіанъ, который идетъ чрезъ всю Францію, на сѣверъ и на югъ, отъ Коліура до Дюнкирхена. Тамъ одна комната называется *тайною*, la salle des Secrets. и представляетъ любопытный феноменъ. Естъли вы приложите губы къ пластру и тихонько скажете нѣсколько словъ,

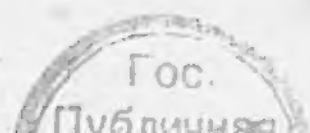
то человекъ, стоящій напрашивъ у друга пиласпра; слышатъ ихъ; а люди, которые стоятъ между вами, ничего не слышатъ. Монахъ Киркертъ писалъ изъясненіе сей механической странности. — Кіно хотѣлъ сойти въ подземельный лабиринтъ Обсерванпоріи, служащій для разныхъ метеорологическихъ опытовъ, тому надобно непременно взять жопаго и факелы: 360 ступеней ведутъ васъ въ эту бездну; темнота страшная; густой, сырой воздухъ почти останавливаетъ дыханіе. Мы рассказывали, что два монаха, сошедши туда вмѣстѣ съ другими любопытными, опешали — хотѣли догнать товарищей, но факель ихъ угасъ — они искали выхода изъ темныхъ переходовъ, но тщетно. Черезъ 8 дней нашли ихъ въ лабиринтѣ мертвыхъ.

Лудовикъ XIV посвятилъ самый великолѣпнѣйшій въ Европѣ *Иисавидный* домъ для изувѣченныхъ и преспаръныхъ воиновъ, желая доказать имъ Царскую благодарность, и часто бывалъ у нихъ въ гостяхъ, безъ всякой справки, кромѣ испытаннаго усердія своихъ Веперановъ. Печальное зрѣлище для Философа, протѣсельное для всякаго чувствительнаго! Многіе Иисавиды не могутъ ходить; многіе не могутъ даже ѣсть сами: ихъ кормятъ. Одни молятся

передъ олшарями; другіе сидяшъ подъ шѣнію густыхъ деревъ, разговаривая о побѣдахъ, купленныхъ ихъ кровію. Какъ охотно снимаю шляпу передъ съдымъ воиномъ, который носишъ на себѣ незагладимые знаки храброспи и печать славы! Война бѣдсшвенна, но храбросшъ естъ великое свойсшво души. «Робкой «человѣкъ можешъ бышъ добрымъ: но всякой «дурной человѣкъ непременно долженъ бышъ «шрусомъ,» говоришъ Сперновъ Капралъ Тримъ. — Петръ Великій, осматривая Парижскій Инвалидный домъ въ то время, какъ почщенные воины сидѣли за обѣдомъ, налилъ себѣ рюмку вина, и сказалъ: *ваше здоровье, товарищи!* вышилъ до капли.

Архитектура и живопись прекрасны.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

О Г Л А В Л Е Н І Е

Ч Е Т В Е Р Т А Г О Т О М А .

ПИСЬМА РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

	Стран.
Письмо изъ Женевы	1
„ „ — — — Февраля 2, 1790.	20
„ „ — — — — — 28, 1790.	26
Горная деревенька въ Pays de Gex, Марша 4, 1790,	
въ полночь.	30
Марша 6, 1790.	37
Письмо изъ Ліона, Марша 9, 1790.	41
„ „ — — — Марша..... 1790.	58
„ „ — — — — —	77
Рѣка Сопа.	79
Письмо изъ Макона въ Бургоніи, полночь.	82
„ „ — Фоншенебло, 9 часовъ утра.	84
„ „ — Парижа, 27 Марша 1790.	86
„ „ — — — — — 2 Апрѣля, 1790.	92
„ „ — — — — — Апрѣля..... 1790.	93
„ „ — — — — — Апрѣля..... 1790.	110
„ „ — — — — — Апрѣля.....	115
„ „ — — — — — Апрѣля 29, 1790	117
„ „ — — — — — Апрѣля.....	140
„ „ — — — — — Маія.....	144
„ „ — — — — — Маія..... 1790.	160
„ „ — — — — — Маія.....	170
„ „ — — — — — Маія...	178
„ „ — — — — — Маія.....	196
Смѣсь.	199

18.47.6.74.